

В. М. БАКУНИН

ОПИСАНИЕ КАЛМЫЦКИХ НАРОДОВ, А ОСОБЛИВО ИЗ НИХ ТОРГОУТСКОГО, И ПОСТУПКОВ ИХ ХАНОВ И ВЛАДЕЛЬЦЕВ

К 63.3(2Рос.Кал)5
Б 198

Серия "Наше наследие"

В. М. БАКУНИН

ОПИСАНИЕ КАЛМЫЦКИХ НАРОДОВ, А ОСОБЛИВО ИЗ НИХ ТОРГОУТСКОГО, И ПОСТУПКОВ ИХ ХАНОВ И ВЛАДЕЛЬЦЕВ

Сочинение 1761 года

Элиста
Калмыцкое книжное издательство
1995

ББК 63.3(2)46
Б 198

Вступительная статья кандидата исторических наук, доцента КГУ
М. М. Батмаева

Предисловие *В. Разумовской*

Текст сочинения и предисловия печатается по изданию: Описание истории калмыцкого народа//Красный архив: Исторический журнал. 1939. Т. 3(94); Т. 5(96).

На фронтисписе рисунок Г. Котиновой ''Воин-калмык XVIII века''

Издание выпущено в счет дотации, выделенной Комитетом РФ по печати

Б $\frac{0503020300-016}{М\ 126(03)-95}$ 1 — 95

ISBN 5-7539-0274-X

© Калмыцкое книжное издательство, 1995
© Вступительная статья. М. М. Батмаев, 1995
© Оформление, Г. и С. Котиновы, 1995

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Сочинение В. М. Бакунина ''Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступок их ханов и владельцев...''— одно из первых по истории калмыцкого народа в составе России, по истории русско-калмыцких отношений — впервые выходит отдельным изданием в серии ''Наше наследие'', как и выпущенные ранее Калмыцким книжным издательством труды Н. Я. Бичурина (Иакинфа) ''Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени'' (Элиста, 1991) и Н. Н. Пальмова ''Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в России'' (Элиста, 1992).

Труд В. М. Бакунина всегда привлекал внимание отечественных востоковедов до- и послереволюционного периодов, зарубежных ученых, изучавших историю выходцев Центральной Азии, оказавшихся по воле судеб с XVII в. в европейской части России, как материал, заслуживающий доверия, ибо автор, свободно владевший калмыцким языком, знавший письменность ''тодо бичиг'' (старокалмыцкую), по долгу службы на протяжении нескольких десятков лет был в гуще ''калмыцких дел''.

В 1939 г. была предпринята первая попытка издать рукопись В. М. Бакунина и тем самым сделать ее достоянием заинтересованного читателя, т. к. рукописный источник XVIII в. был доступен лишь узкому кругу специалистов. В журнале ''Красный архив'' в №№ 3(94), 5(96) была опубликована основная часть сочинения. Меньшая часть рукописи так и осталась неопубликованной. Причины, видимо, заключались в начавшейся вскоре Великой Отечественной войне, затем ликвидации автономии калмыцкого народа и его депортации в Сибирь, после чего сам этноним ''калмык'' был подвергнут искоренению из обихода. После восстановления республики калмыцкого народа вопрос о публикации сочинения В. М. Бакунина, как и многих других дореволюционных источников, стал зависеть уже от других причин, среди которых, на наш взгляд, одна из немаловажных — смена поколений в историографической науке, утрата традиций старой школы, знавшей толк в текстологической работе, языке документов XVIII в.

При подготовке данного труда к выпуску в свет Калмыцкое книжное издательство вынуждено было использовать публикацию журнала ''Красный архив'' в качестве основы издания. Журнальная редакция была сверена с фотокопией рукописной копии, известной под названием ''списка из ''Погодинского сборника''. При этом восстановлены сокращения, сверены и приведены к единообразию имена исторических деятелей, географические названия и пр. Неопубликованная часть печатается также по этой фотокопии, очевидно, сделанной в 1931 г. в Государственной публичной библиотеке г. Ленинграда и хранящейся сейчас в фонде ЦГА Республики Калмыкия (ф. Р-41, оп. 1, Коллекция случайных поступлений, д. 3).

Наше издание рассчитано на читателей, интересующихся историей калмыцкого

народа, его отношениями с соседними народами, его первыми шагами на европейском континенте. По этой причине текст максимально приближен к современной орфографии, но для сохранения подлинности языка XVIII в., исторического колорита сочинения оставлены без изменений лексика, синтаксис оригинала, многие грамматические формы и т. п.

В. М. БАКУНИН И ЕГО ''ОПИСАНИЕ КАЛМЫЦКИХ НАРОДОВ''

1939 год можно без всякой натяжки назвать знаменательной вехой в истории калмыковедения. В этом году в 3-м и 5-м номерах журнала ''Красный архив'' было опубликовано (с небольшими сокращениями и не до конца) ''Описание калмыцких народов, а особливо из них Торгоутского, и поступок их ханов и владельцов, сочиненное статским советником Васильем Бакуниным, 1761 года''. Кто же такой В. М. Бакунин и чем ценен его труд? В словаре Брокгауза и Ефрона говорится, что Бакунины — дворянский род XVII в., очевидно, из выслужившихся подьячих. Один из них, Никифор Евдокимов, числился дьяком в 1658 г. и дворянином по московскому списку 1677 г. Свое происхождение этот Никифор вел от неких трех братьев, якобы выехавших из Венгрии на службу в Москву в 1492 г. Скорее всего, названных братьев попросту не существовало в природе: многие дворянские роды любили украшать подобными легендами свои родословные.

Сам В. М. Бакунин в прошении об определении его секретарем Калмыцких дел при Коллегии иностранных дел от 12 февраля 1726 г. кратко сообщал, что дед его, Иван Иванович,— ''родиною ярославский помещик'' и князем Б. А. Голицыным, одним из сподвижников Петра I, был определен на службу в г. Царицын. Действительно, в Ярославле Бакунины были известны, по крайней мере, с XVI в.: в ''Ономастиконе'' С. Б. Веселовского под 1568 г. упоминаются Иван и Михаил Ивановичи Бакунины.*

Истоки происхождения прозвища, ставшего с течением времени фамилией предков нашего автора, также нужно искать не на мадьярской, а на той же ярославской земле. Здесь нам будет уместно вспомнить Н. В. Гоголя: ''Выражается сильно российский народ! и если наградит кого словцом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света. И как уж потом ни хитри и ни облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за наемную плату от древнекняжеского рода, ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица''.

В связи со сказанным интересно отметить одно знаменательное обстоятельство: в ряде документов первой четверти XVIII в. фамилия Василия Михайловича пишется как ''Бакулин''. В знаменитом словаре В. И. Даля отмечается: ''Бакулить — разговаривать, беседовать, говорить'', причем слово имело иронический оттенок: шутить, пустословить и т. д. Значения производных существительных от ''бакулить'' — краснослов, говорун, байщик и т. п. — говорят сами за себя. Там же В. И. Даль раскрывает смысл прозвища ''бакуня'' — краснобай, ловкач, проныра и егоза. Кто из предков Василия

* С. Б. Веселовский. Ономастикон. М., 1974. С. 22.

Михайловича отличался названными свойствами и когда к нему прилипло не совсем благозвучное прозвище — сказать трудно.

Впервые упоминание о службе сына боярского (низший служилый чин дворян) Ивана Бакунина, деда Василия Михайловича, встречается в документах 1674 г., когда он послан был царицынским воеводой Д. Траханиотовым для переговоров с тайшей Солом-Сереном.* Имя же отца, Михаила Бакунина, всплывает в документах в 90-х годах XVII в. В декабре 1697 г. он ездил по приказу воеводы Ф. Козловского из Царицына в Паншин городок для улаживания ссор между донскими казаками и калмыками. В переговорах с казаками он действовал, по-видимому, решительно и жестко, так как в следующем году атаман Ф. Минаев в письме к Б. А. Голицыну называл его ''плутом'' и обвинял в употреблении самых ''несносных'' слов и угроз.** Впоследствии, уже в первой четверти XVIII в., он занимал пост коменданта Царицына: в 1724 г. он был еще жив и выполнял некоторые поручения астраханского губернатора А. П. Волынского.

В упоминавшемся прошении от 1726 г. В. М. Бакунин сообщает, что его собственная служба началась в 1720 г., когда он был взят из Царицына в Астрахань и определен А. П. Волынским переводчиком калмыцкого языка.*** Каким образом он мог основательно изучить калмыцкий язык и заяпандитскую письменность (ведь он переводил не только устные разговоры, но и письма ханов и нойонов к местной и центральной царской администрации и ответные грамоты и письма к первым)? По установившейся в дни его молодости практике он мог получить основные знания по языку и письму от своего отца, который по своей многолетней службе в сфере русско-калмыцких отношений также должен был хорошо знать калмыцкий язык.

В дальнейшем дети таких служителей или самостоятельно совершенствовали свои познания, или же на несколько лет посылались в улусы, где в хурулах под руководством персонально прикрепленного гелюнга заканчивали необходимое для будущего переводчика обучение. Судя по косвенным данным, Василий Михайлович и его брат Иван получили основательное домашнее образование и впоследствии самостоятельно довершили его, в том числе и путем непосредственного общения с калмыками, представители которых были в то время не редкостью в нижневолжских городах. Таким образом, представители нескольких поколений рода Бакуниных были прямыми участниками, а значит и хорошими знатоками всех перипетий русско-калмыцких отношений.

К началу своей службы В. М. Бакунин был уже сравнительно зрелым человеком, имевшим свою семью. Сохранилось в архивных материалах показание саратовского дворянина Я. Г. Микулина, который летом 1720 г., будучи в Царицыне, ходил ''в гости к теще своей, вдове саратовского посадцкого человека Егора Дружинина — к жене ево

* Российский государственный архив древних актов, ф. 119 ''Калмыцкие дела'' (далее приводится номер фонда без указания названия и места хранения. — *М. Б.*), оп. 1, 1674 г., д. 3, л. 267.

** Ф. 119, 1697 г., д. 4, л. 29—39; 1698 г., д. 3, л. 53, 97—103.

*** Центральный государственный архив Республики Калмыкия, ф. 36 ''Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе'' (далее номер фонда без указания названия и места хранения. — *М. Б.*), оп. 1, д. 25, вставные листы после л. 849.

Ульяне Гавриловой в дом зятя ее, а ево свояка, царицынского дворенина Василья Бакунина, и будучи де тут напился весьма пьян''.*

А. П. Волынский не ошибся, выдвигая В. М. Бакунина на службу и содействуя в дальнейшем продвижению его по служебной лестнице. Новоиспеченный переводчик уже в скором времени показал не только хорошее знание калмыцкого (а затем и монгольского) языка, но и отменное усердие в выполнении возложенных на него поручений и защите правительственных интересов. Читатель в соответствующем месте предлагаемого издания увидит, как наш автор, говоря о себе в третьем лице, рассказывает, что во время Персидского похода 1722 г. его стараниями и бдительностью был разоблачен шпион, кубанский татарин Хаз-Мамбет, предотвращена попытка руководителей калмыцкого отряда не вступать в бой с кумыками и с этой целью предупредить последних о грозящей им опасности и т. п.

После смерти 82-летнего Аюки (а не 77-летнего, как у В. М. Бакунина) в среде калмыцкой знати разгорелась усобица, первые вспышки которой начались еще при жизни престарелого хана. Автор достаточно подробно и в целом верно описывает ход событий и свое участие в них. Вместе с тем к его рассказу необходимо сделать ряд существенных примечаний. Разумеется, усобица в немалой степени была следствием притязаний и практических действий — порою необдуманных и даже авантюрных — претендентов на ханскую власть, в своекорыстном ослеплении не учитывавших ни реалий своего времени, ни интересов всего калмыцкого народа.

Однако и действия царского правительства также не в последнюю очередь способствовали ожесточенности и затягиванию междоусобной борьбы в улусах. Российские власти долгое время придерживались в отношениях с калмыцкой знатью принципа, суть которого четко высказал тот же А. П. Волынский: ''Для содержания калмык ничто так потребно, чтоб между Аюкой-ханом и протчими владельцы баланс был. Буде же один из них будет силен, тогда их трудно приводить в доброй порядок и прямое подданство''.** Другими словами, это известная еще с древности политика по принципу ''разделяй и властвуй''.

Если бы правительство во время событий, последовавших после смерти хана Аюки, отказалось от политики пресловутого ''баланса'', то дело быстрее и менее болезненно закончилось бы победой наиболее сильного претендента, что уменьшило бы или вовсе прекратило междоусобные столкновения. Это хорошо понимали и в улусах. Правительственным посланцам передавали простолюдины, что ''многие их знатные калмыки рассуждают, что им покоя не будет, понеже де у них три хана: первой Черен-Дондук, другой Дондук-Омбо, третей — Дасанг, и что лутче им двоих удавить, а именно Дондук-Омбу и Дасанга, и тако их народ будет покойнея, так как и прежде сего было при хане Аюке, когда он один был ханом''.***

Однако российский двор не устраивала чрезмерная централизация власти в ханстве, тем более в руках человека деятельного, волевого и склонного к непослушанию, каковым был, в частности, Дондук-Омбо. Поэтому правительство продолжало гнуть привычную линию, хотя чем дальше, тем больше становилось очевидным, что содержание ''баланса'', к тому же при наличии нескольких группировок, не приносит

* Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. 119 ''Калмыцкие дела'', оп. 119/1, 1720 г., д. 7, л. 52.

** Ф. 36, д. 18, л. 1 об.

*** Ф. 36, д. 36, л. 77.

желаемого результата и имеет довольно существенные для правительственных интересов отрицательные последствия.

Другой важной причиной, расколовшей калмыцкую знать на враждебные друг другу группировки, стало отношение к общей линии правительственной политики. Дондук-Омбо и его союзники резко негативно относились к активному вмешательству российского правительства во внутреннюю жизнь ханства, конечной целью которого являлось ограничение самостоятельности калмыцких феодалов. Церен-Дондук со своими сторонниками целиком уповал на поддержку правительства. Наконец, третьи занимали колеблющуюся позицию, примыкая то к первой, то ко второй группировке или же придерживаясь нейтралитета. Состав названных групп не был постоянным, меняясь в зависимости от характера отношений между самими нойонами и от конкретных действий правительства.

Как было сказано выше, В. М. Бакунин принимал непосредственное активное участие в событиях междоусобицы первой половины 20-х годов, о чем он и сам пишет в своем труде, правда, благоразумно умалчивая об одной особенности своей деятельности. Дело в том, что по указанию А. П. Волынского он был направлен 28 января 1725 г. в Черный Яр, чтобы ''будучи там и ездя в калмыцкие улусы, наведовался о всех калмыцких владельцах, в каком они состоянии обретаютца, и что уведает, о том бы писал к господину губернатору''.* 12 февраля последовало новое распоряжение, ''чтоб он был при ханском наместнике Черен-Дондуке и проведывал о калмыцких обращениях''.**

Для успешного выполнения возложенной на него обязанности он создал в улусах целую сеть осведомителей из простолюдинов и зайсангов, которые не бескорыстно снабжали его различными сведениями. Истинная цель частых разъездов Василия Михайловича и пребывания при ставке наместника не осталась тайной для нойонов. Один из осведомителей, некто Токто, в скором времени уведомил В. М. Бакунина, что ханша Дарма-Бала ''имеет об нем подозрение ... и называла де ево проведовальщиком'',*** то есть, говоря проще, соглядатаем и шпионом. Именно эта сторона деятельности не в меру ретивого переводчика стала причиной едва не постигшего его трагического конца во время встречи с Нитар-Доржи, человеком безрассудным и жестоким, а также стойкой неприязни к нему большей части нойонов.

Прошение 1726 г. было удовлетворено: нашего автора назначили секретарем Калмыцких дел при Коллегии иностранных дел, и он выехал в столицу. С этого времени он практически не бывал непосредственно в улусах, но, разумеется, был в курсе всех важных событий в ханстве, принимал активное участие в разработке различных документов, рекомендаций и т. п. по калмыцким делам. Временами ему поручались довольно ответственные миссии, каковой было, например, сопровождение китайского посольства к калмыкам в 1731 г. В своем труде он посвящает этому факту несколько страниц: мы позволим себе сделать некоторые дополнения к его рассказу, раскрывающие определенного рода характерные обстоятельства, связанные с этим поручением, о которых умалчивает автор.

* АВПР, ф. 119, оп. 119/1, 1723 г., д. 6, л. 322 об.

** Там же, л. 331 об.

*** АВПР, ф. 119, оп. 119/1, 1723 г., д. 6, л. 346 об.

Китайское посольство к калмыкам, в которое входили мерен зангины* Мандай, Асхай, Горюзап и тайджи Гюнбю Чюван (первые двое — маньчжуры, а последние — монголы), выехало в сопровождении В. М. Бакунина из Москвы 4 марта. Последнему в данной ему инструкции предписывалось везти послов как можно медленнее (о чем он и сам упоминает) до Саратова или Царицына, а в улусы с ними не ездить: по пути всякими способами стараться узнать об истинных целях посольства и т. д. К сожалению, в наших руках нет полного текста инструкции и мы не может сказать, предписывалось ли в ней, как только можно унижать калмыков и выставлять их в невыгодном свете перед послами. Между тем имеющиеся в нашем распоряжении материалы не оставляют сомнения в том, что именно этим и занимался в пути В. М. Бакунин, не упуская ни одного подходящего случая; о некоторых из них будет сказано ниже. Делается это не для того, чтобы осудить его (он был человеком своего времени, к тому же связанным служебными обязанностями), и не для того, чтобы умалить его заслуги (они очевидны), делается это единственно в целях исторической правды, следование которой является профессиональным долгом и делом чести историка.

21 марта путники прибыли в Пензу, где в квартире Мандая послы дали обед в честь пензенского воеводы полковника Оболдуева. После ухода воеводы и других пензенских чинов между Мандаем и В. М. Бакуниным завязалась беседа, во время которой посол спросил ''о обхождении того калмыцкого народа и что есть ли у них ранги или класы. Я ему говорил,— зафиксировал в своем ''журнале'' В. М. Бакунин,— что того калмыцкого народа обхождение во всем подобно зверскому, а не человеческому, как они и сами увидят, и что в свете есть ли ранги о том они и ведают ли''.**

Прибыв с послами в Саратов, В. М. Бакунин стал под разными предлогами тянуть время, пока И. П. Измайлов не объявит Церен-Дондука ханом. Послы же неотступно докучали ему просьбами об отправке их в улусы. Тогда В. М. Бакунин, как он сообщал В. П. Беклемишеву, ''хотя калмыцкие владельцы, когда о том сведают, на меня злобиться и будут, однако я надежен, что в их улусех уже не буду, напоследок объявил им, китайцом, за секрет, что скорым их приездом и калмыцкие владельцы будут недовольны'', так как Церен-Дондук сам присылал к В. П. Беклемишеву ''нарочного, прося ево, чтоб их, послов, к ним, калмыком, отправлять не вскоре, для того что зимним временем скот их зело исхудал и они пришли оттого в скудость, в чем имеют себе стыд и чтоб им в том дать время исправиться''.***

Справедливости ради надо сказать, что Церен-Дондук действительно обращался с подобными просьбами к В. П. Беклемишеву, но он, разумеется, никоим образом не желал, чтобы они стали известны китайским послам. В. М. Бакунин, не довольствуясь сказанным, добавил еще, что ''когда и первые их китайские послы были у бывшего Аюки хана калмыцкого и тогда и оной хорошего ничего не имея, как наметы (шатры. — *М. Б.*) персицкие, так и серебряную посуду и протчее, для такого случая брал из Астрахани от приятелей своих тамошних дворян Кареитовых и протчих''.****

17 мая в Саратов, для предварительной встречи с послами, приехали от Церен-Дондука и матери его Дармы-Балы зайсанги Гандаши и Джап. На следующий день,

* Мерен зангин — посольский ранг, соответствующий примерно званию бригадира в русской армии XVIII в.

** Ф. 36, д. 42, л. 231—232.

*** Ф. 36, д. 42, л. 167—168.

**** Там же.

перед отъездом, зайсанги заехали к В. М. Бакунину, будучи уже навеселе, и, как рассказывает он сам, ''я в том же покое, где живу, оставил только три стула, ис которых на двух сели зайсанги, а на третьем я, а служители их восмь человек все стояли,... и я оных зайсангов и служителей всех упоил так, что едва их довели до лодок, что все китайские служители видели, ибо под претекстом (предлогом. — *М. Б.*) некоторых разговоров с Ываном Резановым (толмач монгольского языка из Селенги.— *М. Б.*) оные по приказу моему были подозваны в мою квартиру, а некоторые в то время случились быть и в моем покое''.*

Как мы помним, В. М. Бакунин сопровождал послов только до Саратова. Возникает вопрос: а почему он не мог поехать и в улусы, будучи хорошим знатоком калмыцкого языка, что помогло бы ему успешнее контролировать переговоры хана с послами? На поставленный вопрос ответил сам В. М. Бакунин. Случилось так, что в мае 1731 г. В. П. Беклемишев — который должен был сопровождать послов от Саратова до улусов и участвовать в переговорах с ними хана — заболел, а И. П. Измайлов, провозгласив 1 мая Церен-Дондука ханом, уехал в Астрахань.

Обстоятельства, казалось, вынуждали В. М. Бакунина сопровождать послов и в улусы. Тогда он обратился с письмом от 22 мая 1731 г. к В. П. Беклемишеву, в котором явственно сквозят растерянность и даже испуг. Китайских послов, писал он, держать дальше в Саратове нет нужды и причины, и если с ними ехать ему, а И. П. Измайлова в улусах уже не будет, могут случиться нежелательные конфузы. Во-первых, продолжал В. М. Бакунин, калмыцкие владельцы ко мне злы и потому ''мои к ним представления действа иметь не будут и до своих с китайцами конференцей могут меня не допустить''. Во-вторых, ''хотя б я того от них и домогся, но оные по своей злости при китайцах не будут меня с таким почтением принимать, как надлежит присланного от двора, ... и тако надо мною хотя б и иного ничего не учинилось, но и тем мне интересом Ея Императорского Величества никакой пользы учинить будет невозможно, точию при таких чюжестранных послах могут учинить тем государственной стыд, за что и без ответа пробыть не могу''.**

В. М. Бакунин успешно выполнил возложенное на него поручение, проводил послов до Сибири и вернулся обратно. В последующие годы он продолжал работать в Коллегии иностранных дел, постепенно продвигаясь по лестнице чинов. В 1748 г. он обратился с прошением об отставке по старости. Прежде чем удовлетворить его просьбу, решено было подготовить на его место старшего сына — П. В. Бакунина. В связи с этим в 1750 г. Петр Васильевич, имевший чин коллежского асессора (восьмой класс по табели о рангах), был послан для знакомства с обстановкой на Северный Кавказ, главным образом в Кабарду. В марте 1751 г., вернувшись в Астрахань, он прикомандировывается к руководителю Калмыцких дел при астраханском губернаторе Н. Г. Спицыну для, так сказать, стажировки.***

По каким-то причинам В. М. Бакунин не вышел в отставку и продолжал служить в Коллегии иностранных дел и много позже. 11 июня 1761 г. он сделал в Коллегии представление по поводу дальнейшего управления калмыками и наведения в ханстве порядка, нарушенного смертью в том же году хана Дондук-Даши. Он считал необходимым для содержания калмыков в спокойствии сделать следующее: 1) ''К

* Там же, л. 189—190.

** Ф. 36, д. 42, л. 193.

*** Ф. 36, д. 258, л. 239—240.

обузданию их легкомысленности, собственным только своим начальством строго содержимой'', оставить основную долю власти в руках нового наместника Убаши: 2) ''А чтоб начальник калмыцкой был в своей власти ограничен и калмыцкия владельцы не имели причины столько его уважать, как напред сего было'', реорганизовать Зарго.*

После переворота 28 июня 1762 г., когда Петр III был свергнут и императрицей стала Екатерина II, в Коллегии иностранных дел вновь был разработан и подан для рассмотрения доклад, составленный В. М. Бакуниным. Указав, что Убаши просит подтверждения в наместничестве, автор доклада советовал сделать просимое. Далее он утверждал, что калмыцкий народ, якобы склонный к беспокойству, удерживается лишь властью своих ханов, но последние ''не во всем, как подданным принадлежало бы, к здешним повелениям послушными оказывались''.

''По самое настоящее время,— продолжал В. М. Бакунин,— не было случая и удобности к приведению их как подданных к точному повиновению и к совершенному своевольства их обузданию''. Ныне, по его мнению, при ''несовершеннолетстве наместника и когда он остается еще неподтвержденным'', появился удобный случай ''нечувствительным образом силы и власти его убавить'', а вместе с тем и владельцев, ''для содержания в сем народе спокойствия, оставить в настоящем повиновении к их калмыцкому правительству''. Такую возможность он вновь усматривал в реорганизации Зарго.

Для этой цели предлагалось изменить порядок выбора судей, не изменяя их количества, а именно: назначать членов Зарго от всех крупных улусов пропорционально численности их населения. Чтобы зайсанги, определенные в Зарго, меньше зависели от давления со стороны своих нойонов, решено было, оставляя выбор их на усмотрение последних, перемену или же отстранение судьи от должности поставить в зависимость от решения Коллегии иностранных дел. Кроме того, им назначалось российское жалование по 100 рублей в год.** Далее предлагались и другие нововведения. Доклад в общих чертах был утвержден Екатериной II, и на его основе была составлена и отправлена на имя наместника, владельцев, зайсангов, духовенства и всего калмыцкого народа грамота от 12 августа 1762 г.

План реорганизации Зарго был, пожалуй, последним крупным делом, над которым трудился В. М. Бакунин. Он умер в 1766 г. в чине действительного статского советника (четвертый класс по табели о рангах, соответствовавший на военной службе званию генерал-майора). Он оставил после себя троих сыновей: Петра-старшего, Петра-младшего и Михаила. Среди потомков Василия Михайловича было много людей заслуженных: государственных деятелей, литераторов, ученых и т. п. Имена многих ныне забыты. Пожалуй, наиболее известным потомком Василия Михайловича по линии Петра-младшего является его праправнук, теоретик анархизма Михаил Александрович Бакунин.

Нам остается сделать несколько дополнительных замечаний об историческом труде В. М. Бакунина. Написанный в 1761 г., он долгие десятилетия пылился на архивной полке, и только в 1939 г., как сказано выше, большая часть его увидела свет. Читатель, конечно, заметит, что автор более всего заботился об освещении политических событий. Многие из приводимых им фактов и документов к моменту опубликования были уже известны из работ историков XIX — начала XX вв., в частности

* Там же, д. 364, л. 498—502.

** Ф. 36, д. 346, л. 98—105.

Н. Н. Пальмова. Вместе с тем, будучи непосредственным участником и современником описываемых им событий, В. М. Бакунин приводит такие сведения, которые не нашли отражения в документах и стали известны только благодаря ему.

Но наибольшую ценность представляют те страницы, где В. М. Бакунин описывает административное устройство ханства, функции и прерогативы Зарго, тактику калмыцкого войска, празднование Цаган-Сара и Урюса и другие этнографические детали. Только у этого автора мы находим описание придворных должностей и чинов, живописные картинки из жизни Аюки-хана и других известных деятелей калмыцкой истории первой трети XVIII в. В этих случаях труд В. М. Бакунина остается единственным для нас источником. Остается только пожалеть, что в этих описаниях автор временами слишком краток и что он обошел своим вниманием вопросы хозяйственной жизни, социальных отношений и культуры. Но не будем слишком уж винить В. М. Бакунина: он был сыном своей эпохи и ограничен уровнем тогдашней исторической науки.

В связи с этим необходимо отметить, что не совсем правомерно В. Разумовская, издатель журнальной публикации и автор предисловия, упрекает В. М. Бакунина в игнорировании роли калмыков в крестьянских войнах XVII—XVIII вв. Во-первых, основное содержание его труда хронологически ограничивается периодом службы автора, то есть когда он был непосредственным участником и современником описываемого. Даже во время восстания К. А. Булавина он был подростком, а позже необходимые документы могли и не попасть в его руки.

Во-вторых, в советское время, исходя из господствовавшей методологии, объявлявшей восстания и революции ''локомотивами истории'' и двигателями прогресса, отечественные историки старались найти следы этих ''локомотивов'' даже там, где их и не было. Калмыки почти никакого участия в восстании С. Разина не принимали, а в движение Булавина была втянута некоторая часть калмыков, входивших в то время уже в состав донского казачества. Так как В. М. Бакунин описывал события, происходившие собственно в Калмыцком ханстве, он мог и не обратить внимание на те группы калмыков, которые проживали вне ханства. Наконец, в-третьих, трудно требовать подобных сюжетов от дворянина и государственного служащего.

Недостатки в работе В. М. Бакунина, на современный взгляд, имеются, и читатель легко увидит их сам. Но надо помнить, что автор жил в иное время, с иными социально-общественными отношениями и представлениями. Не нужно упрекать его в том, что он не сделал, да и не мог сделать, а надо быть ему благодарным за сделанное и изучать его труд, отыскивая в нем все новые и новые грани. Данная полная публикация текста облегчает эту задачу.

М. М. Батмаев

ОПИСАНИЕ ИСТОРИИ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА*

Хранящаяся в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи в фонде ''Калмыцкие дела'' рукопись В. Бакунина ''Описание калмыцкого народа'' является ценным историческим первоисточником для освещения истории калмыков XVII и первой половины XVIII вв.

В. Бакунин был родом из города Царицына. В 1720 г. астраханским губернатором Волынским он был назначен переводчиком калмыцкого языка. В 1722 г. участвовал в Дербентском походе в команде при калмыцких войсках. В 1726 г. В. Бакунин за его заслуги в сношениях с калмыками был назначен секретарем по калмыцким делам. Зная хорошо разговорный и письменный калмыцкий язык и обладая дипломатическими способностями, В. Бакунин играл довольно видную роль в сношениях с калмыками. Волынский, зная способности Бакунина, посылал его с дипломатическими поручениями в калмыцкие улусы, что дало ему возможность изучать обычаи и быт калмыков. При решении тех или иных вопросов по калмыцким делам В. Бакунин в случае надобности составлял свое мнение или предложение для Коллегии иностранных дел. Так, в 1734 г. Бакунин, не согласившись с доношением астраханского губернатора Измайлова о том, ''чтоб всеконечно их [тайшей] уже искоренить и владельцев уменьшить'', подал в Коллегию иностранных дел свое мнение, в котором предлагал прежде применения оружия для усмирения Дондук Омбы ''еще отведать добрым способом и прощением в противности Дондук Омбы к покорению и согласию приводить''.

Печатаемая рукопись, составленная В. Бакуниным на основании документальных данных, имевшихся в Коллегии иностранных дел, и сведений, почерпнутых из личного соприкосновения с калмыцким народом и его аристократией, содержит материалы, до сего времени не получившие достаточного освещения в литературе о волжских калмыках. Период раннего пребывания калмыков на территории России, их родовое и племенное деление и места кочевий получили довольно полное освещение в описании В. Бакунина. Кроме изложения истории взаимоотношений калмыков с царизмом, в рукописи большое место занимают сведения об административном устройстве внутриулусного правления, о культуре, обычаях и правовом положении калмыцкого народа, о социальной структуре и социальной борьбе внутри калмыцкого общества. Особенно ярко В. Бакуниным показаны методы осуществления колонизаторской политики царизма, способствовавшие борьбе между калмыцкими ханами. Поэтому рукопись В. Бакунина как первоисточник, несмотря на несомненную тенденциозность и односто-

---

* Предисловие к журнальной публикации (Красный архив: Исторический журнал. 1939. Т. 3/94/).

ронность ее автора, освещающего события из жизни калмыцкого народа лишь в той мере, в какой они были доступны наблюдению извне, и притом с точки зрения русского царизма, имеет несомненно важное значение. Это усиливается еще и тем обстоятельством, что ряд документов (главным образом, XVII в.), использованных Бакуниным, не сохранился до нашего времени. Используя сведения из документов архива Коллегии иностранных дел, В. Бакунин вкратце повторил их содержание, что придало его рукописи частично форму ''экстракта'', типичного для изложения содержания архивных документов в XVIII в.

Несмотря на то что ''Описание'' В. Бакунина является ценным источником для изучения истории калмыков, оно до сего времени не было опубликовано, хотя о нем имелись упоминания в таких печатных трудах, как книга Н. Н. Пальмова ''Этюды по истории приволжских калмыков''[1] или статья В. Л. Котвича ''Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв.'' и др.

Существенным пробелом в ''Описании'' В. Бакунина является [то], что он совершенно не касается вопроса о роли калмыков во время восстания, вспыхнувшего под предводительством Степана Разина. Это, возможно, объясняется тем, что архивные материалы фонда ''Калмыцкие дела'', которыми он пользовался, почти не затрагивают этого вопроса. Архивные же документы других фондов: ''Донские дела'', ''Крымские дела'' и др. показывают, что движение Разина привело в трепет феодальную верхушку почти всех народов Поволжья, Крыма и Северного Кавказа. Материалы указанных фондов свидетельствуют, что народные массы этих племен пытались расправиться со своей аристократией, и нередко среди разинских войск находились отряды разных народов Поволжья и Прикавказья. Султаны, мурзы, тайши искали содружества между собой, а русский царизм искал возможности использовать их для подавления Разинского восстания. Калмыцкий хан Аюка занял позицию выжидания, тем более что к этому побуждала его неустойчивость его собственного положения: часть калмыков ушла к Разину, а другие калмыцкие тайши желали воспользоваться положением дел для раскрепощения своих улусов от деспотизма Аюки-хана. Тогда же в 1671 г. донские казаки с калмыками заключили договор: ''Что им калмыком с ними атаманы и казаки, и со всем войском быть в миру... они калмыки у них... учинили шерть... атаманы и казаки... целовали (крест)...''[2], а из ''войска запорожского'' казаки писали Степану Разину, что он ''гетман (Демьян Игнатович) у великого государя не в подданстве, чтоб де Стенька шел на великого государя на понизовые городы безопасно, а от него бы, гетмана, не опасался; что он в. государя с ратными людьми над ним, Стенькою, промысл чинить не будет''[3].

Восставшие крымские татары чрезвычайно встревожили крымского хана, попавшего в безвыходное положение: ''Сбежал татарин Сеерша, а с собою подговорил от хана служилых татар с 3.000 человек, и, на то смотря, многие татаровя разбежались'',

---

[1] Рукопись В. Бакунина, по-видимому, не была известна в оригинале проф. Н. Н. Пальмову, использовавшему, главным образом, архивные материалы Астраханского Калмыцкого архива, так как он в своей книге упоминает о ней только в связи с книгой архимандрита Гурия ''Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен'', в которой Гурием использованы некоторые сведения о христианизации калмыков из рукописи В. Бакунина.

[2] Места, отмеченные пунктиром (здесь—отточием.—*Ред.*), истлели, но общий смысл ясен. Донские дела, 1671 г.

[3] Там же.

а сам хан крымский со своим войском ''стоят по разным местам и помирают с голоду сами и лошади''[4], поэтому хан обращался к ногайской и калмыцкой аристократии с просьбой быть с ним ''в братстве, не только что в подданстве''[5].

Царское правительство посылало специальных людей ''про калмыков проведати, где они ныне кочуют, на Дону ли или где инде, и с кем они в ссылке''. Посланцы узнали, что через реку Донец ''перевозились калмыки многие люди, мурза Бек з женами и з детьми, на крымскую сторону, тысячи с четыре и больши...'', ''а азовцы з донскими казаками были при них'' и рассказывали, что ''они азовцы, калмыков, мурзу Бека и ногайцев приняли к себе и хотят итить войною под Волуйку и под иные украйные города вскоре''[6].

Из переписки господствующих верхов эдисанских и юртовских татар с Алексеем Михайловичем мы узнаем, что на подавление Разинского восстания шли лишь правящие верхи поволжских народов, а народные массы шли вместе с русскими крестьянами.

Лишь вскользь касается В. Бакунин роли калмыков и в восстании Булавина, хотя в ''Калмыцких делах'' об этом и имеются некоторые данные. Так, в письме к князю Голицыну Аюка писал, что ''он, Аюка, по указу великого государя, на башкирцов и на булавинцов посылал он ратных своих многих людей с детьми своими и с племянники, и с внучаты. И ратные ево люди с изменники бились и многих побили...''[7]. Несмотря на желание Аюки ''и впредь'' царю ''служить верно'', некоторая часть калмыков, откочевавшая на Дон еще до восстания Булавина, во главе с Солом-Церень-тайшей, участвовала в самом Булавинском восстании.

Вопрос об участии калмыков в крестьянских восстаниях XVII и XVIII вв. почти не изучен. Очень скудные сведения по данному вопросу имеются и в фонде ''Калмыцкие дела''. Фонд этот до сих пор детально не исследован. Поэтому представляется целесообразным дать здесь краткую характеристику содержащихся в нем материалов. В документах фонда отображены распоряжения из Коллегии иностранных дел на периферию и ответные донесения с мест, переписка местных властей между собой, а также переписка царского правительства с калмыцкими ''владельцами'' — тайшами и ханами. Наибольшее количество документов относится к походам калмыцкой аристократии на Кубань. В этих документах, кроме подробного описания кубанских походов, чрезвычайно ярко отображены способы, которыми царская власть добивалась этих походов, и какие цели преследовала калмыцкая аристократия по отношению к своим соседям и царизму. Распоряжения царской власти, предписывающие ''всеми мерами склонять калмыков ко искоренению'' кубанцев, описание поездок местных представителей царизма в калмыцкие улусы для личных свиданий и переговоров с ''владельцами'' и присылки подарков дают ясную картину колониальной политики царизма, политики натравливания одного народа на другой и подстрекательства их к внутренним междоусобиям в целях ослабления их экономической и военной мощи.

В этих же документах отражена роль калмыцких ханов в русско-турецких отношениях. Попутно отражаются и взаимоотношения калмыков с кубанскими и

---

[4] Крымские дела, 1670—1671 гг.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Калмыцкие дела, 1709 г., д. 4.

крымскими татарами; колебания политики калмыцкой аристократии между полным подчинением себя русскому царизму и попытками сохранить свою самостоятельность и дружеские отношения с Кубанью и Крымом.

Начиная с 1735 г. политика калмыцкой аристократии все более устойчиво подпадает под влияние русского царизма, и в документах последовательно отражается полное подчинение калмыков русскому царизму.

Значительное место в фонде занимают материалы, отражающие борьбу между калмыцкой аристократией, особенно между ханами Дондук Омбой, Дондук Даши и Церен Дондуком. При помощи привилегий, полученных от русского царизма, с чрезвычайной легкостью власть калмыцких ханов переходит от одного в руки другого, в то время как народные массы все больше подвергаются произволу царских чиновников.

Немалое место в фонде занимают сведения о христианизации калмыцкого народа, отраженные в сообщениях отдельных калмыков. Здесь рисуются все виды подкупа, к которым прибегал царизм для завлечения калмыков к крещению, как-то: подарки, снабжение деньгами и платьем, дарование привилегий, раздача титулов, ''дружба'' высокопоставленных лиц и т. д. В очень незначительном количестве отражены сведения, рисующие социально-экономическое положение калмыцкого народа. Однако имеется чрезвычайно значительный по объему материал о расходах царского правительства на ''калмыцкие дела''. Огромные суммы, выплачиваемые царизмом калмыцкой аристократии, определяли экономическое и общественное положение того или другого тайши, что позволяет делать вывод о решающей роли царизма в экономическом положении калмыцкой аристократии и закабалении калмыцкого народа эксплуататорами-владельцами.

Публикуемый документ в списке извлечен из фонда ''Калмыцкие дела'', дело № 1.

В. Разумовская

Описание Калмыцкихъ народофъ, а особливо из нихъ Торгоутскаго, и поступокъ ихъ ханофъ и владелцофъ, сочиненное статскимъ советникомъ Васильемъ Бакунинымъ

1761-го год а.)

часть первая

Мунгальские[1] и калмыцкие народы издревле пребывали в Великой Татарии[2], переходя с места на место, и были весьма многолюдные, и разделялись на многие ханства или владения, так что из оных были и знатные государи, то есть Чингис-хан[3] и Бату-хан[4], из которых последнего наши российские истории называют Батырем, царем татарским, а он подлинно был мунгал и идолопоклонник, что и церковными описаниями путешествий в Орду владетельных князей российских доказывается тем, что некоторые из них принуждаемы были кланяться солнцу и огню и употреблением еще в тогдашние времена на российском языке мунгальских речей, то есть зарлик, или ерлык, и улус[5], а первое значит на нашем языке указ, а другое — народ. Впрочем, о сих двух ханах и о их наследниках, о принятии из них некоторыми магометанского закона европейские историки пишут весьма разное, да и собственные мунгальские, калмыцкие и татарские истории между себя весьма в том разгласуют и много вводят басней.

Но сие достоверно, что в XVI веке калмыцкий народ назывался на их языке ойрот[6], а по-мунгальски ойлиот, и от мунгал научился грамоте и арифметике, а разделялся между себя на четыре части и назывались: 1. Хошоут, 2. Баргу Бурат[7], 3. Зенгор, 4. Торгоут.

---

[1] Мунгальские — монгольские. (*Примеч. ред.*) *Примечания без спец. помет — из журнала ''Красный архив''.*

[2] Под наименованием ''Великая Татария'' автор подразумевает Великую Монголию.

[3] Чингис-хан-Тай-цзу-чэн-ву-хуан-ди, по имени Темучин (Те-му-чжэнь), объединил вокруг себя крепкую дружину, разгромившую ряд монгольских родоначальников. После многих победоносных походов в 1206 г. весной Темучин собрал курултай (сейм) из родоначальников Монголии, на котором он был провозглашен всемонгольским каганом, с именем Чингис-хан (''пожалованный небом''). Умер в 1227 г.

[4] Бату-хан, называемый в русских летописях Батыем (ум. в 1255 г.),— внук Чингис-хана.

[5] Основанием общественного и административного деления калмыков являлись кочевые группы — хотоны. Родственные или одного родопроисхождения хотоны составляли аймаки, а несколько аймаков составляли улусы. Аймаки объединяли от 50 до 200 и более кибиток или семейств, а хотоны от 10 до 20 кибиток.

[6] Ойротами назывались поколения западных монголов, объединенных под главенством чоросского князя Махмуда.

[7] Одно из главных племен бурят-монголов. Рашид-ад-Дин упоминает в племенном составе бурят-монголов: эхиритов, баргу-бурят и хоринцев. Баргу-буряты в состав ойротов не входили.

Из них первые — Хошоут — пребывание свое и доныне имеют при Кокунуре[8], то есть при Синем озере, лежащем между Китайского государства, тибетского (или тангутского) народа, в котором жительствует Далай-лама[9], и Малой Бухарии[10], и имеют своих ханов, а около 1700 года от нападения зенгорцев вступили в подданство Далай-ламы.

Другие — Баргу Бурат — напредь сего кочевали при вершине реки Иртыша и при Алтайских горах и имели собственных своих владельцев. Но с 1618 года от частых нападений соседей их мунгал и других калмык они разорены, и многие из них по их разным улусам разделены. Да из них же немалая часть вступила в подданство Российской империи и ныне пребывание свое имеет в Сибири в Иркутской провинции и на своем языке называют себя бурат, а россияне называют их братскими калмыками, и таким образом сей народ перевелся.

Третьи — Зенгор — кочевали при реке Или и около озера, на их языке называемого Балхаш-нур, лежащего под 48 градусом северной широты, в которое впадает река Или, и имели своих ханов и владельцев самовластных, которые чинили нападения на Баргу Бурат, Хошоутов и Торгоутов и по нескольку улусов их к себе отрывали и обманом перезывали, и, тем усилясь, завладели Малою Бухариею, в которой семь городов, а именно: Кашкар, Учь, Аксу, Куца, Эркень, Хотон, Керея. Зенгорцы ж чрез сорок лет войну продолжали с Китайским государством, и напоследи войск их собиралось тысяч до ста. Они ж научились было от шведа штык-юнкера Иоганна Рената, бывшего в России военнопленным и из Сибири к ним в плен доставшегося, делать пушки.

Но в 1746 году, по смерти главного их владельца Галдан Череня, у прочих зенгорских владельцев о старшинстве сделалось междоусобие, причем Галдан-Черенев зять владелец Амур Санан, происшедший из фамилии Хойт, передавался в Китайское государство и подал причину китайским войскам вступить в Зенгорию и тот народ разорить и забрать в свое государство. Из них же при сем случае некоторые владельцы из фамилий Торгоут и Хойт, также из их и собственных зенгорских попов, зайсангов и рядовых калмык несколько тысяч семей самовольно пришли в Российскую империю. И которые из них пожелали креститься, те определены на житье в Оренбургской губернии при Ставрополе (г. Тольятти с 1964 г.— *Ред.*), а которые креститься не пожелали, оные препровождены на реку Волгу к торгоутским калмыкам, и так и другой калмыцкий зенгорский народ перевелся.

Четвертые — Торгоут — пребывание свое имели при Алак-Ула, то есть при Пегих, или Пестрых, горах, которые лежат между Малой Бухарией и рекой,

---

[8] Кукунор — озеро в Китае. (*Примеч. ред.*)

[9] Далай-лама — высшее духовное лицо у буддистов Тибета, обладающее светской властью.

[10] Малой Бухарией назывался Кашгар, или Восточный Туркестан.

по-калмыцки называемой Текес, впадающей в реку Или под 44 градусом северной широты, и распространялись кочевьем своим до рек, по-калмыцки называемых Торгой и Яргас (из которых последнюю ныне киргис-касаки называют Иргис), впадающих в озеро, на киргис-касацком языке называемое Ак Сакал, лежащее под 48 градусом северной широты.

В 1630 году торгоутский главный владелец, именуемый Хорлюк, имея у себя шесть сынов и подданных своих улусных калмык пятьдесят тысяч кибиток, за ссорою с хошоутскими и с зенгорскими калмыками от Алак-Ула откочевал к реке Волге и идучи завоевал за рекою Эмбою татар, джембуйлук[11] именуемых. А пришед к Волге, покорил себе Большого и Малого Ногая татар же, называемых Катай Капчак, Мали Баш и Джетысан.

Примечания достойно, что хошоуты и зенгорцы сами себя и торгоутов калмыками и доныне не называют, а называют, как и выше означено, ойрот. Торгоуты же как себя, так и хошоутов и зенгорцев калмыками хотя и называют, но сами свидетельствуют, что сие название не свойственно их языку, а думают, что их так назвали россияне, но в самом деле видно, что сие слово ''калмык'' произошло из языка татарского, ибо татары называют их калмак, что значит ''отсталые'' или ''отстальцы''.

1640 года все мунгальские и калмыцкие ханы и знатные нойоны, то есть князья, которых мы называем владельцами, съезжались в одно место и 5 числа сентября постановили свое Уложение, по которому мунгалы и калмыки между своими народами и доныне расправу чинят. В то их собрание приезжал и от реки Волги вышеупомянутый торгоутский владелец Хорлюк с старшим своим сыном, именуемым Шукур Дайчин, которых и имена в том Уложенье написаны.

По смерти же Хорлюковой вышеозначенный его сын — Шукур Дайчин над прочими торгоутскими владельцами, то есть над родными своими меньшими братьями и племянниками, получил старшинство и правление.

1646 года в наказе, данном бывшим тогда в Астрахани боярам, написано, что Великий Государь калмыцких Шукур Дайчина и прочих тайшей с их улусы изволит держать в своем государском милостивом жалованье и призренье и их улусным людям со всякими их товары и с лошадьми и с животиною под Астрахань и под Уфу и под иные городы приходить и торговать велит повольно и беспошлинно и назад их в калмыцкие улусы отпускать без всякого задержания и зацепки.

А по смерти оного Шукур Дайчина получил правление над торгоутским народом сын его Пунцук.

При его правлении пришел на Волгу и ему, Пунцуку, поддался хошоутов владелец Конделен Убаши с четырьмя своими сыновьями в трех тысячах кибиток улусных своих калмык.

---

[11] Ногайцы, кочевавшие по берегам реки Эмбы, на калмыцком языке называвшейся Джем, получили название джембулуков, или эмбулуков.

Пунцук же старался двоюродных своих братьев и их детей улусами обессилить и для того их между себя приводил в ссоры, а противного[11a] себе родного племянника своего, именуемого Джалбу, разбил и его самого поймал и отдал в Россию, а улусом его завладел.

Он же, Пунцук, имел войну с зенгорцами и с прочими хошоутами и, не окончав оную, умре около 1669 года, поруча по себе правление калмыцкого народа старшему своему сыну Аюке, который хотя тогда от первой своей жены Эренцеп, дочери Цецен-хана хошоутова, имел двух сынов Чакдоржапа и Саижипа, однако по смерти отца своего Пунцука женился на его жене, а на своей мачехе, Уанджал именуемой, которая была дочь одного владельца хошоутова, и прижил от нее сына Гунжена.

1670 года пришла на Волгу к Аюке родная его сестра Доржи Араптан, бывшая в замужестве за Цецен-ханом хошоутовым, и привела с собою дочь свою, с Цецен-ханом прижитую, именуемую Цаган Лама (которая после была в замужестве за Чакдоржапом), и хошоутовых калмык до тысячи кибиток, а от хошоутова народа откочевала она по смерти помянутого мужа своего Цецен-хана и учинившегося по смерти его у родственников его о ханстве междоусобия.

Аюка вскоре по смерти отца своего с зенгорцами примирился и отдал за главного их владельца Араптан Хонтайши в замужество дочь свою Сетерджап, а продолжал войну около реки Яика с одним хошоутовым владельцем — Цецен--хановым меньшим братом Аблаем — и сперва от него был разбит, а на другой год не только его разбил, но и самого поймал.

В ту ж калмыцкую войну 1670 года у их подданных ногайцев учинилось междоусобие, и был бой у джетысан с Большим и Малым Ногаем, и тогда Малого Ногаю Ямгурчей-мурза с детьми своими и с улусными людьми, захватя астраханских юртовских татар[12] Мурзу Бека Оллашева с сыном его и с племянники и с улусными людьми, отошел в степь к реке Терку.

1671 года он, Ямгурчей-мурза, с Малым и с Большим Ногаем и сообщась с горскими черкесы и с крымцами, в феврале месяце приходили к Волге и нападали близ Астрахани на джетысанских татар, и через целый день продолжая с ними бой, отвели их с собой на Кубань под крымскую власть, причем захватили несколько и астраханских юртовских татар.

1672 года торгоутский владелец Аюка по разбитии хошоутова владельца Аблая, собрав все свои калмыцкие войска, ходил на оных своих бывших подданных татар и Малый Ногай принял по-прежнему в свое подданство с таким договором, чтоб им платить ему с каждой семьи в год по кумачу.

А Большой Ногай и джетысан, бывших тогда при вершинах реки Кубани, держал в атаке с два месяца и забрал по-прежнему к себе на Волгу, и в то время

[11a] Противный — непокорный; несогласный; враждебный, неприятельский. (*Примеч. ред.*)

[12] Татары, обитавшие на территории Астраханской губ., разделялись на юртовских, живших оседло, и кундровских татар, некогда кочевых, а позднее живших в нижней части Ахтубы.

вышеписанный Малый Ногай оставил кочевать на том же месте близ Кабарды при реке Терке, откуда оный обще с кабардинцами и аманатов своих давали в Терскую крепость[13].

Вскоре потом он же, Аюка, разбил двоюродного своего дядю, именуемого Дугара, причем поймал его и с сыном его Чересем и, поклепав их, будто они многие неправды пред Великим Государем делали, отдал в Астрахань, а улусом их завладел, и Черен в Москве крестился и назывался князем Василием Дугаровым.

Да и прочих владельцев он, Аюка, для обессиливания их часто приводил в ссоры и в междоусобия, и двое из его братьев один против другого воевали, а напоследок один из них просил себе в помощь войск из Астрахани, которому и дан был стрелецкий полк, и близ города Черного Яру на луговой стороне в урочище Булхун Хум один против другого сошлись было биться, однако ж по переговоре между себя оные владельцы помирились и потом, соединясь, напали на тот стрелецкий полк, и оный весь порубили.

1672 года ноября 27 дня боярином Иваном Богдановичем Милославским, присыланным из Москвы с войсками, взята Астрахань от бунтовщиков, оставшихся от Стеньки Разина; по возвращении ж его, Милославского, был в Астрахани боярин и воевода князь Яков Никитич Одоевской, который в 1673 году съезжался с калмыцким торгоутским владельцем Аюкой против города Астрахани на нагорной стороне реки Волги у речки Соляной, которая по-калмыцки называется Харсаин Саман, и при том приводил его, Аюку, к шерти и взял от него запись на русском языке с приложением токмо на оной рук по-калмыцки.

А тою записью он, Аюка, подтвердил прежнюю, отца своего Пунцука, шертовальную запись и сам обещал:

1-е. Быть у Его Величества Государя Царя Алексея Михайловича ему, Аюке, с его родом, улусными калмыками и с ногайцами в вечном подданстве и ходить войною на неприятелей.

2-е. С турецким султаном, с персицким шахом, крымским ханом, азовским беем и с другими заграничными и с российскими изменниками не пересылаться и оным ничем не помогать.

3-е. Когда где случится их калмыцким войскам быть вместе с российскими, в таком случае не изменять и над ними хитрости не делать.

4-е. Под российские городы войною не ходить, сел, деревень и учугов[14] не жечь и, где б ни было, на российских людей и подданных российских татар не нападать и их не побивать и не разорять, а присылаемых в улусы калмыцкие для дел не грабить.

---

[13] Укрепление русской пограничной линии в низовьях Терека, на его северном рукаве. Терское укрепление было центром Терского казачьего войска, основанного казаками в 1573 году.

[14] Учуг — сплошная перегородка реки, устраиваемая с целью не пропуска рыбы вверх по реке.

5-е. Астраханских татар, в прошлых годах в улусы калмыцкие ушедших, а возвратиться в Астрахань желающих, неволею им, калмыкам, у себя не держать и не грабить, но отпускать и впредь таковых не призывать и не принимать.

6-е. Которые российские люди и другие христиане уйдут из калмыцких улусов, за таковых бы платить калмыкам окуп по указу.

7-е. Российских же подданных христиан и иноверцев, выходящих из полону из Бухар, Хивы и из других мест, им, калмыкам, у себя не задерживать.

8-е. Калмык и их подданных татар, в российские городы уходящих, возвратно к ним выдавать некрещеных.

9-е. Сею же первою записью постановлено калмыкам и их ногайцам торги под Астраханью чинить с русскими людьми против прежнего Великого Государя указу без всяких ссор и задоров, а к Москве в Артабазарных станицах посылать им для продажи с своими людьми многие лошади.

На том съезде при Аюке были двоюродные его братья Назар Мамут и Мелюш.

Сею же записью он, Аюка, владельцев хошоутова Аблая и торгоутова Дугара, бывших у него под арестом, назвав противниками России, обещал выдать, но из них Аблай, будучи в улусах калмыцких, до выдачи умре.

Предки же Аюкины при котором государе и в котором году и на каких кондициях в российское подданство приняты, о том за сгорением Приказа Казанского дворца известия поныне нигде не сыскано, да и вышеписанная запись и еще две, ниже сего означенные, найдены в копиях.

В 1673 или 1674 году вышел из Зенгории на Волгу дербетев владелец — зенгорских владельцев родственник — Солом Серень Тайши с сыном своим Меико Темирем в четырех тысячах кибиток улусных своих калмык и поддался торгоутскому владельцу Аюке.

После оной первой записи в 1675 и 1676 годах калмыки и их подданные татары чинили российских разных чинов людям убийство и грабежи и в полон брали и учуги разоряли.

И для того по вступлении на престол Его Величества Государя Царя Феодора Алексеевича в 1677 году взята у него, Аюки, окольничим и астраханским воеводою князем Константином Осиповичем Щербатовым при съезде их против Астрахани за рекою Волгою другая шертовальная на российском языке запись в такой же силе, как и первая, с прибавкою такою, что им под Астраханью торговать и с иноземцы, а в прочем:

1-е. Чтоб о присылаемых к нему, Аюке, из Крыма и из иных мест давать знать в здешнюю сторону и их без указа не отпускать и на получаемые с ними письма не ответствовать, но те письма, а буде понадобится, то и самих таких присылаемых к Москве или в Астрахань присылать.

2-е. Буде которые калмыки по своим желательствам в православную христианскую веру крестятся, и тех им, тайшам и улусным их людям, не просить и об них Великому Государю не бить челом.

3-е. Которые посыльщики присланы будут к нему, Аюке, с Москвы с

грамотами Великого Государя, и ему, Аюке, те грамоты принимать, встав и сняв шапку с великою честию.

На том съезде при Аюке были родной его брат Джамсо и дербетев владелец Солом Серень.

В 1678 году посылал он, Аюка, в военный поход под Чигирин[15] калмык своих три тысячи человек.

В 1681, 1682 и 1683 годах сам Аюка с своими родными братьями и с другими владельцами, с калмыками и с татарами, своими подданными, ходили, сообщась с башкирцами, в противности тогда бывшими, под разные российские городы, также в Казанский и Уфимский уезды и разоряли села и деревни и как из-под городов, из сел и деревень, так и по Волге на промыслах и в проездах российских людей и черемис с женами и с детьми в полон брали, конские и скотские табуны отгоняли, грабежи чинили и учуги разоряли, и, одним словом, тогда с Астраханью не токмо зимою, но и в летние времена коммуникация была весьма трудная, и малолюдными компаниями от Царицына до Астрахани и от Астрахани до Царицына и водяным путем от калмык и ногайцев проезду не было, и для того в тех двух городах едущие принуждены были ожидать других попутчиков и, собрався великими компаниями, проезжали.

Тогда же калмыки с донскими казаками одни на других нередкие нападения чинили.

В 1684 году при государствовании Их Величеств Государей Царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича бывший в Астрахани боярин и воевода князь Андрей Иванович Голицын имел с ним, Аюкою, съезд за Волгою на прежнем месте и взял с него, Аюки, третью шертовальную запись, также на русском языке с подписанием рук по-калмыцки, сходную с двумя первыми с прибавкою при том такою, чтоб ему, Аюке, впредь Великим Государям служить верно, а на российские городы, села и деревни не нападать и башкирцев, ежели они, учиня измену, бегать будут, в улусы калмыцкие не принимать, а выдавать возвратно. На том съезде при Аюке были родной его брат Джамсо и дербетев владелец Солом Серень.

Аюка воевал и за Яиком с киргис-касаками и всегда над ними имел авантажи, при том же и трухменской народ (туркмены.— *Ред.*), при Каспийском море в Мангышлаке бывший, в свое подданство покорил и так усилился, что и калмыцким народом и бывшими у них в подданстве ногайцами управлять стал самовластнее, да и от Далай-ламы первый он испросил себе около 1690 года титул ханский. При нем же тогда кубанские, хивинские и киргис-касацкие солтаны, в том числе и бывший Абулхаир-хан киргис-касацкий, во услужении живали.

---

[15] Имеется в виду поход 1678 г. против армии визиря Кара-Мустафы, подошедшего 9 июля 1678 г. к Чигирину.

Он же, Аюка-хан, с дагестанцами, кумыками, кабардинцами и кубанцами войну производил и мир заключал сам собою.

1696 года от него ж, Аюки-хана, посылано в низовой Азовский поход калмык его три тысячи человек.

Того ж 1696 года подданные его, Аюки-хана, татары Большого Ногаю за предводительством главных своих мурз Джакшат-мурзы и Аташ-мурзы ушли от Волги на Кубань, захватя с собою некоторую часть джетысан и джембуйлук, так же и от Кабарды Малый Ногай увели с собою ж и обще поддались хану крымскому.

1697 года привезена из Зенгории в Торгоуты сговоренная за Аюкина меньшего сына Гунделека двоюродная сестра зенгорского владельца Хонтайши Дарма Бала.

И понеже[15а] пред тем Аюкины жены-калмычки (Чакдоржапова, Санжипова и Гунделекова мать Эренцен и Гунжепова мать Уанджал) померли, и хотя Аюка после их женат был на кабардинке Абайхан, родной сестре кабардинского владельца, при Терской крепости жившего, князя Каспулата Муцаловича Черкаского, но оную бросил, которая до смерти своей жила в Астраханских юртах, получая от Аюки свое содержание.

И для того он, Аюка-хан, женился на вышеописанной зенгорке Дарме Бале, от которой напоследи имел трех сыновей: Черен Дондука, Галдан Данжина и Баранга, из которых последний в малолетстве умер.

1701 года больший хана Аюки сын, а хана Дондук Даши отец, Чакдоржап, застал его, Аюку, у жены своей, именуемой Тарбаджи, и хотел его за то заколоть, но калмыками до того не допущен; однако же он, Чакдоржап, тот его Аюкин поступок всему калмыцкому народу разгласил и тем оный народ привел до того, что все владельцы и другие Аюкины дети, от одной с Чакдоржапом матери рожденные Санжип и Гунделек, с своими и с его, Аюкиными, улусами, оставя Аюку, пристали к нему, Чакдоржапу, и с ним отлучались за реку Яик и пересылались с зенгорцами — главным владельцем Хонтайшею, а четвертый Аюкин сын, от другой жены его рожденный, а бывшего хана Дондук Омбы отец — Гунжеп, во время того смятения подсылал нарочного зайсанга[16] Некая, который, в ночное время подъехав к Чакдоржаповой кибитке, и сквозь оную по нем, Чакдоржапе, из ружья выстрелил и его ранил двумя пулями, и затем по усилении Чакдоржапа в калмыцких улусах оный брат Чакдоржапов Гунжеп уходил от него на нагорную реки Волги сторону и жил в Саратове у воеводы Никифора Беклемишева, а хан Аюка во ста кибитках уходил в Яицкий казачий городок, а дербетев владелец Менко Темир с своим улусом, в то время не приставая ни к которой стороне, отлучался на Дон.

[15а] Понеже — потому что, так как. (*Примеч. ред.*)

[16] Зайсанг — родовой наследственный улусный старшина у калмыков.

Чего ради из Москвы приезжал в город Самару, который лежит на луговой стороне реки Волги при устье речки Самары, боярин князь Борис Алексеевич Голицын[17] и к Чакдоржапу посылал нарочных и, увещевая его, призывал попрежнему на Волгу, обещая с отцом его примирить добрым порядком, и, когда Чакдоржап принял намерение возвратиться к Волге, и тогда брат его Санжип с некоторыми другими их же роду владельцами и с улусами в 15000 кибитках, отстав от Чакдоржапа, отошел к зенгорскому владельцу Хонтайши, за которым, как выше написано, была в замужестве Аюкина дочь, а его, Санжипова, родная сестра Сетерджап, а Хонтайши по принятии их к себе все их улусы раскосовал по своим зенгорским улусам. А Санжипа с семью человеками отпустил к хану Аюке, который дал ему на пропитание из убогих калмык двести кибиток, и потом он, Санжип, и с женою своею, будучи при Волге, нечаянно и в ночное время сгорел от пороху, бывшего в его кибитке.

Чакдоржап же по призыву князя Голицына с братом своим Гунделеком и с другими торгоутскими и хошоутскими владельцами, перешел всеми улусами на зденшюю реки Яика сторону, сам приезжал на Самару к князю Голицыну и при присутствии его пред отцом своим Аюкою-ханом, который пред тем привезен был на Самару ж, стоя на коленях клапялся, и им был прощен. Напротиву того[17а] и Чакдоржап брата своего Гунжепа в том, что он подсылал его убить и ранил, также простил, причем из Чакдоржаповых знатных зайсангов пять человек, которые его противу Аюки возмущали, были арестованы и сосланы в Астрахань, где из них некоторые померли, а иные из-под караула бежали в калмыцкие улусы, и по тому примирению все калмыцкие улусы по-прежнему соединены и подчинены хану Аюке.

Вскоре после того хана Аюки сын Гунжеп умре, оставя двух сынов своих Дондук Омбу и Бокшургу. По том же их примирении Аюка-хан за Менко-Темирева сына Четеря отдал в замужество дочь свою, именуемую Бунтар, и тем всех дербетев перевел с Дону к себе на Волгу.

С калмыцкой стороны объявляется от многих единогласно, что при вышеписанном Аюки-хана с сыном его Чакдоржапом на Самаре примирении князь Борис Алексеевич Голицын с Аюкою-ханом разменялся пунктами, в которых между другим было постановлено, чтоб за каждого калмыка, вышедшего для крещения, платить денег по тридцати рублев, и, хотя таковых пунктов за сгорением Приказа Казанского дворца нигде не сыскано, однако ж, кажется, оного Аюкина сына Чакдоржапа из-за Яика реки со всеми улусами без особливых кондиций призвать было невозможно, как-то и хан Дондук Омбо с Кубани в 1735 году вызван был на таких кондициях, каковых он требовал.

---

[17] Голицын Борис Алексеевич (1654—1711), во время поездки Петра I за границу был одним из 3-х членов регентства, позднее — наместник в Астрахани.

[17а] Напротиву того — наряду с этим, одновременно, в то же время. (*Примеч. ред.*)

В то же калмыцкое междоусобие заведено было выше Саратова на речке Терешке село поселением крещеных калмык из собственного Аюкина Эркетенева улуса, и построена была и церковь, и то село вскоре по соединении калмыцких улусов по приказу Аюки первого эркетенева зайсанга Ямана брат разорил и выжег и всех крещеных калмык увел к себе, и, когда о том хану Аюке учинен был выговор, он ответствовал, что тот зайсанг учинил сие будто без его воли, и яко он штрафовать не может, объявляя, что тот зайсанг холопей своих забрать имел право.

В 1705-м году во время астраханского последнего бунта по призыву бунтовщиков он, Аюка-хан, не токмо к ним не пристал, но и посланные от них 20 человек для возмущения на Дон по приказу его переловлены и присланы в город Царицын, а когда генерал-фельдмаршал Борис Петрович Шереметев[18] с войсками шел к Астрахани для усмирения бунтовщиков, и тогда он, Аюка, пристал к нему со многими калмыцкими войсками и при городе Астрахани слободы разорял.

В 1707 году послано от него ж, хана Аюки, при одном владельце три тысячи человек калмыцкого войска против шведов, которые, идучи к российской армии, возвратились от Москвы собою, причем и от российских деревень несколько человек захватили и увезли с собою в улусы.

1708 года во время тогдашнего башкирского бунта он же, Аюка-хан, посылал при предводительстве стольника Ивана Ефремова, сына Бахметева, при сыне своем Чакдоржапе многие свои калмыцкие войска, которые над башкирцами производили поиски.

В том же году город Саратов калмыцкими войсками освобожден от осады бунтовщиков: донских казаков, булавинцев и некрасовцев[19].

1709 года он же, Аюка-хан, посылал в Малороссию при сыне своем Чакдоржапе калмыцкого войска несколько тысяч, которые к российской армии пришли по нескольких днях после Полтавской баталии и с награждением отпущены возвратно.

В том же 1709 году посылал Аюка многие тысячи калмыцкого войска при князе Петре Хованском[20] на Дон для искоренения бунтовщиков: донских казаков, булавинцев и некрасовцев, причем им всякая добыча отдана была в собственное их употребление, в том числе и бунтующих казаков жены и дети, но калмыки по их своевольству и ближние российские деревни разоряли и людей не одну тысячу забрали и увезли в свои улусы, которых нарочно

---

[18] Шереметьев Борис Петрович (1652—1719) — граф, фельдмаршал, участвовал в войне с Турцией, с шведами, принимал участие в подавлении Астраханского восстания в 1705 г.

[19] Некрасовцы — донские казаки — участники Булавинского восстания под предводительством Игнатия Некрасы. После Булавинского восстания казаки вместе с Игнатием Некрасой ушли на Кубань.

[20] Хованский Петр Иванович — князь, в 1709 г. подавлял крестьянское движение, руководимое Булавиным и Некрасой.

посланные от боярина и губернатора казанского и астраханского Петра Матвеевича Апраксина[21] при придапном от Аюки-хана владельце Чемете и зайсапгах в калмыцких улусах сыскивали и отбирали, и всех таковых отобрано больше тысячи человек.

1710 года сентября 5 дня боярин и губернатор казанский и астраханский Петр Матвеевич Апраксин, едучи из Астрахани в Казань, в пути, не доезжая города Черного Яра, по именному Его Царского Величества указу виделся с ханом Аюкою у речки Даниловки, впадающей из Волги в Ахтубу, и имел с пим разговор, и назвались братьями, в чем между себя и по рукам ударили. При том Аюка-хан обещал служить Его Царскому Величеству верно и с улусами своими от Волги пикуда не отходить и тамошние низовые города от неприятелей оборонять; напротиву того и его, Аюку-хана, от неприятелей его российскими войсками и с пушками охранять обещано. На том съезде при хане Аюке были калмыцкие владельцы: Аюкин внучатый брат Чеметь — Батуров сын, Аюкин зять Черень — Менко-Темирев сын, Аюкин внук Дондук Омбо — Гунженов сын, Аюкин племянник — внучатого брата сын Черен Дондук Балбуев.

Те договорные статьи, или записку конференций, на российском языке сочиненную, подписали хан Аюка, боярин и губернатор Апраксин и выше именованные четыре владельца и печати свои приложили.

1711 года февраля 3 дня подан в Москве в Посольский приказ с тех договорных пунктов список за скрепою дьяка Нефеда Кормилицына при отписке боярина и губернатора Апраксина от 2 числа того ж февраля.

В том же 1711 году Аюка-хан посылал в Кубанский поход при помянутом боярине Апраксине при корпусе российских войск сына своего Чакдоржапа с калмыцкими войсками 20000, и, когда оный боярин, будучи в походе, получил известие, что кубанские татары, ведая о его походе, начали переправляться чрез реку Кубань в горы, где над ними поисков чинить невозможно, и тогда калмыцким войскам дал волю итти на кубанцев вперед, которые сколько их, кубанцев, на обеих сторонах реки Кубани найти могли, всех перерубили, а жен и детей их многие тысячи побрали в полон, а лошадей и скота их отогнали весьма великое множество.

В 1713 году в бытность при хане Аюке китайского посла Тюлешина при присутствии оного посла, их калмыцкого Буканг-ламы и многих владельцев, попов и зайсангов он, хан Аюка, собою объявил по себе наследником большого сына своего Чакдоржапа и во знак того отдал ему печать, присланную к нему от Далай-ламы на ханское достоинство, а сам стал употреблять другую печать.

---

[21] Апраксин Петр Матвеевич — граф. В 1705 г. был послан в Астрахань для усмирения стрелецкого бунта. В этом же году был назначен астраханским губернатором. В 1708 г. 8 сент. заключил договор с калмыцким ханом Аюкою, по которому хан обязался быть в вечном подданстве России. В декабре 1708 г. Апраксин был назначен казанским губернатором.

В начале 1715 года кубанский Бактагирей-солтан с войсками приходил на Волгу и при Астрахани нападал на хана Аюку и на калмыцкие улусы и несколько разорил, и Аюкину кибитку со всем багажом взял; причем и пункты, данные Аюке с российской стороны от князя Бориса Алексеевича Голицына, утратились, и тогда же Бактагиреем забраны на Кубань и бывшие в калмыцком подданстве джетысаны и джембуйлуки, а хан Аюка от того Бактагиреева нападения и с женою своею уходил к полкам команды лейб-гвардии капитана князя Александра Бековича-Черкаского[22], которые пред тем собраны были к Астрахани для Хивинского похода, а при оном случае выведены для охранения сего Аюки из города к реке Болде и стояли в параде, токмо по татарам, хотя хан и требовал, не стреляли, затем что оных несравнительное было множество, они ж на те полки и наступления не чинили.

После сего для охранения хана Аюки определен был при нем стольник Дмитрий Бахметев[23] и эскадрон драгун, которые были при хане в летнее время, а зимою имели квартиры в российских городах. И по некотором времени стольник Бахметев определен был в Саратов воеводою и до состояния Астраханской губернии имел в ведении своем и калмыцкие дела, а драгуны раскосованы по полкам.

Хан же Аюка Бековичу за вышеписанный случай заплатил таким образом, что пред его походом в Хиву посылал от себя к хивинскому хану Ширгазгирею служителя своего трухменца Доулата и с ним писал, что Бекович под видом посла идет в Хиву войною и чтоб они, хивинцы, от того предостерегались, да и в Бухару дали знать, и его б, Бековича, с войсками разбили, почему он, князь Черкаской, хивинским ханом Ширгазгиреем с хивинцами, аралцами и трухменцами встречен и со всем его корпусом разбит и по рукам разобран.

Потом вскоре он, Аюка-хан, с кубанским Бактагирей-солтаном помирился, и в начале 1717 года в зимнее время по согласию с оным Бактагирей-солтаном посылал на Кубань со многими калмыцкими войсками сына своего Чакдоржапа, который несколько тамошних бывших у Бактагирея в непослушании Большого Ногая хатай-хабчатских татар разорил, а джетысан и джембуйлук забрал и привел к себе по-прежнему на Волгу. А при Бактагирее оставил из зайсангов Ноен Омбу и Биджика и других калмык 170 человек, и оные ему, Бактагирею, и вожами были в Пензенский и Синбирский уезды, которые он, Бактагирей, разорял и многие тысячи людей в полон взял; и когда

---

[22] Бекович-Черкасский Александр, князь. В 1717 г. с отрядом в 3200 человек отправился в Хиву с поручением убедить владетелей Хивы и Бухары перейти в подданство России, но был убит хивинцами.

[23] Бахметьев Дмитрий Ефремович был начальником в шведской войне над отрядом конницы, состоявшим из татар, калмыков, башкир и казаков. В 1715 г. был послан Петром I в заволжские степи для охраны русской границы от набегов кочующих народов и на помощь калмыцкому хану Аюке против кубанского солтана Бактагирея.

при походе Бактагирея мимо волжских городов тамошние командиры от Аюки-хана требовали в оборону российским жилищам калмыцких войск, и тогда он ответствовал, якобы без указа того чинить не может, объявляя при том, что при Астрахани князь Александр Черкаской при нападении на него, Аюку, кубанских татар стрелять по оным без указу также не осмелился.

Того ж 1717 года вышепомянутый дербетев владелец Четерь-танши бросил жену свою — Аюкину дочь Даши Черен, на которой он пред тем женился было по смерти первой жены своей — Аюкиной же дочери Бунтара, а вместо той брошенной жены своей женился на Аюкиной внуке, а Чакдоржановой дочери, именуемой Доржи Черен, которая прежде была в замужестве за хошоутовым владельцем и, имея от оного двух сынов, овдовела и Четерем из того Хошоутова улуса увезена силою, за что Аюка-хан на владельца Четеря осердился и, призвав его к себе, содержал немалое время под претекстом лечения его болезни, однако же под крепким присмотром. А улус Дербетев оттого отходил к Дону, и хан Аюка под рукою[23a] побуждал хошоутовых владельцев, чтоб они за обиду свою на Дербетев улус учинили нападение и оный забрали б себе во владение. Но понеже сие Четерево Чакдоржановой дочери увезение оному Аюкину сыну Чакдоржапу было не противно, того ради оный Чакдоржап отца своего Аюку от того отвел и Четеря с ним, Аюкою, примирил на том, что увезенная Четерем Чакдоржапова дочь осталась за ним, а на брошенной перед тем Аюкиной дочери женился Четерев старший сын Лабан Дондук, и, таким образом согласясь, Четерь от Аюки отпущен и со всеми дербетевыми улусами по-прежнему перешел кочевать с Дону на Волгу.

Того же 1718 года прибыл в калмыцкие улусы чрез Сибирь от Далай-ламы по прошению хана Аюки отправленный знатный их духовный, называемый Шакур-лама, которого он, Аюка, принял с великою честью и отдал ему во владение калмыцкий улус, принадлежащий ламинскому чину, именуемый Шабинар, которого в то время счислялось до четырех тысяч кибиток. Оный Шакур-лама был природою торгоутских калмык, зайсангский сын из Табун-Отокова улуса, и в прошлых годах при посланцах калмыцких, к Далай-ламе посыланных, будучи от роду десяти лет отправлен был туда для наук и тамо, будучи с лишком 20 лет,— обучился тангутскому языку и другим наукам, духовным их чинам принадлежащим, и был ламою в тамошнем одном монастыре, называемом Шакур, и губернатором над провинциею, тому монастырю подчиненною. А таковых монастырей в тангутском народе находится семь, по которым и народ тангутский разделяется на семь провинций, а оными не токмо в духовных, но и в светских делах управляют яко губернаторы духовные их ламы, из каковых и тот Шакур-лама был.

1719 года февраля 26 дня состоявшимся в правительствующем Сенате напечатанным и в народ выданным указом велено с посланцев калмыцкого

[23a] Под рукою — негласно, стороной, как-нибудь при случае (выведать, узнать). (*Примеч. ред.*)

Аюки-хана, которых он посылать от себя куда будет чрез Астрахань и сибирские городы, с ведома Коллегии иностранных дел, а товары, какие при них будут ценою до трех тысяч рублев и с тех товаров по прежнему указу пошлин не имать, а у которых будет товаров выше трех тысяч рублев или которые посланцы будут от него посланы не по указам из Коллегии иностранных дел, и у тех с товаров их пошлину имать по указу.

1721 году калмыцкий владелец хана Аюки внук, а Гунженов сын Дондук Омбо женился и взял за себя кабардинку Джан, рожденную от кабардинского владельца Корготи и от узденской жены, а прежнюю свою жену калмычку, именуемую Солом, дочь хошоутова владельца, которая прежде была в замужестве за его, Дондук-Омбиным отцом, Гунженом, по нескольких летах бросил.

Того же 1721 года, по именному указу блаженные и вечнодостойные памяти Его Величества Государя Императора Петра Великого, бывший в Астрахани губернатор Артемий Петрович Волынской[24] был в Гребенских казачьих городках[25] для усмирения российскими войсками противных кумыков и примирения кабардинских владельцев баксанских с кашкатовскими, и тогда посыланы были к нему, Волынскому, от Аюки-хана зайсанги Яман и Олдоксон с небольшою калмыцкою командою, и чрез посредство тех зайсангов он, Волынской, кабардинских владельцев обеих партий к себе призывал и примирил, причем им, Волынским, от всех кабардинских владельцев о подданстве России впервые взяты формальные присяги.

С 1721 года он же, губернатор Волынской, всеми мерами у хана Аюки и у сына его Чакдоржапа домогался, чтобы тогда бывшие в их калмыцком владении ногайцы джетысаны и джембуйлуки все были раскосованы врозь и по калмыцким улусам, но к тому сперва не склонен Аюкин сын Чакдоржап, для того что ими владел и с них подать брал он один, да он же из них на мурзинской дочери, именуемой Хандаза, был и женат, а потом воспрепятствовало тому междоусобие калмыцких владельцев.

1722 года февраля 19 числа вышеупомянутый Аюки-хана сын Чакдоржап умер.

Он имел разных жен, из которых: 1-я Джал, дочь хошоутова владельца; 2-я Талбаджит, также дочь хошоутова владельца; 3-я Габиль, дочь дербетева владельца Менко Темиря; 4-я Цаган Лама, дочь Цецен-хана хошоутова; 5-я Джизага, дочь хошоутова владельца, а прежде Чакдоржапа была замужем за Аюкиным родным братом, а за Чакдоржаповым дядею Джамсою; 6-я Бату, дочь хошоутова владельца, прежде была замужем за внучатым братом хана Аюки

[24] Волынский Артемий Петрович (1689—1740). В 1715 г. был назначен Петром I послом в Персию, в 1719 г. назначен астраханским губернатором. При Екатерине I был губернатором в Казани до 1731 г., кабинет-министром с 1738 г. Был казнен в 1740 г. по обвинению в государственной измене.

[25] Гребенские казачьи городки, основанные в 1712 г., были расположены по берегу реки Терека.

— владельцем Чеметем, который в 1711 году весною был в партии с своими калмыками и с царицынскими казаками для перенятия возвращающихся из российских жилищ с пленом кубанских татар, которых разбил и плен возвратил было, но на возвратном пути догнала его другая с Кубани ж к российским жилищам идущая партия с изменниками донскими казаками-некрасовцами, и при драке с тою партиею из калмык, бывших при нем, Чемете, большая часть ушли в свои улусы, а он, Чеметь, с оставшими калмыками и царицынскими казаками при реке Аксае сидел в осаде и до тех пор дрался, пока не токмо весьма в малом числе людей остался, но и сам убит, а голова его по причине, что он на Кубани частые делал поиски и всегда с удачею, отвезена чрез Крым в Константинополь. По смерти же его вышеупомянутая жена его, Бату, осталась бездетна, а по калмыцким обыкновениям улусами Чеметевыми она яко бездетная владеть не могла и сама со всем оным улусом принадлежала Чеметеву племяннику, двоюродного его брата сыну, Намсе, но Чакдоржап оного Намсу жениться на ней не допустил, а женился на ней сам и улусом Чеметевым завладел силою. 7-я Даши Бирюнь, дочь зенгорского владельца, прежде была замужем за сыном хана Аюки Гунделеком, от которого имела и сына, именуемого Амдоу, он же и Дамрин Бамбар, а Гунделеков улус состоял в двух тысячах кибитках. 8-я вышеписанная татарка Хандаза. 9-я — вдова, бывшая жена российского подданного, жившего на реке Терке недалеко от казачьего Щедрина городка, брагунского владельца Кучюка, к которой Чакдоржап приезжал только по зимам.

От тех жен были у него, Чакдоржапа, дети. От первой Джалы — Дасанг, Баксадай Доржи, Нитар Доржи и Гунцук Джап (нем и безумен). От третьей Габили — Дондук Даши, Бодонг, Солом Допчин, Доржи Раши, Яндак и Бусурман Тайджи.

От четвертой Цаган Ламы — Данжин Доржи, отец владельца Лаванга, который в 1757 году был с калмыцким войском в Прусском походе и в Польше на винтер-квартире умер оспою.

У него же, Чакдоржапа, был старший сын Бату, рожденный от подложницы, однако же почитался в числе его детей и нойонов.

При сем примечается, что у калмык по их древнему и общему обыкновению никто из одного с собою рода жены себе взять не может, то есть торгоутский у торгоутского, хошоутов у хошоутова, зенгорский и дербетев у зенгорского и дербетева, хотя б то и за сто колен было, под страхом смертного греха.

И потому принуждены торгоутские владельцы жен за себя брать из хошоутова, зенгорского и дербетева родов, а своих дочерей выдавать за хошоутовых, зенгорских и дербетевых владельцев, а по женскому колену брать по матери своей, на двоюродной сестре и на тетке, то есть на материной родной сестре, тако ж на родной своячине и на мачехе жениться может.

Чакдоржап до смерти своей взрослых сыновей своих отделил и дал им из улусов своих, а именно: Дасангу 1000, Баксадай Доржи 500, Нитар Доржи 200, Гунцук Джапу 100, Дондук Даши 400, Данжин Доржи 400 и Бату 400 ж кибиток, а затем у Чакдоржапа оставалось 4000 кибиток, которыми владел сам

и из того прочим малолетним детям своим, от одной матери с Дондук Даши рожденным: первому Бодонгу, другому Солом Допчину, третьему Доржи Раши, четвертому Яндаку и пятому Бусурман Тайджи — особливых частей не назначил. А при смерти своей завещал дать им из оных улусов своих по надлежащей части, а оставшее затем разделить всем по справедливости, и всем им быть в союзе и кочевать вместе и отдавать послушание старшему из них брату Дасангу, которому отдал и присланную от Далай-ламы к Аюке на ханство, а Аюкою в 1713 году отданную ему, Чакдоржапу, при публиковании его ханским наследником печать.

По смерти Чакдоржаповой дети его к сожжению тела его собрались все и при том в твердом содержании завещания отца своего учинили между себя присягу и с тем посылали от себя нарочных к деду своему, Аюке-хану, которой то апробовал и подтвердил.

В том же 1722 году в летнее время при шествии Его Императорского Величества блаженные и вечнодостойные памяти Государя Императора Петра Великого Волгою-рекою к Астрахани для Персицкого похода[26] Аюка-хан был на луговой стороне против города Саратова недалеко от Волги. По прибытии же Его Величества к Саратову он, Аюка, приезжал на галеру для отдания Его Императорскому Величеству и Ее Величеству Государыне Императрице Екатерине Алексеевне поклона. Да и Его Императорское Величество по всенижайшему его Аюкину прошению изволил удостоить его посещением дома его. При возвратном Его Императорского Величества из Астрахани походе оный же Аюка-хан близ города Черного Яра паки[26а] приезжал с ханшею своею и с детьми своими Черен Дондуком и Галдан Данжином на галеру для отдания всенижайшего поклона Их Императорскому Величеству. И при обоих тех случаях, представляя он свою старость и в здоровье слабость, просил их Императорское Величество о содержании по нем, хане, жены его и детей в высочайшей Их Императорского Величества милости и о учинении по нем наследником старшего сына его Черен Дондука. И по тому его прошению он, Аюка, и с фамилиею его высочайшею милостию Их Императорского Величества обнадежен.

Между тем в том же 1722 году, в бытность Его Императорского Величества в Дербентском походе[26], открылись Аюкины интриги о погублении им в Хиве князя Александра Черкаского со всем при нем бывшим корпусом и о прочих его неверностях, а он, Аюка-хан, тогда был уже 75 лет.

В то ж время уведомленось было, что происходило сватовство об отдаче в замужество за Аюкина сына Черен Дондука дочери кумыцкого владельца Чепан Чепалова. И как оное противно было здешним интересам, то по

[26] Поход Петра I в 1722—1723 г. к берегам Каспийского моря, во время которого были заняты Баку и Дербент.

[26а] Паки — опять, снова. (*Примеч. ред.*)

именному Его Императорского Величества указу губернатор Волынской чрез нарочно посланного писал к хану Аюке, не объявляя однако ж того указа, но якобы собою, чтоб он, Аюка, до того Черен Дондука не допускал, ибо то противно будет Его Императорскому Величеству, почему оное сватовство и пресеклось.

По именному ж Его Императорского Величества указу, в Астрахани состоявшемуся по отбытии Его Величества из Астрахани к Москве, призыван в Астрахань губернатором Волынским из калмыцких тогдашних владельцев лучший и постоянный Аюкин племянник — двоюродного брата сын — Дoржи Назаров, и генерал-адмиралом графом Федором Матвеевичем Апраксиным и действительным тайным советником графом Толстым объявлено ему, что Его Императорское Величество соизволяет его, Доржу, за добрые его поступки по смерти Аюки-хана пожаловать калмыцким ханом, только б в верности дал он, Доржи, в аманаты сына своего. Что он учинить обещал и в том дал реверс.[266]

В том же 1722 году указом императорским велено хану Аюке отправить в Персицкий поход калмыцкого войска 7000 человек и чтоб в числе сего войска никого из татар, ему, Аюке, подданных, не было, будучи сей поход тогда предпринят против магометан, и он, Аюка, на то доносил, что он толикое число войска отправил, поруча оное в команду внука своего Бату Чакдоржапова.

То калмыцкое войско от Астрахани предводительствовал гвардии поручик, который был после генерал-майором, Нефед Кудрявцов, и от Волги он, Кудрявцов, до реки Терка ехал при корпусе драгунских полков команды бригадира Шамордина, а при оном калмыцком войске при владельце Бату оставлен был от него с небольшою командою саратовских казаков переводчик, что ныне статский советник, Василий Бакунин, который, будучи в пути, уведал, что при владельце Бату ехал в калмыцком платье кубанский татарин Хаз Мамбет, которого он, Бату, по приказу хана Аюки имел с места, куда их войска дойдут, отпустить на Кубань к тамошнему Бактагирей-солтану с ведомостью, что им повелено будет делать, и тот татарин им, Бакуниным, пойман и отвезен в Гребенский казачий городок Курдюков, где бригадиром Шамординым и поручиком гвардии Кудрявцовым расспрашиван и отослан в Терскую крепость, а оттуда по указу отправлен для употребления в каторжную работу.

При переправлении же того калмыцкого войска чрез реку Терек при помянутом Гребенском городке Курдюкове от гвардии поручика Кудрявцова командиру оного войска владельцу Бату и двум его товарищам зайсангам Яману и Зайдархан Тайдже именным указом объявлено, чтоб им чинить поиски над противными кумыками андреевцами, а коль скоро сие объявление им учинено, то зайсанг Яман отправил от себя нарочного калмыка к кумыцкому ж аксайскому владельцу Солтан Мамуту с тем, чтоб андреевцы от

[266] Реверс — письменное обязательство. (*Примеч. ред.*)

их калмыцких поисков укрывались, где могут, для чего калмыцкие войска к Андреевой деревне[27], которая от Курдюкова в сорока верстах, хотели было итти медленно, но как о том оный же переводчик Бакунин чрез калмыков уведал, и потому гвардии поручик Кудрявцов, хотя время и к ночи приходило, не дал им при Терке ночевать, а повел того дня далее. И на утренней заре учинили над кумыками поиск, так что они, кумыки, хотя между тем от калмык оное известие и получили, все скрыться со скотом в горы не успели, причем калмыки получили великую добычу людьми и скотом.

И понеже при поиске над андреевцами примечено, что того калмыцкого войска полного семитысячного числа не было, того ради рассуждено было оное счесть, а к тому употреблен был такой способ, а именно: рота драгунская расставлена была в одну линию, а в середине оной оставлено было небольшое порозжее (пустое.— *Ред.*) место, наподобие ворот, чрез которые то калмыцкое войско по одному человеку пропускаемо, и давано было при том определенное жалованье каждому по одному рублевику, а дабы калмыки не могли, объехав расположение помянутой драгунской роты, [и] вдругорядь у означенных ворот для получения жалованья явиться, для того по обоим крылам той роты поставлены были казацкие команды. И таким образом сочтено того калмыцкого войска только 3727 человек, да сверх того при означенном поиске убито два человека. И о всем выписанном гвардии поручик Кудрявцов для донесения Его Императорскому Величеству писал к тайному кабинет-секретарю Макарову.

По возвращении же Его Императорского Величества от Дербента на Сулак некоторая часть из помянутого калмыцкого войска обще с донскими казаками посылана в Дагестанию, где разорили и выжгли семь деревень тамошнего владельца Усмея.

По возвращении же калмыцких войск из того Дербентского похода захватили они и увели с собою в свои улусы от Терской крепости больше тысячи кибиток тамошних татар, российских подданных, именуемых хондроу, из которых Арслан-мурза с родом в нескольких стах кибитках отобран к Астрахани, и когда о сем Аюке-хану был выговор, он ответствовал, якобы то внук его Бату учинил собою, да и в прочих таких делах напредь того извинялся непослушанием ему большего сына его Чакдоржапа, а в самом деле он, Аюка, в калмыцких улусах был самовластным и улусы между владельцев сам разделял и кому что хотел давал.

Он же во всю свою жизнь не токмо с крымскими ханами пересылку имел, но и к шаху персицкому и к турецкому султану нарочных своих посланцев посылал, а у шаха последним посланцем его был астраханский бухарец Абдулла Бегимов, который в бытность его в Испагании местничился с здешним курьером Дмитрем Петричасом, который в 1720 году по возвращении обоих

[27] Имеется в виду большое селение Эндери, населенное главным образом кумыками.

их от шахова двора в Гилянь, захватя его, Абдуллу, в свою квартиру, высек плетьми.

Он же, Аюка-хан, к бывшим в Астрахани боярам и воеводам и к другим российским командирам письма свои писал указами и сие продолжал до бытности в Астрахани губернатора Волынского, который то весьма пресек возвратною к нему таких его указов обсылкою.

В прочем по отбытии Его Императорского Величества из Астрахани он, Аюка, проча по себе ханство сыну своему, от последней его жены Дармы Балы рожденному — Черен Дондуку, пред смертию своей захотел внука своего Дасанга, который с братьями своими имел великие улусы и по смерти старшего Аюкина сына, а своего отца Чакдоржапа по их калмыцкому обыкновению ханству был законный наследник, обессилить, и для того в 1723 году научил Дасанговых родных братей, от других Чакдоржаповых жен рожденных: Дондук Дашу, Данжин Доржу, Бату и других — всего восемь человек,— на Дасанга жаловаться и просить, чтоб он, Дасанг, собственные их улусы от себя отпустил кочевать особливо, с кем они нохотят. И меньшим братьям своим пяти человекам, которые при отце не были отделены, дал надлежащие части, причем и Дондук Даши по наущению его ж, Аюки-хана, являясь недовольным определенной ему от отца частию, которая состояла в 400 кибитках, требовал от Дасанга, чтоб ему еще прибавить, почему Аюка-хан неоднократно посылал к Дасангу и приказывал, чтоб он то исполнил, доводя тем, что оные Дасанговы братья кочевали при сыне его Черен Дондуке.

Но Дасанг, ссылаясь на завещание отца их Чакдоржапа и что братья его при сожжении тела отца их присягали с ним, Дасангом, кочевать вместе и быть в его послушании, да и он, дед их Аюка, то подтвердил, улусов их от себя не отпустил, объявляя, что он, Дасанг, с их улусов подать себе не собирает и достальные с ними по-надлежащему разделит, только б они вместе с ним, Дасангом, кочевали и были ему послушны.

Напоследок хан Аюка присылал к Дасангу Шакур-ламу и Дондук-Дашину мать, а Дасангову мачеху Габиль, с тем чтоб он из улусов назначенную часть брату его Дондук Даше отдал матери его Габили, обещав, что она будет кочевать при нем, Дасанге, в его воле, а он, Аюка, соединит по-прежнему с ним, Дасангом, и братьев его Дондук Дашу, Бату и Данжин Доржу, в чем он, Дасанг, с Габилью и согласился; при сем случае хан Аюка призывал его, Дасанга, к себе, а Шакур-лама в том, что ему, Дасангу, противности от него, Аюки, учинено не будет, ручался, почему он, Дасанг, к нему, хану, и ездил, однако ж с великим конвоем и, когда Дасанг у хана был в кибитке, тогда Дасангов брат Нитар Доржи с конвоем недалеко стоял на конях в готовности в противном случае к обороне Дасанга.

Хан Аюка в бытность у него внука его Дасанга об улусах ничего сам с ним не говорил, но по отпуске его, Дасанга, в собственную его ставку чрез зайсангов требовал, что[б] он улусы братьев своих отдал и для договору о том оставался б он, Дасанг, при нем, хане, с десятью человеки, а конвой свой отпустил в улусы, но он, Дасанг, получа между тем известие от Шакур-ламы,

который безопасность его при сем случае на себя перенимал, что хан Аюка приказал собирать войска и хочет его, Дасанга, и улусы его воевать, и для того б он, Дасанг, предостерегся, уехал от него, Аюки, в свои улусы.

Хан Аюка то непослушание Дасангово принял себе за обиду и Дасангов к себе с великим конвоем приезд за бесчестие и в калмыцких улусах крепкими указми и под штрафом публиковал, чтоб все калмыцкие войска собирались и шли на Дасанга, а главную над теми войсками, которых было до 20000, команду поручил внуку своему Дондук Омбе, Гунжепову сыну, при котором были Аюкин сын Галдан Данжин и Дондук Даши с братьями.

А Дондук Омбе от хана Аюки такой приказ дан был, чтоб он Дасанга и братьев его воевал, а ежели войною Дасанговых улусов отобрать не может, то б он дожидался губернатора астраханского и его, хана Аюки.

А в Астрахань он, Аюка, писал и чрез нарочно присланного зайсанга Данжина словесно представлял губернатору Волынскому и командовавшему персицким корпусом генерал-поручику Матешкину, что Дасанг от него, Аюки, уехал, будто поссорясь с Дондук Дашею, и хотят между собою драться, и чтоб они, Матешкин и Волынской, вступили в посредство и от войны их удерживали, а кто из них и из других будет в том начинателем, по таковым бы и по подчиненным его приказали российским войскам стрелять.

Дасанг же и брат его Баксадай Доржи, присылая к губернатору Волынскому нарочных зайсангов и принося на хана Аюку жалобы, просили о защищении и приближалися с улусами своими к Астрахани, почему высланы были из Астрахани для принятия их капитан Брюс и поручик Андреян Лопухин, и с ними две роты солдат Ингермаландского и Астраханского баталионов, 50 человек драгун Астраханского гарнизона с двумя полковыми пушками, 100 человек донских казаков и несколько сот юртовских татар, а для переправления улусов их с луговой степи через реку Ахтубу — в луга лодок, сколько возможно было собрать, а затем и сам Волынской туда ж выезжал.

А пред выездом своим посылал дворянина Данила Танбеева к владельцам Дондуку Омбе, Дондук Даше, Бату и Данжин Дорже с письмами своими, которыми их увещевал, чтоб они на Дасанга не нападали. Но оного дворянина войска калмыцкие до тех владельцев не допустили, а при том его били и ограбили, а бывших при нем Дасанговых калмык поймали и саблями рубили.

24 числа ноября 1723 года при реке Ахтубе у устья речки Берекети, от Астрахани в сорока верстах, Дондук Омбо с прочими с ним бывшими владельцев войсками на Дасанга с братьями чинил нападение, а Дасанг с братьями, стоя при фрунте вышеписанной российской команды, по возможности оборонялся. Причем Дондук Омбо на российскую команду не нападал, а наступал по обоим флангам на Дасанговых калмык. В тот день с обеих сторон калмык побито до смерти и на месте оставлено до 100 человек, а больше того ранено. А как Дондук Омбо увидел Волынского, на шлюпках приближающегося, и тогда он со всем калмыцким войском отступил; итак в тот день российскою командою и приездом губернатора Волынского охранен был Дасанг с двумя его братьями, с их женами и с знатными зайсангами, да и улусов их до 2000 кибиток, которые в лодках успели перебраться через реку Ахтубу.

25 числа ноября губернатор Волынской следовал по берегу речки Берекети для охранения других Дасанговых улусов, но Дондук Омбо с 13000 человек его упредил и путь заступил и, недошед до российской команды с триста сажен, построился к бою полуциркулем и к губернатору Волынскому присылал нарочного, чтоб он для охранения Дасанговых улусов далее не ходил, а в противном случае будет он с ним губернатором поступать по-неприятельски.

Губернатор Волынской принужден был посему остановиться, а Дондук Омбо приходящею ночью, по приезде к нему Аюкина сына Черен Дондука, отошел вдаль, а между тем посыланными от него партиями Дасанговых и других при нем бывших владельцев улусов, которые были не гокмо в степи, но и за речкою Берекетью, забрано до шести тысяч кибиток, а некоторые из них разорены, чего ради губернатор с командою возвратился в Астрахань. Да и Дасанг с братьями и с оставшимся улусом, чрез Ахтубу перешедши, пришел к Астрахани ж и тамо был до указу.

В то ж их калмыцкое замешание и бывшие у них в подданстве ногайцы, джетысаны и джембуйлуки, которых считалось первых двенадцать, а других более трех тысяч кибиток, а командовали джетысанами Буркут-солтан, Мамбет Мурза, Салтан Мурат Беев сын, а джембуйлуками — Акмамет-мурза, Джусуп, Мурзин сын, в декабре месяце ушли на Кубань и доныне находятся в Турецкой области.

В то ж время дербетев владелец Четерь-тайши с старшим сыном своим Лабан Дондуком и с большею частию улусов своих отходил за реку Дон, а меньшой Четерев сын, Гунга Доржи, с меньшею частию дербетевых улусов оставался при тесте своем Дондук Омбе, при котором был и при нападении на Дасанга у Берекети, а Доржи Назаров со своими улусами оставался при реке Яике, а ханские улусы для зимования переходили чрез Волгу на нагорную сторону, и, одним словом, весь калмыцкий народ разделялся на четыре части.

Калмыцкий же зенгорский владелец Дани Батур Тайджи с детьми и с малым своим улусом принят к Астрахани, а потом для пребывания его препровожден на Дон к Черкаску.

Тогда ж Дасанговы братья Баксадай Доржи и Нитар Доржи пожелали креститься и то свое намерение объявили губернатору Волынскому порознь — первый при Берекети, а другой в Астрахани — и один от другого, а паче[27а] от Дасанга, тайно. И весною из них Баксадай Доржи отправлен был из Астрахани ко двору Его Императорского Величества с Дасанговою жалобою на владельцев Дондук Омбу и Дондук Дашу в нападении на них войною и в насильном забрании и разорении их улусов и, будучи в Санкт-Петербурге, крещен, и наречено ему имя Петр, восприемником ему изволил быть Государь Император Петр Великий. И велено ему, крещеному владельцу, писаться Тайшиным. Да при нем же крестилось из лучших их зайсангов семь человек, а восприемниками им были князь Меншиков и другие из первых министров.

[27а] Паче — больше, более (наречие в значении сравнительной степени). (*Примеч. ред.*)

Оному Тайшину определено было жалованья денег тысяча рублев, муки аржаной 500 четвертей в год, а Нитар Дорже велено было по крещении определить денег 700 рублев да муки 350 четвертей.

1724 года февраля 19 дня хан Аюка умре, имея от роду семьдесят семь лет, а пред тем и губернатор Волынской из Астрахани отозван был ко двору, а в управлении калмыцких улусов оставалась Аюкина ханша Дарма Бала и во всем поступала по советам Дондук Омбы, который имел намерение на ней жениться по ее к тому склонности.

И понеже тогда Волга-река вскрылась очень рано, то есть в генваре, а ханша и прочие при ней бывшие владельцы с улусами калмыцкими чрез реку Волгу на луговую сторону по льду перейти не успели, а на нагорной стороне за междоусобием своим летовать опасались кубанских татар и ногайцев, пред тем в их подданстве бывших, и для того просились о перепущении их внутрь Царицынской линии[28]. Но когда получен о том был отсюда указ, а они между тем с кубанским Бактагирей-солтаном и с кабардинскими владельцами пересылались, и тогда по совету Дондук Омбы, который от здешней стороны имел опасение, в линию итти отреклись, в чем согласен с ним был и Дондук Даши для того, чтоб ему завладеть всеми улусами, отобранными от Дасанга. Со всем тем Шакур-лама и из ханских первый зайсанг Яман и другие доброжелательные к своему отечеству попы и зайсанги в том с ними не согласились и наперед начали перебираться внутрь Царицынской линии, чем принудили и их перейти в ту же линию.

Того ж 1724 года майя 3 дня дана из Коллегии иностранных дел по именному Его Императорского Величества указу, состоявшемуся в Сенате 16 апреля, губернатору Волынскому инструкция, которою велено ему ехать в калмыцкие улусы и взять от владельца Доржи Назарова в аманаты сына и реверс о верной службе и о непринятии и недержании впредь в калмыцких улусах татар, и о крепком за владельцами смотрении. И потом объявить его, Доржу, ханом, а без того не объявлять, но описываться. А ежели Аюкина жена и прочие владельцы будут представлять к тому ханского сына Черен Дондука или кого из внучат — и их склонять ласкою и подарками к тому, чтоб Доржу Назарова признали ханом, а буде они того не учинят и уклонятся на противность, и тогда с ними поступать действом воинским, как с неприятелями, и нового хана во всем защищать. А ежели ханские внучата уйдут на Кубань или куда инде, а будут претендовать, чтоб улусов, которые они побрали войною у Дасанга, у них не отбирать и без того возвратиться не похотят, и их призывать на каких кондициях возможно.

---

[28] Для защиты русской границы от калмыков, ногайцев и закубанцев в 1717 г. русское правительство начало строить Царицынскую линию, которая шла на 60 верст от Дона до Волги у Царицына, имела ряд форпостов и крепостей. Караулы на линии содержали украинские и донские казаки, заселявшие линию. Казаки, заселявшие Царицынскую линию, составляли Волжское казачье войско, разделенное на три станицы — Дубовскую, Среднюю и Волжскую; здесь были четыре крепости: Бальшевская, Караваевская, Антиповская и Дубовка.

На Царицынскую линию к бригадиру Шамордину послан тогда ж из правительствующего Сената указ, что ежели губернатор Волынской будет ему, Шамордину, предлагать о каких воинских действиях, то б он, Шамордин, по тем предложениям с обретающимися в команде его полками действо чинили, не описываясь, да к тем же полкам в помощь взял донских казаков от двух до трех тысяч человек.

По переходе калмыцких улусов внутрь Царицынской линии, та линия заступлена была бригадиром Шамординым, четырьмя драгунскими полками и двухтысячным числом донского войска, а по реке Дону расставлены были сильные форпосты драгунами и казаками с прибавлением Воронежского гарнизона, по реке же Волге была полая вода, а по слитии оной также поставлены были по форпостам драгуны и казаки, и в некоторых местах с пушками, и чинены были водяным путем солдатами из Астраханского гарнизона разъезды.

Того лета в бытность калмыцких улусов в линии надлежало было совершиться свадьбе между владельцем Дондук Омбой и вдовой ханшей Дармой Балой. Но майор Беклемишев по присланному к нему указу внушениями своими чрез Шакур-ламу и Черен-Дондуковых зайсангов ханшу от того отвел, так что она в рассуждении детей своих (Черен Дондука и других) формально в том Дондук Омбе отказала, за что он, Дондук Омбо, возымел на Беклемишева крайнюю злобу.

Июня 5 дня губернатор Волынской, едучи из Москвы, получил из Коллегии иностранных дел указ, отправленный по получении в Москве известия о вступлении калмыцких улусов внутрь Царицынской линии, в котором писано, что майя 22 дня Его Императорское Величество указал:

1-е. Взятые в 1723 году войною у Чакдоржаповых детей Дасанга и Баксадай Доржи улусы Дондук Омбою, Дондук Дашею и ханскими детьми возвратить и из них принадлежащие Баксадай Дорже отдать без замедления, а Дасангу с братом под рукою объявлять, чтоб они крестились, и ежели крестятся, то и им улусы их отдать, а буде креститься не похотят, то, не отдавая им, писать немедленно.

2-е. Ежели Дондук Омбо и Дондук Даши будут чинить какие противности, то, объявя им оные, взять их под арест.

3-е. Когда Доржи Назаров будет ханом объявлен, и тогда ему, губернатору, всякими образы стараться его женить на жене умершего хана, чтоб она и дети ее и их улусы были у него в руках.

Июля 23 числа губернатор Волынской прибыл в город Саратов и по многократным посылкам нарочных владельца Доржу Назарова для свидания с собою звал к Волге.

Во время же кочевания и приближения его к Волге, 21-го августа, нападали на улус сына его Лубжи киргис-касаки и, получа великую добычу, возвратились. И Доржи с войсками своими погнался за ними, а к губернатору Волынскому присылал нарочного с прошением о присылке к нему в помощь из Саратова пушек и войск. Почему губернатор Волынской посылал к нему, Дорже, дворянина Якова Татаринова и писал к нему, что он, губернатор, к нему пушек и несколько войск российских отправит, токмо чтоб прислал к нему, губернатору, подлинное известие, в коликом числе неприятель и как далеко от Саратова, и чтоб прислал навстречу к российским войскам лошадей и несколько верблюдов.

А между тем 24-го августа присыланный от Доржи Назарова калмык Бибичь Волынскому словесно объявил, что киргис-касак на Лубжин улус нападало 757 человек, которых Лубжа с войсками своими, догнав, атаковал в урочище Узенях, куда и Доржи с войсками ж своими приспел, и, соединясь, их, киргисцов, доставали приступом и из пушек своих по ним стреляли, и так многих из них побили и несколько взяли живых, и только из них ушло три человека; и при том прислан к Волынскому в подарок один взятый киргис-касак, да с тем же калмыком присылано в Саратов — в засвидетельствование той их победы — четыреста пятнадцать правых ушей, отрезанных от побитых киргис-касак.

При сем приметить надлежит, что понеже по прошению Доржи Назарова войск российских в пустую степь послать было невозможно, да и некого, ибо в то время при Волынском в Саратове было только драгун две роты и казаков 200 человек, а пушек полковых и одной не было, почему надлежало б в том ему, Дорже, и отказать, но ежели б то учинить, то б Доржи на губернатора Волынского так же стал негодовать и злобиться, как Аюка-хан на князя Александра Бековича-Черкаского, того ради Волынской формально ему не отказал, а ответствовал, как выше написано, ведая, что ему, Дорже, требуемое им, Волынским, о числе неприятелей известие, также под войско и пушки лошадей и верблюдов присылать было недосуг, да и не успеть, ибо между тем необходимо надобно было киргис-касакам от калмык разбитым быть или уйтить; а при всем том он, Волынской, в показание Дорже к исполнению требования его готовности, делал и вид, приказав драгунам перебираться чрез Волгу на луговую сторону, а чрез то не токмо здешний интерес соблюл, но и от Доржи Назарова после получил благодарение. Да и прежде того в 1723 году по требованию владельцев калмыцких о учинении им из Астрахани войсками помощи против киргисцов же он такое же войсками сделал движение и от владельцев калмыцких получил благодарение, а между тем киргис-касацкая партия на один улус калмыцкий нападала и с добычею ушла, а собственные пушки у Доржи Назарова были самые малые, которые они возят без станков на верблюдах.

Доржи Назаров по разбитии киргис-касак по чиненным еще к нему от губернатора Волынского посылкам приезжал к Волге и виделся с Волынским 1 сентября против города Саратова на луговой стороне и наедине имел с ним разговор. Причем оный владелец Доржи Назаров, не похотя сына своего дать в аманаты и за бессилием улусов своих, от ханства отрекся, представляя к тому ближайших наследников — Аюкина сына Черен Дондука и внучат его Дондук Омбу и Дасанга — и что они его, Доржу, за хана не примут, а хотя б сперва по принуждению за хана и признали, но потом улусы его, Доржины, разорят

или и его самого убьют. И наконец губернатор Волынской обнадеживал его содержанием при нем на первый случай, пока он утвердится, для охранения его 2000 донских казаков, и что он, Волынской, будет стараться, чтоб и ханша Дарма Бала вышла за него замуж. И потому он, Доржи, хотел посоветовать[ся] с женою своею и старшим сыном Лубжею и 5 числа сентября с ним, Волынским, паки видеться, но 4 числа, и не сказався Волынскому, откочевал к Яику, а ханшу Дарму Балу о тех с Волынским секретных разговорах уведомил.

Между тем ханша Дарма Бала отпустила от себя к зенгорскому владельцу Хонтайши посланца его, который в 1723-м году еще к хану Аюке прислан был для сватания Хонтайшиной дочери за его, Аюкина, сына Черен Дондука. И при том она, ханша, отправила и от себя к Хонтайши посланцем же зайсанга своего Еке Абугая за тем же и для прошения его протекции, она ж, Дарма Бала, и Дондук Омбо, умножая тогда ж свою партию, хотели поступить на явные противности, и для того в послушании ханши Дармы Балы все владельцы и знатные зайсанги приведены были ею к присяге.

Дондук же Омбо, имея о себе самом опасность, действительно покушался перейти чрез реку Дон или пробиться сквозь Царицынскую линию и потом пробраться к Крыму, в чем некоторые и из владельцев с ним согласились было, но большая часть в том ему следовать отреклась, а без согласия всех улусов столько он силы не имел, чтоб ему по Дону расставленные форпосты преодолеть или сквозь войска, на Царицынской линии бывшие, пробиться.

Сентября 6-го числа губернатор Волынской переехал из Саратова к речке Сапуновке, которая ниже города в сорока верстах и впадает в реку Волгу, и 8 числа ездил к ханше Дарме Бале. А потом Шакур-лама, ханский сын Черен Дондук и другие владельцы и знатные их зайсанги часто приезжали к нему, Волынскому, и он разговорами своими с ними и внушениями и прилежным своим старанием до того довел, что она, ханша, от правительства калмыцкого народа отрешена, а сына ее Черен Дондука из ее и из Дондук-Омбиной партии оторвал, которого, хотя оный был и молод и слабого состояния, принужден был через запрещение, в инструкции ему предписанное, объявить по учинении им 19 сентября публично присяги на другой день наместником ханства впредь до указу[29], а потом и Дасанга с наместником ханства Черен Дондуком, также с Дондук Омбою и Дондук Дашею примирил с обещанием со стороны Черен-Дондуковой, чтоб Дасангу и братьям его забранные от них улусы возвратить, чем тогда Дарму Балу и Дондук Омбу обессилил и от противностей удержал. И все их улусы в ноябре месяце из Царицынской линии выпущены, чрез которую хотя все владельцы переезжали явным образом, но Дондук Омбо за опасностию, чтоб пойман не был, переехал в коробе, навьюча оный на верблюда.

[29] Так в подлиннике.

В день же объявления наместником ханства Черен Дондука, то есть 20 сентября, и по приезде его, тако ж Шакур-ламы и других калмыцких владельцев для того объявления к губернатору Волынскому присылал и владелец Дондук Даши (который в 1723 году у Берекети при Дондук Омбе нападал на Дасанга с братьями его и забрали их улусы) зайсанга своего Самандагу с тем, что ежели губернатор Волынской обнадежит и Шакур-лама переймет на себя, что ему ничего противного учинено не будет, то он, Дондук Даши, намерен быть к нему, губернатору, с повинною, и по обнадеживанию Волынского чрез Шакур-ламу он, Дондук Даши, тотчас приехал и в продерзости своей просил прощения, объявляя, что он, как человек молодой, с недознания своего без указу Его Императорского Величества нападал на братьев своих Дасанга и других, обещаяся впредь того не чинить. Почему губернатором Волынским вина ему, Дондук Даше, отпущена, и потом он и другие на том съезде бывшие владельцы, и знатные зайсанги в верности Его Императорскому Величеству приведены к присяге.

Владелец же Дондук Омбо, усмотря, что все дело, губернатору Волынскому порученное, обошлось без него, Дондук Омбы, и настоящий наместник ханства объявлен, и как он, так и другие калмыцкие владельцы в верности присягали, а он, Дондук Омбо, без того остаться опасался, чтоб вящщего на него подозрения принято не было, а к Волынскому ехать боялся, чтоб его не задержали, присылал к нему, губернатору, нарочного калмыка с объявлением, что и он будто для учинения присяги ехал к нему и был уже поблизости его, губернатора, у ханши Дармы Балы, но между тем заболел, и так просил его, губернатора, чтоб прислать к нему с присягою кого нарочного, почему и посылан был к нему майор Беклемишев, при котором он, Дондук Омбо, присягу и учинил. Да и к прочим в отсутствии бывшим калмыцким владельцам посыланы были нарочные с присягами, по которым оные присягали, подписались и печати свои приложили, кроме Доржи Назарова, который того не учинил, принося разные отговорки.

Присяга же, по которой наместник ханства Черен Дондук присягал, состоит в следующем:

1-е. Служить ему, Его Императорскому Величеству, верно и прочих владельцев калмыцких и всех подчиненных его ни до какой противности, по возможности, не допускать и всеми мерами отвращать.

2-е. С неприятелями Его Императорского Величества, какового б оные народа и звания ни были, никакого сообщения, дружбы и пересылок не иметь.

3-е. Суд во всем справедливый чинить и кражи и воровство всеми мерами искоренять.

4-е. Татар никаких в улусах своих не держать и ушедших собою без указу Его Императорского Величества возвращать не дерзать и прочих владельцев до того самовольства не допускать, но просить о том Его Императорское Величество, а когда указом Его Величества позволено будет и оные возвращены и отданы будут, тогда оных, как прежде было, особливыми улусами отнюдь не держать, но раскосовать всех врозь по своим улусам.

Прочие калмыцкие владельцы и знатные зайсанги присягали в той же силе да сверх того, чтоб им до указу Его Императорского Величества и до определения действительного хана быть послушными Черен Дондуку, в чем нет противности Его Величества интересам.

А с Дасангом и братьями его наместник ханства Черен Дондук, ханша Дарма Бала и владелец Дондук Даши помирились и письменно утвердили, и оное губернатору Волынскому отдали в такой силе, чтоб всех Чакдоржаповых детей и их улусы с Дасангом соединить, а ему, Дасангу, забранный во время войны скот уступить в Черен-Дондукову сторону, а ханше, Черен Дондуку и Дондук Омбе его, Дасанга, в бедности питать, а ежели питать не будут, о том ему, Дасангу, бить челом Его Императорскому Величеству.

На оном съезде Чакдоржаповых детей Бату и Данжин Доржи как самих, так и поверенных от них не было, а за Дондук Омбу с Дасангом договаривались зайсанги ханши Дармы Балы.

При сем случае примечается, что калмыцкие владельцы прежних шертовальных записей за присягу или в какой они силе писаны отнюдь не признавали, да и название их, то есть шерть, не токмо российскому, но и калмыцкому языку не свойственно, а ссылались они только на пункты, размененные с князем Борисом Алексеевичем Голицыным, но что они тех шертей не знали, вероятно и потому, понеже в найденных с тех записей копиях написано, что и подлинные шертовальные записи писаны на российском языке, а по-калмыцки только руки ко оным приложены. Напротив того вышеписанная губернатором Волынским сочиненная присяга была им представлена на их калмыцком языке, по которой они между себя имели неоднократные и многолюдные съезды и советы и на оную согласились по усильным Волынского домогательствам, которая почитается за первую формальную калмыцких владельцев присягу, вследствие чего бывшие потом ханы и наместники ханства Калмыцкого в рассуждении присяги затруднения уже не чинили.

Оную же присягу [о] наместничестве Черен-Дондуковом и примирении с Дасангом губернатор Волынской одержал, не выпуская улусы калмыцкие из линии и не сводя учрежденных форпостов и разъездов, хотя между тем имел в получении из Сената два указа о выпуске оных улусов из линии, и чтобы он по выпуске их для окончания порученной ему, Волынскому, комиссии ехал и за линию в их калмыцкие улусы и тамо о том старался. А те указы воспоследовали: первый — по доношению его, губернатора Волынского, что калмыки намерение имели чрез ту линию итти сильно, другой — по жалобе калмык покойному генералу-фельдмаршалу князю Михаилу Михайловичу Голицыну на него, Волынского, что будто он напредь сего по их калмыцким делам суд чинил неправедный. Но ежели б по тем указам калмыцкие улусы из линии были выпущены, то б ничего из вышеписанного одержать было ему невозможно, но все бы калмыцкие владельцы, оставя его, Волынского, на степи, как и Доржи Назаров учинил, по улусам бы своим разъехаться могли.

Со всем тем и в бытность калмыцких улусов внутри линии и со всех сторон окруженных российскими войсками, сколько губернатор Волынской ни старался в их присягу включить, чтобы им вообще с чужестранными народами без указу пересылок не иметь, а куда для какого дела надлежит послать, о том бы требовать позволения от губернатора астраханского и от бывшего тогда при них, калмыках, майора Беклемишева, но они при всяком для соглашения о присяге съезде весьма от того отговаривались, а наконец и совсем отреклись, представляя, что им без пересылок с заграничными обойтись никак невозможно, понеже они зимою боятся кубанцев, а летом киргис-касаков, и для того как к тем, так и к другим нельзя, чтоб под другими претекстами для проведывания о их намерениях и не имеют ли воинских собраний, не посылать, а позволения требовать в скором случае времени недостает, а в присягу включа и без ведома посылать, явятся преступниками, а ежели не посылать, то от нечаянных неприятельских нападений улусы их могут разориться.

А что по именному указу, состоявшемуся 22 майя, велено Дасангу под рукою объявлять, чтоб он крестился, а без того и улусов его ему не отдавать, то губернатор Волынской по учинении примирения между им, Дасангом, и стороною наместника ханства Черен Дондука ему, Дасангу, 30 сентября наедине говорил, что ежели б не указом Его Императорского Величества улусы его велено было ему возвратить, то б ему того не получить, почему надлежит ему, Дасангу, такую Его Императорского Величества высокую милость не токмо самому, но и детям его памятовать и Его Величеству служить верно, а особливо, когда б он, Дасанг, крестился, весьма б Его Величеству было угодно, и он бы, Дасанг, в особливом от других был защищении. Но Дасанг на то объявил, что он рад бы то учинить, но как он человек совершенных уже лет, то как ему оставить закон, в котором родился и обык, а принять новый, о котором мало и слыхал, сверх того в таком случае улусные его люди, боясь, чтоб и они поневоле окрещены не были, могли бы от него разбежаться, а один он без улусов никакой Его Императорскому Величеству прибыли сделать не может, а в прочем он, Дасанг, и в своем законе будучи, обещается Его Императорскому Величеству всегда быть верным, а буде брат его Нитар Доржи так, как и Баксадай Доржи, пожелает креститься, в том он, Дасанг, противиться не будет. А потом оный брат его Нитар Доржи при свидании с губернатором Волынским от крещения, хотя прежде о том в Астрахани и просил, также отрекся.

Улусов же их по силе вышеписанного именного указа от наместника ханства и от прочих владельцев Волынскому в свои руки отобрать и, не отдавая их Дасангу и Нитар Дорже до другого указу, особливо содержать было невозможно затем, что оные их улусы раскосованы были врознь по всем калмыцким улусам, и по примирении его, Дасанга, с другими владельцами он и брат его Нитар Доржи с своими зайсангами поехали в улусы наместника ханства Черен Дондука и других владельцев, и опознавая своих и брата их Петра Тайшина калмык, как в бытность их в линии, так и по выпуске из оной отбирали к себе по малому числу, о чем он, Волынской, доносил и в Сенат. И на то в полученном 28 ноября из Сената указе писано, что Его Императорс-

кое Величество, слушав о том выписки, изволил на оной подписать собственною своею рукою тако: отдать каждому свое.

По выходе из линии улусов калмыцких наместник ханства Черен Дондук и при нем Дасанг приезжали к ханше Дарме Бале, куда также приезжали Дондук Омбо, Дондук Даши, Бату и Данжин Доржи, и положили, чтоб остаться по-прежнему у Дасанга 1000, у Баксадай Доржи 500, у Нитар Доржи 200 кибиткам, а брату их Гунцук Джапу прибавить к прежним 100 кибиткам 100 ж кибиток, Дасангову сыну Чидапу дать вновь 400 кибиток, Дондук Даше к 400 прибавить 600, а Бату и Данжин Дорже каждому к 400 по 100, Дондук-Дашиному брату Бодонгу вновь дать 400, Дондук же Дашиным четверым меньшим братьям каждому по 200 кибиток, а оставшими[ся] за всем тем владеть Дасангу, а Баксадай Доржи имеет себе прибавку получить чрез Россию. И потом владельцы разъехались по своим улусам, и Дасанг и Дондук Даши с прочими всеми их братьями и с улусами их зимовали между Астрахани и реки Кумы в мочагах[30].

Между тем 25-го октября губернатор Волынской получил указ из Сената на доношение свое, которым он представлял, что на Доржу Назарова имеет он подозрение и не знает, все ль он, Доржа, учинит по указу, и, ежели крайняя нужда принудит и без того обойтиться нельзя будет, то он, губернатор, Черен Дондука объявит наместником ханским, хотя и Доржи будет ханом. А в том указе написано, что по оному его доношению Его Императорское Величество сентября 26-го дня указал, чтоб он, губернатор, о выборе хана чинил и во всем поступал по данному ему указу и по пунктам, а Черен Дондука ханским наместником не объявлял, а ежели в Дорже Назарове подлинно увидит какую противность или по указу чего он исполнять не похочет, о том бы писал в Сенат обстоятельно, а в ханы его до указу не определял.

А 11 ноября он, Волынской, получил указ из Сената от 14 октября, в котором писано, что по доношениям его, Волынского, Его Императорское Величество указал: ежели он, губернатор, Черен Дондука ханским наместником объявил, чтоб всеми мерами старался, чтоб получить в аманаты кого из братьев его и к тому ханскую жену склонить, и сверх того взять у него, Черен Дондука, реверс, что когда дети у него будут, то б дал тогда сына в аманаты.

На оные указы губернатор Волынской от 21 ноября в Сенат доносил, что он Черен Дондука до указу наместником ханства объявить принужден был потому, понеже в Дорже Назарове никакой уже надежды не оставалось, а ханша и все владельцы находились в великом замешании, да и сам Черен Дондук к противной стороне склонен был, а об аманатах при таком их смятении и упоминать было невозможно, и он, Волынской, рад был и тому, что Черен Дондук наместничество принял, ибо то матери его, Дарме Бале, и Дондук Омбе с их партиею, также и Дасангу противно было, да и братья Черен-Дондуковы — Галдан Данжин и Баранг — не в его, Черен-Дондуковой, воле были, но в материной, из которых Галдан Данжин имел уже и свой улус и кочевал не с Черен Дондуком, но с матерью своею и с Дондук Омбою, а она

[30] Мочаги — топкие, низменные прибрежья Каспийского моря.

и печать Аюки-хана, хранившуюся до того у знатного Аюкина зайсанга Самтана, который был партии Черен-Дондуковой, к себе отобрала. К тому ж бы и Черен Дондук, ежели б ему об аманатах не ко времени упомянуть, мог сделаться подозрительным и стал бы бегать, как Доржи Назаров, и так разве впредь случай додался бы завести их в линию, причем не только у него, Черен Дондука, но и от всех владельцев аманатов неволею взять будет можно.

В том же 1724 году от калмыцких междоусобий несколько человек зайсангов и с их аймаками приняты губернатором Волынским в городы Астраханской губернии и по их желаниям крещены, и для пребывания оставлены были при тех городах, где которые из них быть похотели.

1725 года губернатор Волынской получил указы, в которых к нему писано:

В первом из Сената от 10 февраля, чтоб бывший хана Аюки оклад жалованья денег 1000 рублев, муки ржаной 2000 четвертей разделить надвое и одну половину давать Аюкиной жене Дарме Бале, а другую — сыну ее наместнику ханства Черен Дондуку.

В другом из Сената ж и от того ж числа: что Ее Величество Государыня Императрица Екатерина Алексеевна указала крещеному владельцу Петру Тайшину для безопасности его дать драгун 24 человека и с ними одного сержанта, да из Астрахани одного человека, чтоб всегда при нем был как пристав.

В третьем из Сената ж от 15 февраля: чтоб оного калмыцкого владельца Петра Тайшина, ежели когда на него от братьев его или от других владельцев учинится какое нападение, охранять и в потребном случае, когда заблагорассудится, войсками оборонять, командировав из Астрахани или из Царицына и из других городов откуда и сколькими людьми рассудится, по которому от губернатора Волынского и в городы Астраханской губернии указы посланы.

В четвертом из Коллегии иностранных дел от 22 февраля ж о посланных при том грамотах Ее Императорского Величества к наместнику ханства Черен Дондуку и к ханше Дарме Бале о признании наместничества Черен-Дондукова и о годовом жалованье ему и матери его Дарме Бале, при том же дано знать, что и к Шакур-ламе отправлена грамота с похвалою, и послано к нему за службу его жалованья 200 червонных и на 600 рублев мягкой рухляди.[30а]

Во окончании месяца февраля Дасанг и Нитар Доржи, будучи между Волги и Кумы на нагорной стороне, нарушa мир с родными ж своими братьями, от других матерей рожденными, Дондук Дашею и с прочими, в 1724 году при губернаторе Волынском учиненный, с своими и хошоутовых владельцев Лекбея и Дондука войсками, нападали на них во отмщение прежней их обиды и забрали к себе все их улусы, а некоторые разорили. А Дондук Даши, Бату и Данжин Доржи уходили тогда на луговую сторону к наместнику ханства Черен Дондуку.

[30а] Мягкая рухлядь — меховые шкурки. (*Примеч. ред.*)

И потому собирались из улусов ханши Дармы Балы, наместника ханства Черен Дондука, Дондук Омбы и других при них бывших владельцев войска с тем намерением, чтоб на Дасанга и на Нитар Доржу нападать оными с луговой стороны, а с нагорной стороны — Бактагирею-солтану с кубанскими войсками, которые тогда при нем были в собрании для походу на Кабарду, и для того хотели к нему отпустить владельца Дондук Дашу и выбирали для конвою его калмык от двух до пятисот человек; а между тем по реке Волге лед вскрылся, к тому ж и губернатор Волынской, посылая от себя из Царицына нарочных с письмами своими к Черен Дондуку, к Дондук Даше, Бату и Данжин Дорже, оными их от нападения на Дасанга отводил, представляя им, что из такого их междоусобия иного ничего не последует, кроме кровопролития и разорения калмыцким улусам, и обещая, что он будет стараться примирить Дасанга с ними добрым манером. Почему они от походу своего на Дасанга и от посылки Дондук Даши к Бактагирею-солтану удержались и просили его, губернатора, чтоб он Дасанга с ними примирил.

Тогда ж губернатор Волынской писал к переводчику (что ныне статский советник) Василью Бакунину, который зимою, будучи при наместнике ханства, за болезнию своею отлучался в город Черный Яр, чтоб он ехал к Дасангу и склонял его, дабы он с братьями своими Дондук Дашею, Бату и Данжин Доржею помирился, и требовал бы от него, на каких кондициях желает он мириться; также бы склонял его, чтоб он с улусами своими для безопасности с кубанской стороны, приближаясь к Царицыну, вошел в линию.

Переводчик Бакунин к Дасангу ездил, а с пути отправил наперед себя для ускорения калмыка Дамбу к Дасангу с тем, что Дондук Даши имеет намерение, перебрався [чрез] Волгу, ехать к Бактагирею-солтану, чего б ради он, Дасанг, послал от себя партию и велел его перенять, и Дасанг отправлял за тем брата своего Нитар Доржу в пятистах человеках.

А прибыв он, Бакунин, к Дасангу, увещаниями своими склонил его итти с улусами в Царицынскую линию и к миру с братьями его Дондук Дашею и с другими, причем Дасанг объявил, что он мириться с ними будет на том, ежели Дондук Даши, Бату и Данжин Доржи с ним, Дасангом, соединятся, то он даст из улусов Дондук Даше 800, брату его Бодонгу 400, меньшим их четырем братьям по 200 кибиток, а Данжин Дорже и Бату, хотя и надлежало ничего не давать затем, что они прошлого году на съезде не были и на договорном о мире их письме не подписались и в том не присягали, однако ж он, Дасанг, и им даст по Чакдоржапову определению по 400 кибиток.

Марта 18 дня прибыл в Царицын от двора Ее Императорского Величества крещеный владелец Петр Тайшин, при котором отпущена была и церковь походная, а при оной иеромонах Никодим Ленкеевич да несколько учеников из Московской Спасской школы для обучения калмыцкому языку и письму, чтоб впредь из них могли быть в священниках и диаконах. Тому иеромонаху для пребывания в калмыцких улусах определено было жалованья по 300, а ученикам каждому по 100 рублев в год.

Апреля 3 числа приезжал в Царицын к Петру Тайшину брат его Нитар

Доржи, будучи в разъезде для перенятия Дондук Даши, с которым и он, Петр Тайшин, 5 числа апреля ж из Царицына поехал в улус свой к брату их Дасангу.

По прибытии же Петра Тайшина в калмыцкие улусы объявил он Дасангу и зайсангам, что блаженные и вечнодостойные памяти Его Императорское Величество по крещении его, Тайшина, изволил ему говорить, что для него, Петра Тайшина, с крещеными калмыками можно недалеко от Астрахани построить город, в котором они могут зимовать, а летом кочевать, где хотят; и на то из Дасанговых первый зайсанг Биллютка в собрании их ему, Дасангу, братьям его и зайсангам сказал, что россияне желают всех их калмык крестить и поселить, и чтоб они советовали и положили на чем-нибудь на одном — или б всем креститься и поселиться, или б куда-нибудь от России откочевать, а по его, Биллюткину мнению, лучше им помереть в своей вере и для того б в линию не входить, а кочевать бы до времени между Кубани и Волги по пти рекам и Маныгчу, к чему и Нитар Доржи пристал, и Дасанга к тому ж склонял, а Петр Тайшин уговаривал их, чтоб итти в линию, но Нитар Доржи сего и слышать не хотел и по улусам разглашал, что россияне, заманя их за линию, всех крестят или разорят.

Он же, Петр Тайшин, присыланным к Дасангу от Черен Дондука, ханши Дармы Балы и Шакур-ламы для предложения о мире посланцам говорил, чтоб владельцы их скорее с ними мирились, а ежели мириться не будут, то он, Тайшин, может калмыцкими и российскими войсками их разорить, объявляя, что по крещении его дан ему такой императорский указ, чтоб изо всех волжских городов и с Дону войсками, сколько когда он потребует, чинить ему, Тайшину, вспоможение.

Губернатор Волынской паки для увещевания Дасанга о приходе к Царицыну посылал переводчика Василья Бакунина, который, будучи у него, Дасанга, о том ему предлагал, но получил от него такой ответ, что ныне у него в улусах есть старший над ним — меньший брат его крещеный владелец Петр Тайшин, и чтоб он, Бакунин, о том представлял ему, Тайшину, и при том дал знать об опасности своей итти в линию.

Потом он, Бакунин, виделся с братом их Нитар Доржею, который в разговорах объявил ему, что он в линию итти опасается того: первое, чтоб его за то, что он хотел креститься да солгал, не повесили; другое, чтоб улусы их не крестили неволею; и третье, чтоб забранные ими у братьев их улусы не принудили их возвратить им силою. На что ему переводчик Бакунин говорил, что ежели его, Нитар Доржу, надлежало повесить, то б он и в бытность его пред тем у губернатора Волынского в Царицыне для того задержан быть мог, а сверх того невольное крещение и христианскому закону противно, а ежели б их за линию манили для отобрания от них, братьев, их улусов силою, то б прежде введения их в линию не требовано было от них, на каких они кондициях с теми братьями своими мириться желают, и что напротив того призыв им в линию чинится единственно для охранения их от их неприятелей. И Нитар Доржи требовал, чтоб он, Бакунин, в том, что все сие правда, побожился, что он, Бакунин, и учинил, почему Нитар Доржи в линию итти и склонился.

После чего Дасанг, Петр Тайшин, Нитар Доржи, мачеха их Даши Бирюнь и владельцы: родственник их Черен Дондук, Балбуев сын, и хошоутовы их же зятья Лекбей и Дондук с своими улусами от Астрахани прикочевали к Царицыну и по обнадеживанию губернатором Волынским чрез нарочно присланного от Петра Тайшина, что в неволю никто крещен не будет, перешли внутрь линии, которая, как и прежде, заступлена была бригадиром Витеранием с драгунскими полками, в то ж время прибыл в Царицын полковник Дмитрий Еропкин с несколькими тысячами малороссийских войск, которых он вел на Сулак к крепости Святого Креста[31].

Крещение же Петра Тайшина братьям его Дасангу и Нитар Дорже было весьма противно, ибо они опасались, чтоб он при помощи российской всеми их улусами не завладел и неволею не крестил, а к такой их опасности он, Петр Тайшин, и сам подал причину гордостию своею пред ними и, угрожая им, желал над ними первенствовать, вследствие чего и люди его, Тайшина, несколько кибиток Дасанговых разорили и тем Дасанга привели ко отчаянию, так что Нитар Доржи при одном случае Петрову зайсангу Тунгулаку, крестнику покойного канцлера графа Гаврила Ивановича Головкина[32], за то, что он крестился, кинжалом голову прорубил и бок проколол. При переходе же улусов их в линию Дасанг и Петр Тайшин в бытность их у губернатора Волынского, хотя им, губернатором, и примирены были, но вскоре потом, будучи внутри линии, Дасанг с братом своим Нитар Доржею в окончании месяца майя сговорились его, Тайшина, убить, зачем Нитар Доржи в нескольких человеках в одну ночь на кибитку его, Тайшина, и действительно нападал, но его в той кибитке часами двумя или тремя не застал, ибо он, сведав о том чрез родственника своего владельца Балбуева сына — Черен Дондука, ушел в город Дмитриевск, а оттуда привезен в Царицын к губернатору Волынскому, но жену его, Петра Тайшина, с домом и со всем улусом его, в котором тогда иеромонах здешний с церковию был, оный Нитар Доржи забрал и как того иеромонаха, так и церковников содержал под присмотром.

Между тем губернатор Волынской намерен был ехать из Царицына в Саратов сухим путем, при котором городе назначено было съехаться калмыцким владельцам для примирения, а напредь себя 1 июня отправил переводчика Бакунина, а как неминуемо надобно было ехать чрез Дасанговы улусы, которые, как выше означено, уже внутри Царицынской линии находились, то приказал [Волынской] ему, Бакунину, о намерениях его и братьев его разведать; и в проезд его, Бакунина, Нитар Доржи, будучи на дороге с нарочною партиею, зазвав его, Бакунина, к себе в кибитку, бил его палками, метался на него с кинжалом и, выведя его из кибитки, хотел его из ружья застрелить за то, что он, Нитар Доржи, обнадеясь на него, Бакунина, присягу,

---

[31] Крепость Св. Креста построена Петром I в 1722 г. в двадцати верстах от устья реки Сулак.

[32] Головкин Гаврил Иванович (1660—1734) — граф, государственный канцлер.

вошел с улусами своими в линию, а на оную, как они видят, для воевания их собираются российские войска, проговаривая, что то ж сделает он и с губернатором Волынским, ежели он попадется в его руки; но до совершенного убийства Бакунина не допустил его, Нитар Доржу, зайсанг Джалчин, прося его, чтоб он, Нитар Доржи, умилосердился над калмыцкими улусами, которые за то российскими войсками вконец будут разорены, и когда он, Бакунин, по отпуске его, оставя свой путь, уехал в слободу Тишанку, то он, Нитар Доржи, на другой день того зайсанга Джалчина из ружья убил до смерти, а сам с своими войсками ту слободу обступил и хотел оттуда его, Бакунина, доставать приступом, но между тем от губернатора Волынского прислан был донской старшина Осип Поздеев с командою и от того его, Бакунина, выручил.

15 июня губернатор Волынской получил указ из Сената с прописанием во оном именного указа об отправлении к крепости Святого Креста калмык 6000 человек, о чем он представлял наместнику ханства Черен Дондуку, но оный сказал, что ему и прочим владельцам, при нем обретающимся, из улусов своих (за опасностию от Дасанга) войска отправить невозможно, а когда и от Дасанга того ж было требовано, он ответствовал, что и ему из его и братьев его и от хошоутовых при нем находящихся владельцев улусов войск отлучить опасно, чтоб с Черен- Дондуковой стороны нападения на них учинено не было. И за тою их междоусобною ссорою и войска их калмыцкие не отправлены.

По отбытии же губернатора Волынского и при цем Петра Тайшина из Царицына водяным путем к Дмитриевску Нитар Доржи, подъехав с своей партиею к Волге, искал на дороге напасть на губернатора Волынского и его и Петра Тайшина поймать или одного Петра Тайшина обманом вызвать к себе и убить, и бежать на Кубань. Но губернатор Волынской, остановясь у слободы Дубовки, велел Петру Тайшину с ним, Нитар Доржею, чрез пересылку продолжать договоры о мире, а на него, Нитар Доржу, отправил сильную партию российских регулярных и нерегулярных войск, чтоб его поймать живого или убить, которая от Царицынской линии на него, Нитар Доржу, нападала, и при том из калмык его побито около ста да живых поймано 61 человек, а сам Нитар Доржи ушел в улусы Дасанговы. И для того губернатор Волынской писал к Дасангу с объявлением всех Нитар-Доржиных злодейских поступок, как он нападал на брата своего Петра Тайшина, бил посланного от него, губернатора, переводчика Бакунина и искал случая и его, губернатора, поймать, а сверх того, едучи от Царицына, близ слободы Тишанки заколол русских шесть человек, да по донским городкам на пашнях и в лесах многих мужеска полу колол, а женска, в том числе и сущих младенцев, пересквернил, и лошадей и скот отгонял, где сколько найти мог, также многих и из калмык побивал до смерти; и требовал он, губернатор, чтоб он, Дасанг, его, Нитар Доржу, поймал и к нему, губернатору, прислал или содержал у себя под караулом.

И понеже Нитар Доржи противности чинил по большой части с согласия с Дасангом, он же, Дасанг, на братьев своих Дондук Дашу и других нападал и улусы их забрал, нарушая постановленный между ими мир, того ради

губернатор Волынской представлял в Сенат и в Коллегию иностранных дел, чтоб Дасанга с улусами его для избежания вящщего их междоусобия и по беспутству его отдать на суд наместнику ханства Черен Дондуку, чтоб они поступили с ним, как хотят, предъявляя, что они, Черен Дондук и вся противная Дасангу партия, тем будут довольны, а в противном тому случае и без здешнего позволения могут его, Дасанга, разорить, а улусы его раскосовать, а после и сами, отчаясь, что они на то поступили без указа, принуждены будут искать другой протекции и чинить противности, объявляя, что ханша Дарма Бала и без того подговаривает калмыцких владельцев к отлучению от Волги к Хонтайши.

И на оное получил он, губернатор, из Коллегии иностранных дел два указа, первый — от 27 июня, а другой — от 10 июля 1725 года, чтоб старался он владельцев калмыцких примирить и от побегу отвратить добрым способом, а в противном тому случае поступал бы с ними и оружием и, ежели он за благо рассудит, то б и Дасанга, как он представлял, отдал на суд наместника ханства Черен Дондука.

И потому он, губернатор, призывал к городу Дмитриевску Черен Дондука, Дондук Дашу с другими его братьями, от Дасанга обиженными, которые приезжали туда в семи тысячах войска своего, и по объявлении им о том соглашаемось было с ними, каким образом сие над Дасангом в действо произвесть. Но Дасанг, о сем от калмык сведав и видя заведенные на Царицынскую линию войска, из которых следовали тогда к Дмитриевску три полка драгунских и две тысячи донских казаков, а сверх того случились в то же время проходом по линии и малороссийские войска, к крепости Святого Креста наряженные, да и калмыцких войск при Черен Дондуке и других было немало, к тому ж и мачеха его Даши Бирюнь с улусом своим в 2000 кибитках от него отстала и пришла к Камышенке и принята под охранение российских войск,— пришел от того в страх и для избавления своего от крайнего разорения принужден брата своего Нитар Доржу за вышеписанные многие его злодейства удавить, и сам приехал к губернатору Волынскому с раскаянием о разорении братьев своих, и, все вины возлагая на умерщвленного брата своего Нитар Доржу, предавался во всем в волю Ее Императорского Величества, и просил милосердия, представляя готовность забранные ими у Дондук Даши с братьями улусы их им возвратить и с ними примириться; почему губернатор Волынской его, Дасанга, на суд Черен-Дондуков уже не отдал, а склонял Черен Дондука и других, чтоб они примирились с ним, Дасангом, добрым порядком и удовольствовались отдачею забранных им у братьев его улусов, объявляя, что главного всем злодея Нитар Доржи в живых уже нет.

Сентября 20 числа губернатор Волынской, а при нем Дасанг и Петр Тайшин из города Дмитриевска переехали чрез Волгу на луговую сторону, где на берегу были поставлены палатки, в которых губернатор и прежде с Черен Дондуком съезжался, а при той ставке было драгун две роты, куда того ж числа приезжал и Черен Дондук с Дасанговыми братьями, а при них было зайсангов и калмык до тысячи человек вооруженных, причем Дасанг соглашался с обиженными

ими братьями своими о мире и об оставших[ся] после Чакдоржапа улусах. Обиженные требовали, чтоб оные разделить по новому Черен Дондуком, ханшею Дарма Балою и Дондук Омбы постановлению, а Дасанг напротив того представлял, чтоб то разделение учинено было по определению отца их Чакдоржапа с некоторою токмо прибавкою, но противная его сторона в том не согласилась, и наместник ханства Черен Дондук с прочими, желая больше, чтоб им с Дасангом оставлено было управиться по их воле, не окончав оного дела, оставили до другого съезда.

А в ночи с 21 против 22 числа получено было чрез доброжелательных калмык трех человек порознь одно известие, что 21 числа от Черен Дондука в калмыцкое войско отдан был приказ, чтоб все чистили ружья и точили стрелы, и готовились бы все войска итти за Черен Дондуком, когда он поедет в последние к губернатору Волынскому для отъема у него Дасанга и Петра Тайшина.

Почему 22 числа поутру рано перевезено было с горной на луговую сторону к губернаторской ставке еще пеших драгун 400 человек и от Волынского к Черен Дондуку послан был нарочный с представлением о получении известия о его намерении, и чтоб он, Черен Дондук, приезжал к нему для окончания их дела не со всеми войсками, но по-прежнему только в тысяче человек, на что посьшанному Черен Дондук сказал, что когда так, то и ехать ему незачем, и, осердясь на губернатора Волынского, того 22 сентября пошел возвратно и с калмыцкими войсками в свои улусы, которые были тогда на луговой стороне выше Астрахани.

По отъезде их губернатор Волынской возвратился в город Дмитриевск, куда приезжали к нему от владельцев первые их зайсанги, от Дасанга — Биллютка, от Петра Тайшина — Бюкюн Манжи, от хошоутовых: от Дондука — Арал Бай, от Лекбея — Аран Джамба и от вдовы Даши Бирюни — Замьянг, и имянем владельцев своих просили, чтоб их с улусами оставить до льду внутри Царицынской линии, представляя, что их калмыцкие междоусобия издавна продолжаются и пока владельцев их не убудет, то и мир их ничто, и для того они имеют намерение, когда реки льдом покроются, собрав все свои войска, итти на Черен-Дондукову сторону и владельцев их перевесть или своих потерять, чтоб улусы их были у кого-нибудь в одних руках; и когда им в том отказано, то просили, чтоб их перепустить для особливого их от прочих калмыцких улусов пребывания за реку Дон в соединение к дербетеву владельцу Четерю, куда и перепущены, и тогда их всех за Доном считалось с лишком 14000 кибиток. А при Волге оставалось при Черен Дондуке и других владельцах 20000 кибиток.

О перепуске калмыцких улусов за Дон губернатор Волынской от 27 сентября доносил Ее Величеству блаженные и вечнодостойные памяти Государыне Императрице Екатерине Алексеевне, также и в Коллегию иностранных дел, и что тем оный народ разделился надвое, как и желание было блаженные и вечнодостойные памяти Его Величества Государя Императора Петра Великого, представляя при том свое мнение, что ничто так не потребно

для обуздания калмыцкого неблагодарного народа, токмо чтоб они надвое разделены были, и хотя одни и пожелают куда отойти, то другая сторона с малою прибавкою российских войск могут их к тому не допустить.

А о том же писал он, Волынской, и к генералу-фельдмаршалу князю Михаилу Михайловичу Голицыну[33], который в ответ на то писал к нему, Волынскому, признавая из такого калмыцких улусов за Дон перепуска такое несходство, что калмыки могут оттуда бежать к Крыму, а между тем будут у них с донскими казаками происходить ссоры, как и от одного дербетева владельца Четеря с его улусом не без хлопот в том было, отчего калмыки равномерно злое намерение принять могут. Но на сие губернатор Волынской к нему генералу-фельдмаршалу во изъяснение писал, что Дасанг, будучи по поступкам противной ему партии оправдан и во всем удовольствован, к побегу причины не имеет, а если б похотел отойтить, то хотя б и за Волгою был, но в зимнее время дорога ему к тому всюду свободная, как и из-за Дону, а из-за Волги то ему учинить еще и удобнее, понеже калмыки по вся зимы кочуют между Волги и Дону даже до вершин реки Кубани и так близко с кубанцами живут, что скотские и лошадиные табуны калмыцкие с кубанцами один от других расстоянием только полдня езды конной ходят между собою, и по всему за полезное видится оставить их за Доном, ибо в бытность их там и воровства обыкновенного между ими и находящимися при Волге калмыцкими улусами меньше быть может, а что касается до ссор их с донскими казаками, то калмыки искони с казаками и ссорятся, и мирятся, а особливо казаки весьма умеют с ними в таких случаях поступать, как и из поступок дербетева владельца Четеря видеть можно, приводя при том о дербетях и такое обстоятельство, что когда они на Волге кочевали, тогда ни в котором другом улусе столько не было плутов и воров, сколько в Дербетях, в чем и владелец их был великий потатчик, а с Дасангом казаки, ежели умеренно будут поступать, хотя и своего не упуская, тем его, конечно, не отгонят.

В том же 1725 году ханша Дарма Бала всеми ее силами старалась все калмыцкие улусы от Волги отвести в Зенгорское владение, обнадеживая сына своего Черен Дондука, что хотя Хонтайши улусы прочих их калмыцких владельцев и раскосует по своим, но ее с детьми (то есть с ним, Черен Дондуком, и Галдан Данжином) оставит при собственных их улусах, только Шакур-лама и главные и первые по Аюке оставшие[ся] зайсанги Самтан и Яман по внушению и старательству губернатора Волынского и, имея в рассуждении Хонтайшин с Санжипом поступок, тому ее намерению воспротивились, и сына ее Черен Дондука, тогдашнего наместника ханства калмыцкого, в свою сторону склонили, и напоследок по многим у всех владельцев советам положено в зенгорский народ всеми улусами за предписанною опасностию от Волги не отходить, но Черен Дондука на Хонтайшиной дочери женить, и ту Хонтайшину дочь с войсками зенгорскими, которые могут при ней быть под претекстом провожания ее и приключить вред их торгоутским улусам или оные и силою к себе забрать, к Яику-реке не допускать, а принять у них ту Хонтайшину дочь на урочище Торгой и для того в настоящее время ехать туда Черен Дондуку с своими калмыцкими войсками, а напредь посылали до того урочища зайсангов Самтана и Дамрина разведывать о пути и нет ли тамо других каких народов и можно ли от того урочища проезжать посланцам их к Далай-ламе без опасения, и для того в конвой дано было им из лучших калмык две тысячи человек, каждый имея по три лошади, и те посыланные того 1725 лета проездили четыре месяца, а возвратясь, объявили, что до того урочища пустые степи и безводные и, хотя никаких народов нет, только слышно, что за Торгоем для многих тамо находящихся народов посланцам их к Далай-ламе проезжать невозможно, потом вскоре то их сватовство пресеклось смертию Хонтайши.

После оного Хонтайши остались два сына, рожденные от законных его жен, первый — Галдан Черен от дочери хошоутова владельца, называемой Гунге, другой — Лоузанг Шуно от дочери торгоутского хана Аюки, именуемой Сетерджап, и последний из них при смерти отца своего Хонтайши быть не случился, а производил тогда зенгорским войском над киргис-касаками поиски, а старший брат его Галдан Черен по смерти отца своего сделался главным зенгорским владельцем и тогда свою мачеху, а Лоузанг-Шуноеву мать Сетерджап и с двумя ее дочерьми сперва ослепил, а потом и убил, то ж хотел учинить и над братом своим Лоузанг Шуною. Но он, уведав о том, не возвращаяся в отечество, бежал из зенгорских войск на Волгу к тетке своей ханше Дарме Бале с 16 человек калмык своих и, тамо будучи, женился на Дондук-Омбиной дочери, именуемой Черен Балзанг, и в 1732 году умер бездетен.

1726 года владельцы Дондук Омбо и родной брат его Бокшурга и Бату Чакдоржапов с войсками своими, перешед реку Дон, нападали на хошоутова владельца Лекбея и улус его разорили и с собою забрали, токмо он, Лекбей, сам от них спасся бегом, да он же, Дондук Омбо, под казачьим городком Чирами взял казаков шесть человек, из которых двоих после отдал на окуп.

По его ж, Дондук-Омбину, приказу посыланные от него под Черный Яр сто человек его калмык поймали черноярцев — подьячего и еще двух человек, которых он, Дондук Омбо, по многим к нему посылкам не отдал, требуя, чтоб наперед освобождены были пойманные на действительном воровстве из его калмык два человека.

В том же 1726 году от стороны наместника ханства Черен Дондука, Дондук Омбы и других их партий владельцев на улусы, за Доном бывшие: Дасанга, Петра Тайшина, мачехи их Даши Бирюнь, хошоутова владельца Дондука и дербетева Четеря, чинены частые набеги для отгону скота посылкою партий, чем столько их обеспокоили, что наконец они, владельцы, все с своими улусами принуждены были им покориться и, перешед возвратно чрез Дон, отдаться в их волю и кочевать с ними при Волге. Причем уже и Чакдоржаповы дети ими примирены и улусами разделены по последнему Черен-Дондукову,

[33] Голицын Михаил Михайлович (1675—1736) — генерал-фельдмаршал.

матери его Дармы Балы и Дондук Омбы постановлению, о котором писано выше сего.

В том же 1726 году осенью в бытность калмыцких улусов на луговой стороне Волги приходили на них киргис-касацкие Средней орды Шемяки-хан, Барак-солтан, Меньшей орды Абулхаир-хан и Ишим-солтан в 10000 войска своего и, перешед чрез реку Яик, нападали между устей Яика и Волги на улус владельца Лубжи (Доржи Назарова сына), и оный разорили и людей, сколько могли застать, побили, а жен их и детей, и весь скот взяли в добычу и отправили от себя еще две партии, состоящие одну в тысяче, а другую в трехстах человеках, в морские косы для поиску прочих кроющихся от них калмыцких улусов, а сами с тою добычею помалу возвращались.

Тогда наместник ханства Черен Дондук, брат его Галдан Данжин, Шакур-лама и владельцы Доржи Назаров, Дондук Омбо, Дондук Даши и братья его с войсками своими в 20000 человек за киргис-касаками ходили в погоню по следам их, и сперва вышеписанные киргис-касацкие две партии, изъехав и загнав их в морские косы, всех побили и в воде потопили, а потом и всех киргис-касак догнали, не допустя до реки Яика, и в степи всеми силами атаковали, а киргис-касаки, видя калмыцкую превосходную силу, принуждены и на безводном месте остановиться и для защищения своего с четырех сторон обрываться землею и, перерезав верблюдов, лошадей и рогатый скот, окладываться наподобие вала, и от калмык отстреливались, а добычу свою, состоящую в людях и скоте, имели в средине своего стану. Калмыки же делали на них нападение с трех сторон, оставляя одну сторону к реке Яику пустую. А сие чинили в таком намерении, чтоб их, киргис-касак, допустить к ретираде и, тем вымана из укрепления, удобнее было на них напасть и по рукам разобрать, но они, киргис-касаки, хотя и на безводном месте были атакованы, однако ж, четверо суток будучи в осаде, от калмык отстреливались и, наконец, с калмыками помирились и словесно договорились на таких кондициях, чтоб их, киргис-касак, всех и с ружьем их отпустить, а забранных из калмыцких улусов жен, детей, имение и скот возвратить к калмыкам, а при том и из собственных лошадей киргис-касакам оставить для каждого человека только по одной, а лишних отдать им же, калмыкам, а впредь на них, калмык, нападений и воровских набегов не чинить и мир содержать чрез столько лет, как в то время родившийся младенец придет в возраст и в состоянии будет на лошади ездить и сайдаком владеть. В чем и присягали с калмыцкой стороны наместник ханства Черен Дондук, владельцы Доржи Назаров, Дондук Омбо и Галдан Данжин, а с киргис-касацкой стороны Шемяки, Абулхаир ханы, Барак и Ишим солтаны, а сверх того калмыки взяли от киргис-касак и аманатов шестьдесят человек, между которыми были знатные их старшины: Эшеть Батырь, Букенбар Батырь и другие.

Но ежели б калмыки по прошествии четырех суток еще киргис-касак в осаде суток двое продержали, то б и совсем их по рукам разобрать могли, но до того прочих калмыцких владельцев советами и прошениями своими не допустили Доржи Назаров и дети его для того, что из бывших внутри киргис-

касацкого стана калмыцких малолетних детей много померло, а из знатных калмыцких жен киргис-касаки несколько перерезали и тела их к калмыкам выбрасывали, чтоб они, видя такую их киргис-касацкую злость, осаду оставили, почему и принуждены владельцы калмыцкие с ними на вышеписанном договоре помириться.

При сем случае надлежит приметить калмыцкое обыкновение, что они по причине опасности своей от соседних им лехких народов[33а], то есть кубанцев и киргис-касак, по край своих улусов содержат заставы и, когда получат известие о приближении к ним неприятеля, то на встречу того неприятеля с войсками своими никогда не выходят, но каждый улус, спасая себя, бежит вдаль, и как верблюды с вьюками ведены, так и стада конские и скотские гонимы бывают калмычками и малолетними детьми, а сами калмыки на лучших лошадях и вооруженные следуют позади своих улусов для отпору от неприятеля. А на встречу неприятеля не выходят для того, что как с обеих около их сторон весьма пространные степи, то в случае выхода их войск на встречу неприятеля могут с оным разойтиться, а неприятель, пришед на их улусы без них, большее оным разорение приключа, и в возвратный свой поход калмыцкое войско миновать и в свою сторону с добычею уйти может. А когда неприятель с добычею или без добычи от их улусов назад возвращается, и тогда калмыки собирают свои войска и ходят за неприятелем по следам их и, догнав их, с ними дерутся с лучшим успехом, потому что неприятели как сами, так и лошади бывают от похода уже утомленные, а за калмыками из их улусов время от времени войска их прибывают, как они поступили и при вышеозначенном случае с киргис-касаками.

В 1726 году крещеный владелец Петр Тайшин чрез посланца своего здесь просил о строении городка близ Астрахани и о крещении других калмыцких владельцев подданных, и чтоб им быть при нем, Петре Тайшине. Но на то к нему от покойного канцлера графа Гаврила Ивановича Головкина писано, что вскоре решения о том учинить невозможно за неполучением от него, Петра Тайшина, известия, где он по переходе чрез Дон к Волге подлинно кочевать будет.

В 1727 году калмыки, соединясь с турецким бунтовщиком, бывшим на Кубани сераскером Бактагирей Дели-солтаном, партиями почасту набегали на Кубань и Крым, и при Бактагирее всегда неотлучно по нескольку их калмык в степи жили и чинили как оные, так и прочие калмыки кубанским и крымским жителям великие разорения. По сей причине от турецкого двора чрез здешнего в Константинополе бывшего резидента (что ныне действительный тайный

[33а] Лехкой народ — кочевой народ. (*Примеч. ред.*)

советник) Ивана Ивановича Неплюева[34] произведены именем самого султана на них, калмык, жалобы и великие выговоры, а именно, что Бактагирей Дели-солтан в землях российских находится, и, соединясь с калмыками, чинят набегами разорение в области Оттоманской империи, за которыми татары ездили неоднократно, но оные уходят в российские земли, а далее границ им, татарам, ездить указом султанским запрещено, и что сие уже несносно татарам чинится, и хан крымский их, татар, больше воздерживать не может. И от несносного им, татарам, разорения принуждены они будут за калмыками вслед и за границу ездить, где их постигнуть могут. И тако Порта не токмо на сие скорой резолюции требовала, но внушала с угрозами, что дастся позволение татарам нападения в российские границы чинить и чтоб оного Бактагирея велеть поймать или убить, о чем и в 1728 году чрез того же резидента наисильнейшее требование от Порты было учинено.

С того ж 1727 года калмыки по Волге российских жителей и проезжих нагло разбивали, грабили, били и в полон брали, и за тем проезжие с нуждою спасались, они ж у Царицына и выше того города между донских казачьих городков и российских деревень, также и около Черемшанских форпостов и тамошних пригородков Алексеевска, Сергиевска и прочих, разъезжая многолюдными партиями, то ж чинили и как из оных мест, так и от Яицкого казачьего городка конские и скотские стада отгоняли, что происходило попущением владельцев, а паче Дондук Омбы. И так только через два года, то есть 1727 и 1728 годов, калмыками у россиян (сколько возможно было письменного известия собрать) деньгами, товарами, вещами и платьем пограблено на 34446 рублев да угнано лошадей и рогатой скотины 2168, да людей в полон взятых 17 и побито до смерти 15 человек. И хотя к наместнику ханства Черен Дондуку о всем том писано грамотами и письмами канцелярскими и требовано о пресечении воровства в российских жилищах и в турецкой области, по Черен Дондук калмык унять от того не мог, а в ответ на оное писал, что то они чинили без его ведома.

И для того в том же 1727 году по определению Верховного тайного совета от Царицына и за Саратов при Волге по нагорной стороне каждого лета стояло на форпостах по 900 человек казаков, в том числе 300 из волжских городов, 300 из донских и 300 из слободских полков на особливом жаловании.

Того же 1727 года в летнее время подполковник Беклемишев по ордеру от покойного генерала-фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына с означенным Бактагиреем-солтаном между городов Царицына и Черного Яру на берегу Волги, на нагорной стороне, при посредствии калмыцких владельцев Бату и Дондук Даши виделся и призывал его, Бактагирея, под российскую

[34] Неплюев Иван Иванович (1693—1773) — в 1721 г. посол в Константинополе, потом наместник Оренбургского края. Активный проводник колонизаторской политики русского царизма. Организовал подавление башкирского восстания 1755—1757 гг. В 1760 г. назначен сенатором.

протекцию с тем, что, как скоро время будет, тогда б его, Бактагирея, с калмыками послать на Кубань и на Крым, и, где потребно и они пожелают, российскими войсками им вспомогаемо будет, и приложится старание его, Бактагирея,— восставить в прежнее его состояние и возвратить ему юрты его, а между тем позволится ему жить в калмыцких улусах и давано будет ему жалованье и всякое довольствие показывано, только б он сперва для соглашения о том съездил к генералу-фельдмаршалу князю Михайлу Михайловичу Голицыну, но он, Бактагирей, ко вступлению в российский город склонности не показал, да и калмыки того не желали, имея намерение, чтобы Бактагирею жить при них и обще с ним ходить на Кубань для воровства, а паче помешательством в том был Дондук Омбо, а к поимке и убивству оного Бактагирея он, Беклемишев, способу не сыскал.

Потом получены здесь от подполковника Беклемишева известия, да и сам наместник ханства Черен Дондук сюда писал, что они, калмыцкие владельцы, намерены все итти на Кубань для забрания к себе джетысан и джембуйлук. Почему еще отправлены грамоты к наместнику ханства Черен Дондуку, также к матери его Дарме Бале, владельцу Дорже Назарову и к Шакур-ламе, дабы они от того предпринятого намерения к походу на Кубань весьма удержались, объявляя им, что такое их намерение не токмо противно, но может чрез то учиниться повреждение имеющемуся между Россиею и Турциею вечному миру и им самим от того великая опасность и разорение, и притом им подтверждено, чтоб они и на отбирание джетысан и джембуйлук собою отнюдь не поступали и никаких обид кубанцам и крымцам и другим подданным турецким не чинили, и к Бактагирею Дели-солтану не приставали, и в намерениях его не вспомогали, о чем им, владельцам, и другими грамотами подтверждено.

1728 года генваря 17 дня по определению Верховного тайного совета указом астраханскому губернатору Менгдену предписано, чтоб в городах и селах, по Волге лежащих, астраханским татарам и яицким казакам под смертным страхом запретить калмыкам отнюдь не продавать и безденежно не ссужать и ни под каким видом не давать, как пред тем от некоторых из россиян произошло, ружья, пороху, свинцу, стали, меди и железа во всякой работе, какого б звания ни было, кроме одних чугунных котлов, и в жалованье им, калмыкам, того всего, хотя напредь сего и давано, не давать же, объявляя им, что удержано сие за то, что они, калмыки, получая, то употребляют на подданных российских, приходя в жилища их для воровства, они ж за запретительными указами ходят на Кубань и на другие турецкой области места.

По тому ж Верховного тайного совета определению с 1728 года для прикрытия российских жилищ от таких калмыцких воровских набегов сверх сухопутных форпостов учреждены были от Астрахани до Саратова в каждом городе по 20 лодок распшивных, в которых по Волге разъезд имели солдаты из полков Астраханского гарнизона. И которые воровские калмыки сухопутными форпостами и водяными разъездами были пойманы, оными розыскивано,

а некоторые из них за убийство и повешены. И те калмыцкие воровские набеги продолжались, и форпосты содержаны до их калмыцкого междоусобия, учинившегося в ноябре 1731 года.

По выпписанному ж Верховного тайного совета определению отправлены в калмыцкие улусы полковник (что потом был действительный тайный советник) Иван Иванович Бахметев да на Дон генерал-майор Тараканов, которым поручено: первому Бахметеву: калмык от походу на Кубань удержать, а Бактагирея Дели-солтана призывать в здешнюю протекцию с выпписанным обнадеживанием, а ежели наместник ханства скажет, что они, калмыки, действительно оное их намерение учинить хотят и на Кубань пойдут,— и полковнику Бахметеву говорить ему, наместнику ханства, что в таком случае велено против их употребить приготовленные для того войска, а именно бывшие в тамошней стороне драгунские полки и всех донских казаков, и от того походу их удерживать и за Волгу не перепустить, и для того оные войска расставить по Волге, о чем о всем и грамоты к наместнику ханства Черен Дондуку и другим владельцам отсюда были посланы.

Другому, Тараканову: чрез донского войскового атамана Лопатина стараться Бактагирея поймать или убить (о сем последнем обстоятельстве желание было турецкого двора) и голову его, отсекши, привезти, а здешнее намерение в том больше состояло, чтоб его, Бактагирея, поймав, содержать во всяком довольствии, и тем покой обоюдных подданных утвердить, обещая притом, кто его, Бактагирея, поймает или убьет — до 5000 рублев, и употребляя к тому верных и надежных людей, чтобы секрет о сем пронесен не был, и от оного генерал-майора Тараканова по совету донского атамана Лопатина посланы были из Черкаска для убийства Бактагирея три человека калмык, которым и денег в числе 5000 рублев несколько дано было вперед. Но оные, приехав к нему, Бактагирею, весь секрет сами ему объявили; и он, их подаря, от себя отпустил.

По тому ж определению Верховного тайного совета в указе к подполковнику Беклемишеву писано, что, по-видимому, меж калмык паче всех враг и злодей и противник — Дондук Омбо, и подобен он бывшему возмутителю Нитар Дорже, и для того ему, Беклемишеву, стараться и изыскивать такого способа, как бы того злодея Дондук Омбу убить, обнадеживая, кто учинит сие, награждение, не жалея денег, как и помянутый Нитар промыслом губернатора Волынского изведен, ибо когда б можно было его, Дондук Омбу, достать и умертвить, то б и другие владельцы, видя сие, спокойнее и послушнее были, да и Бактагирей бы от них, калмык, отстал.

Но подполковник Беклемишев к изведению Дондук Омбы способов не нашел. Черен же Дондук и все прочие калмыцкие владельцы со всеми своими силами еще до приезда полковника Бахметева в Царицын ходили на Кубань и тамо Бактагирея Дели-солтана восставили по-прежнему сераскером, токмо до приходу его, Бактагирея, с войсками калмыцкими на Кубань, турки успели ногайцев, джетысан и джембуйлук чрез Крым перевесть в том же 1728 году в Белогородскую орду, дабы их калмыки не взяли к себе по-прежнему на Волгу или б они и собою к ним не ушли.

В то ж время калмыки приняли к себе другого турецкого бунтовщика Джан Темиря Ширинбея Аджи, который в Крыму по хане был первым.

Полковник Бахметев и подполковник Беклемишев по возвращении калмыцких войск с Кубани наместнику ханства Черен Дондуку и матери его Дарме Бале, при сыне ж ее Галдан Данжине и при Дондук Даше, и при Хонтайшине сыне Лоузанг Шуно, и оному Дондук Даше особливо, и зайсангам Ямапу и Самтапу, и Шакур-ламе — о Бактагирее и о Джан Темире, чтоб они к себе их не принимали и согласия с ними никакого не имели и не ходили б в области Оттоманской Порты, предлагали, причем и о милостях Императорских Величеств, показанных к их народу и к нему, наместнику, объявляли и под рукою угрin?живали их российскими войсками и в страх приводили, но от них в ответ слышали, что ежели б они, калмыки, согласясь, ходили войною в российские жилища, и в том бы весьма были винны, и что и прежде их владельцы на Кубань хаживали, и за то на них гнева императорского не было. И сколько они, Бахметев и Беклемишев, ни старались, чтоб того Джан Темиря калмыки отдали в российскую сторону или от себя отослали прочь, и сами они, Бахметев и Беклемишев, с Джан Темирем разговаривали и к нему подсылали, только того ничего одержать не могли, а поймать и у себя удержать его, Джан Темиря, им, Бахметеву и Беклемишеву, будучи в калмыцких улусах в малолюдствии, было невозможно. И приметили они, что наместника ханства Калмыцкого Черен Дондука можно б склонить ко всякому добру, но все те противности чинятся фракциею матери его Дармы Балы и владельца Дондук Омбы, который по письму к нему от реченной ханши Дармы Балы (в котором она писала, что зайсанг его Зундуй к нему недоброжелателен, но ищет живота его) он, Дондук Омбо, означенного зайсанга своего и с двумя сыновьями его Сагою и Харцагою и мужеска полу детей их малолетних до последнего младенца пред собою умертвил, а третий его ж Зундуев сын Зунтар бегал и скрывался по разным улусам, а тот зайсанг Зундуй у него был первый и во всех улусах весьма знатный.

От 29 августа они, Бахметев и Беклемишев, в Коллегию иностранных дел доношением своим представляли, что Шакур-лама июня 28 дня им, Бахметеву и Беклемишеву, вызвался, что которые из владельцев их впредь будут указам не послушны, то из них некоторых можно и войсками унять, объявляя, что без того вовсе не уставятся. Итак, по выпписанным обстоятельствам они, Бахметев и Беклемишев, мнение свое представляли, что не худо противника Дондук Омбу смирить оружием, и хотя бы над ним над самим по случаю чего [и] не учинилось, а улус бы его был разорен, то уже одному ему делать будет нечего, но принужден будет скитаться так же, как Бактагирей и Джан Темирь, или просить прежней протекции, да и другим бы всем владельцам был от того действительный страх, и нужда бы ему была противные свои замыслы отменить; а без того, сколько как ни трудиться, то добра из него надеяться не можно, а единолично над ним ни за какие деньги ничего учинить невозможно, ибо содержит себя в великой предосторожности.

Они ж, Бахметев и Беклемишев, в Коллегию доносили ноября от 7, от 25

да от 28 чисел, что по известию из разных мест о согласии Дондук Омбы и зятя его, а дербетева владельца Четерева сына Гунги с Бактагиреем Дели-солтаном к нападению на донские казачьи городки, он же, Дондук Омбо, ищет, чтоб принят был в турецкое подданство и кочевать бы ему в турецкой области, и чаятельно, что сие намерение есть к нападению сперва на казачьи, а потом на малороссийские городы, и такожде не оставят и на реке Волге ниже Царицына воровать, и есть опасность, дабы он, Дондук Омбо, и весь калмыцкий народ не склонил к принятию турецкой протекции. И для сих опасностей писали они, Бахметев и Беклемишев, к генералу-фельдмаршалу князю Голицыну, предлагая свое мнение, что потребно ниже Царицынской линии по донским казачьим городкам умножить войска, которыми б будущею весною (ежели зимою ничего не сделают) улус означенного Дондук Омбы разорить, почему от оного генерала-фельдмаршала и расставлены были по Дону драгунских два полка и нарочно приготовленные донские казаки 2000 человек.

Того ж 1728 года ноября 15 числа калмыцкий зенгорский владелец Даши Батур Тайджи с детьми и с улусными своими калмыки в 280 кибитках бежал с Дону от Черкаска к Азову, а оттуда на Кубань, а чрез некоторое время возвратился по-прежнему на Волгу в калмыцкие улусы.

Полковник Бахметев и подполковник Беклемишев от 14 декабря в Коллегию доносили, что калмыцкие владельцы имели совет, что им с россиянами воеваться или нет, и ханша Дарма Бала воеваться им запрещала и положила, что жить им по-прежнему, только владельцам Дондук Омбе и зятю его Гунга Доржи итти на Дон и от Черкаска забрать всех калмык.

1729 года февраля 3 дня в Верховном тайном совете по представлению Коллегии иностранных дел и по слушании ведомостей о калмыцких противных замыслах, а особливо владельца Дондук Омбы и зятя его, а Четерева сына Гунги, к нападению на донские казачьи городки и что Дондук Омбо искал быть в турецком подданстве, и по довольном рассуждении определено: понеже владелец Дондук Омбо давно уже был указам императорским не послушен и во всем противен и по многим увещаниям от противностей не престал и, посылая калмык многажды на российские жилища, разорения чинил и, людей побрав и скот отгоняя, не отдавал и других владельцев к таким же противностям всегда склонял и подущал, а особливо, что напоследи открылось, противное его намерение и умысел на донские городы нападение учинить и быть в турецком подданстве и имел всегда пересылку с Бактагиреем и азовским пашою,— сего ради потребно, упреждая то зло, сделать, чтоб того противника Дондук Омбу каким способом убить или умертвить и тем прочих калмыцких владельцев в страх и в послушание привесть. Ежели же такого способа, что его, Дондук Омбу, одного убить или умертвить, сыскать не можно, то, послав войска, улус его весь разорить, как и Шакур-лама советовал, чтоб его войска унять, и то поручить генералу-фельдмаршалу князю Голицыну, о чем к нему и указ послан.

Между тем оный генерал-фельдмаршал от 4 апреля доносил, что, по его мнению, владельца Дондук Омбу весьма надобно искоренить, употребя для того войск регулярных 2000 человек и столько же донских казаков и сверх того определенных при калмыцких делах казаков же 900 человек с обещанием денежной платы, приготовя оные войска у Петровска или у Саратова, где удобнее и безопаснее, хотя и на луговой стороне.

В Верховном тайном совете 2 майя того ж 1729 года по полученным ведомостям, что калмыцкие улусы для летования перешли с нагорной на луговую Волги-реки сторону, решено оному генералу-фельдмаршалу по означенным ведомостям регулярных двух полков за Волгу на луговую сторону не посылать, а велеть им стоять при Царицынской линии или в ином пристойном месте, разве бы те ведомости отменились, в каковом случае поступать ему, генералу-фельдмаршалу, по данным ему указам и по своему рассмотрению, не описываясь, и о том к нему указ послан.

По восстановлении калмыцкими владельцами крымского противника Бактагирея Дели-солтана по-прежнему кубанским сераскером оный Бактагирей, имея при себе кабардинского кашкатовского владельца Арсланбека Кайтукина, в 1729 году со всею кубанскою силою ходил под Кабарду на баксанских владельцев, которые, свои домы и скот убрав в горы, сами с войсками своими при горах в тесном между речек месте ожидали Бактагирея и тут с ним учинили бой, и его самого со многими убили, и кубанское его войско разбили, отчего и Арсланбек принужден был бежать на Кубань.

А в том же 1729 году тогдашний хан крымский писал к генералу-фельдмаршалу князю Михайлу Михайловичу Голицыну, требуя, дабы бывшего в калмыцких улусах другого турецкого бунтовщика Джан Темиря и с людьми его поймать и отдать или убить, а напротив того он, хан крымский, с своей стороны уступит забранных калмыками людей и скот. И он, генерал-фельдмаршал, поручил искать способов того Джан Темиря во удовольствие Порты Оттоманской поймать или убить полковнику Бахметеву и подполковнику Беклемишеву, а ежели они удобных к тому мер сыскать не могут, то б видеться им с Черен Дондуком и о той турецкой на них претензии объявить и при том требовать у него секретно отдачи помянутого Джан Темиря, а последнее объявить, чтоб его, Джан Темиря, у себя отнюдь не держали, а выбили вон, что все и грамотою от 11 ноября того ж 1729 года отсюда к наместнику ханства Черен Дондуку было подтверждено.

И хотя оный Джан Темирь и в собственных Черен-Дондуковых улусах жил, однако ж он его, Джан Темиря, не выдал и из улусов своих не выслал, а принужден потом хан крымский вызвать его, Джан Темиря, к себе по-прежнему в Крым на пороль.[34а]

[34а] Вызвать... на пороль — вызвать, гарантируя ему жизнь, поручившись за нее. (*Примеч. ред.*)

В том же 1729 году присыланы в Москву посланцы от наместника ханства Черен Дондука, от Шакур-ламы и от владельцев Доржи Назарова и Дондук Омбы, чрез которых просили они: Черен Дондук — об отпуске посланцев его к Далай-ламе для отвозу туда пеплу отца его Аюки-хана; Шакур-лама и Доржи Назаров — о позволении самим им туда ехать; Дондук Омбо, донося, якобы, о чинимых от него к Российскому государству противностях донесено на него неправедно, просил, чтоб о том повелено было кому-нибудь у него выслушать и оставить его без сумнения.

И по тем их прошениям и по определениям Коллегии иностранных дел отправлены к ним от покойного канцлера графа Гаврила Ивановича Головкина письма, и во оных к ним писано.

К наместнику ханства Черен Дондуку: о данном ему позволении отправить посланцев его чрез Сибирь к Далай-ламе и что о даче им подвод и кормовых денег с возвратом в надлежащие места указы посланы.

К Шакур-ламе: со объявлением указа императорского, что как он по доброжелательству его к калмыцкому народу для содержания оного, да и самих владельцев в добром порядке при всяких случаях потребен, и для того б он, Шакур-лама, от такого намерения своего удержался, к Далай-ламе не ездил и из калмыцких улусов никуда не отлучался, к Далай-ламе же может он, Шакур-лама, отправить от себя кого другого, и при том для такой посылки на иждивение послано к нему, Шакур-ламе, жалованья 200 червонных.

К Дорже Назарову: что ему самому к Далай-ламе ехать позволяется, и о даче ему подвод и проводников в надлежащие места указы посланы, но при том ему дано знать, что понеже сын его Лубжа с калмыцким войском за многими отсюда запрещениями в 1728 году с турецким бунтовщиком Бактагиреем ходил на Кубань, и для того б он, Доржи Назаров, детям своим при отъезде его из калмыцких улусов дал наставление, чтоб они впредь таких противных поступок не чинили.

К Дондук Омбе: что указом Ее Императорского Величества велено с ним видеться полковнику Бахметеву и подполковнику Беклемишеву и по прошению его оправдание у него выслушать, и о том с ним пространнее говорить и сюда доносить.

А Бахметеву и Беклемишеву указом велено съехаться для того с ним, Дондук Омбою, в пристойном месте, причем, ежели они в самом деле усмотрят его, Дондук-Омбино, от противностей отвращение и склонность к верности и даст он в том по своему закону обещание, в таком бы случае обнадежили его, якобы от себя, прощением во всех его преступлениях.

И потому в декабре месяце 1729 года отправлены были чрез Саратов, Казань и Сибирь к Далай-ламе посланцами: от ханши Дармы Балы — Намки Гелен; от Черен Дондука — Батур Омбо; от Шакур-ламы — Балдан Габцу; от Доржи Назарова — Шарап Данжин; от Дасанга — Лоузанг Норбу Гелен; от Дондук Даши — Инши Цой Гелен; а всех 40 человек.

С теми посланцами отпущено было за границу товаров по цене до трех тысяч рублев беспошлинно.

А от Дондук Омбо посланцев при том не отправлено, затем что он в то время со всеми вышеписанными владельцами был в несогласии, да и Доржи Назаров сам, хотя и позволение имел, не поехал, а остался до смерти своей в калмыцких улусах.

По отправлении тех посланцев полковник Бахметев, получа отзывной ордер от генерала-фельдмаршала князя Михайла Михайловича Голицына, возвратился в Москву.

Дондук же Омбо для представления своего оправдания к подполковнику Беклемишеву не отзывался и к себе его не призывал, а без того Беклемишев к нему ехать опасался, чтоб он чего с ним противного не учинил, ибо и посыланных от него с письмами его зайсанговыми делами[35] по немалому времени держивал у себя под караулом.

С вышеписанными калмыцкими посланцами, к Далай-ламе отправленными, из Тобольска от сибирского губернатора тайного советника Плещеева посланы были в приставах дворянин и толмач, которым от него, губернатора, приказано было ехать с теми посланцами до Далай-ламы, но посланцы, доехав на границу китайскую, с собою их далее не взяли и с границы возвратили, а сами поехали в Пекин.

В 1730 году наместник ханства Черен Дондук и мать его Дарма Бала присланными сюда листами своими просили, чтоб калмык их для крещения в российские городы не принимать. И на то им письмами канцелярскими ответствовано, что о сем в шертовальных записях в 1677 и 1684 годах, которые учинены на съездах с ханом Аюкою и с прочими калмыцкими владельцами, написано: которые калмыки по своим желательствам похотят в православную христианскую веру креститься, и тех им, владельцам и улусным их людям, не просить и Императорскому Величеству не бить челом.

В том же 1730 году бывший при Петре Тайшине иеромонах Никодим Ленкеевич доносил, что он, Петр Тайшин, о подчиненных своих крещеных калмыках не точию[35а] старания не имел, но и малых их детей крестить отвращал и, хотя и он сам святое крещение принял, однако ж больше с своими попами, нежели с православными имел сообщение, а когда получал жалованье, то из оного раздавал некрещеным калмыкам и попам моления ради идолам.

1731 года генваря 13 дня прибыл в Москву китайский посол Асхани Амба Тунн, имея при себе двух товарищей из манжур да двух мунгальских начальников. С ними же прибыл другой китайский посол, отправленный к калмыцким владельцам, мерен зангин Мандай с одним товарищем из манжур и двумя начальниками мунгальскими.

Они все девятеро были на публичной аудиенции у Ее Величества блажен-

[35] Так в подлиннике.

[35а] Не точию — не только. (*Примеч. ред.*)

ные памяти Государыни Императрицы Анны Иоанновны того ж генваря 26 числа.

А потом о делах, им порученных, выслушали у них, будучи в Сенатском парламенте, здешние министры: граф Гаврила Иванович Головкин, граф Остерман[36], граф Павел Иванович Ягужинской[37], князь Алексей Михайлович Черкаской[38] и господин тайный советник Степанов. Причем главный посол Асхани Амба Туши, показывая подле себя сидящего мерен зангина Мандая, представлял, что оный отправлен от их богдохана с указом и с жалованием к наследнику Аюки-хана торгоутского для требования, чтобы он с своей стороны на зенгорских калмык чинил поиски и для вызову в их китайскую армию Хонтайшина сына, а настоящего тогда зенгорского владельца Галдан Череня, брата Лоузанг Шуна, и о немедленном оного туда отправлении просил усильно, объявляя, что он возвращения их будет ожидать в Тобольске, дабы ко двору своему возвратиться им вместе.

На что здешние министры ему сказали, что торгоутский народ издревле находится в действительном подданстве Ее Императорского Величества и что без указу Ее Величества на требование их поступить не может, и для того и посольства к ним отправлять не для чего. Но китайский посол говорил, что при их китайском дворе о подданстве торгоутского народа Российской империи известия не было, и притом ссылался на продолжающуюся между российского и китайского дворов дружбу[и] о позволении на отправление в улусы калмыцкие того их посольства усильно домогался, почему министры сняли на доношение Ее Императорскому Величеству[39].

А при другой конференции отправить им вышеписанного их посла в калмыцкие улусы позволено.

В бытность сего китайского посольства в Москве здешним министерством принято сумнение, что не имели [ль] они от богдохана указа — наместника ханства Черен Дондука объявить ханом калмыцким, и для того февраля 17-го дня по именному Ее Императорского Величества указу, записанному в Коллегии иностранных дел за рукою покойного канцлера графа Головкина, оный наместник ханства Черен Дондук пожалован в ханы калмыцкие, и велено для объявления его ханом послать из Москвы нарочную персону, а ему, Черен Дондуку, дать в знак ханства саблю, панцирь да шубу соболью, покрыв золотною парчою, и шапку соболью, и объявительные грамоты как к нему, Черен Дондуку, к матери его и к Шакур-ламе, так и к прочим владельцам, а на ханство ему дать и особую грамоту.

---

[36] Остерман Андрей Иванович (1686—1747) — граф, дипломат, имел большое влияние на внешние сношения России. После дворцового переворота в 1741 г. был сослан в Березов, где и умер.

[37] Ягужинский Павел Иванович (1683—1736) — граф, один из видных деятелей времен Петра I.

[38] Черкасский Алексей Михайлович (1680—1742) — князь.

[39] Так в подлиннике.

И потому отправлен был отсюда в калмыцкие улусы господин генерал-майор Иван Измайлов, который тогда ж определен был в Астрахань губернатором, и с оным посланы вышеозначенные грамоты и на ханство Черен Дондуку знаки, а именно: сабля оправная, панцирь с наручи и с прочим убором, да шуба и шапка соболья, покрытые парчою, и на дачу Черен-Дондуковой матери Дарме Бале 100 червонных, два меха лисьи и на покрышку парчи золотной 13 аршин, Шакур-ламе 100 ж червонных, сукна шесть аршин и 2 меха лисьи, да на другие тамошние расходы дано ему, губернатору, 300 червонных.

С 1 числа марта дана ему инструкция, апробованная в Сенате, которою велено ему ехать немедленно в калмыцкие улусы и, взяв с собою подполковника Беклемишева, объявить Черен Дондука ханом и привесть его к присяге, склоняя его к принятию того добрым способом и стараяся, чтоб при том случае были Шакур-лама и из владельцев, которые вблизости кочуют, и знатные зайсанги, а хотя бы вблизости при нем, Черен Дондуке, владельцев и не случилось, а он, Черен Дондук, присягу подпишет, то однако ж тот чин ханства ему объявить и посланные с ним грамоты и знаки ханства отдать, а потом и к владельцам грамоты разослать.

Измайлов, имея при себе подполковника Беклемишева, виделся с Черен Дондуком против Дмитриевска за Волгою на луговой стороне и объявил его ханом 1 числа майя при Шакур-ламе и при знатных зайсангах, взяв при том у него, Черен Дондука, присягу, и отдал ему грамоты и знаки на ханство, а к матери его и к другим владельцам о том грамоты разослал.

Присяга же у хана Черен Дондука взята им, Измайловым, по сочиненной здесь форме и состояла в том, чтоб ему, хану Черен Дондуку, служить Ее Императорскому Величеству и высоким Ее Величества наследникам верно, и все по Ее Императорского Величества указам исполнять и все то содержать, что отец его Аюка-хан при учинении присяги своей обещал.

18 того ж майя имянным указом, в Коллегии иностранных дел за рукою канцлера и вице-канцлера записанным, подполковник Беклемишев за долговременное его при калмыцких делах бытие и показанные службы, а особливо при объявлении Черен Дондука ханом, пожалован в полковники.

При сем приметить надлежит, что 1724 года бывший тогда астраханский губернатор Волынской по получении в Москве из Коллегии иностранных дел инструкции о объявлении калмыцким ханом владельца Доржу Назарова представил оной Коллегии 13 майя доношением, что не соизволено ль будет от Его Императорского Величества пожаловать тому новому хану саблю, панцирь с паручами и с прочим прибором и щит, дабы сие калмыки почитали во знак ханства, и, может быть, у них в обычай сие со временем войдет, что кому того не будет дано, тот за прямого хана не примется. И на оное в указе из Коллегии иностранных дел к нему, Волынскому, между другим, дано знать, что Его Императорское Величество Государь Петр Великий, будучи в доме князя Меншикова майя 22 дня, указал для дачи оному новому хану, взяв из оружейной палаты, послать саблю, панцирь с наручами да ерихонку или из

лучших мисюрку[39а] ,дабы сие калмыки во знак к нему Его Императорского Величества милости почитали, и впредь бы то им в обычай со временем приттить могло.

И хотя такие на ханство знаки и действительно к губернатору Волынскому были присланы, но понеже Дoржи Назаров от ханства отрекся, а Черен Дондуку, яко без указу наместником ханства им, Волынским, объявленному, тех знаков дать он не мог и для того отослал оные возвратно в Москву.

Между тем помянутый китайский посол мерен зангин Мандай с товарищи из Москвы отпущен в калмыцкие улусы, а для препровождения его послан секретарь, что ныне статский советник Василий Бакунин, который его и возвратно провожал до Тобольска, а по соединении его с первым послом Асхани Амба Туши и обоих их препровождал далее чрез Сибирь, пока встретил едущее к здешнему ж императорскому двору другое китайское посольство, которое препроводил до Санкт-Петербурга.

Ему, Бакунину, при отправлении с означенным китайским послом Мандаем в калмыцкие улусы того ж марта 4 числа дана инструкция, которою предписано было везти того посла весьма медленно, дая тем время генерал-майору Измайлову в улусы калмыцкие доехать и Черен Дондука объявить ханом, почему тот посол и привезен туда уже по объявлении Черен Дондука ханом.

И понеже хан Черен Дондук оному послу на его представление такой дал ответ, что он войск своих на зенгорцев послать без указу Ее Императорского Величества не может, да и Хонтайшин сын Лоузанг Шуно, хотя в армию китайскую и с охотою ехать желал, но также без воли Ее Императорского Величества на то поступить и с послом согласиться не мог, о чем он, хан Черен Дондук, и к Ее Императорскому Величеству доношение свое отправил, приложа при том и копию с ответного от себя листа к богдохану, оному китайскому послу данного, которые, хотя им, Бакуниным, на российский язык уже и переведены, однако ж он, Бакунин, по возвращении китайского посла из улусов калмыцких в Саратов, известяся в одно время, что оный посол не обослався с ним, будет к нему, Бакунину, в квартиру, нарочно оное Черен-Дондуково доношение и с копиею положил пред собою на стол, якобы только еще тогда их переводил.

Сие он учинил в таком намерении, чтоб оный посол их видел и о подданстве торгоутского народа Ее Императорскому Величеству совершенно уверился, в чем и не ошибся, ибо оный посол, видя на тех письмах хана Черен Дондука печать, просил его, Бакунина, что ежели можно, то б дозволил бывшему тогда при нем, после, мунгальскому начальнику прочесть их по-манжурски; по прочтении же по дозволению Бакунина с доношения Черен-Дондукова списали они себе и копию мунгальским языком, о чем он, Бакунин, тогда ж доносил в Коллегию.

[39а] Ерихонка, мисюрка — виды древнерусских железных шлемов. (*Примеч. ред.*)

В том же 1731 году получено здесь известие из Персии и от губернатора астраханского Измайлова, что Черен Дондук и владелец Петр Тайшин посылали от себя к персицкому шаху Тахмасибу с поздравлением и для получения от него, шаха, награждения посланцами бухаренина, именуемого Дастака, и четырех человек калмык и что у него, Черен Дондука, и у матери его Дармы Балы был того года зимою турецкий посол, с которым они посылали напротив того и своего посланца, да они ж посылали на Кубань на помощь Бактагирееву сыну трех зайсангов и 1000 человек войска.

Астраханский же губернатор Измайлов от 6 маiя доносил, что Черен Дондук по объявлении его ханом просил письменно о даче ему войска в рассуждении опасности его от Дондук Омбы.

Потом присыланы сюда посланцы от хана Черен Дондука, от владельцев Дондук Омбы, Петра Тайшина и от племянника его Чидана Дасангова сына и от дербетева Четеря.

И Черен Дондук приносил благодарение за пожалование его ханом и за присылку на то к нему знаков, представляя при том о непослушании ему племянников его — Дондук Омбы и Дондук Даши с братьями и прося для усмирения их войска.

Петр Тайшин изъявлял неудовольствие свое, что по их калмыцкому обыкновению и что отец его был Аюки-хана большой сын, надлежало быть ханом ему, Петру Тайшину, а не Черен Дондуку.

Дондук Омбо писал со обещанием своей к Ее Императорскому Величеству верности.

Чидан, донося о смерти отца своего Дасанга, просил об отправлении посланца к Далай-ламе для отвезения пепла отца его.

А дербетев Четерь просил о даче ему жалованья, вина, пива, меду и заедок, представляя, что то ему повсегодно давано из Саратова, но недавно такая дача пресечена.

И по определению Коллегии иностранных дел 14 августа 1731 года писано к ним в резолюцию, к хану Черен Дондуку грамотою, а к прочим письмами от канцлера графа Гаврила Ивановича Головкина.

К Черен Дондуку: что в таком случае ежели б кто из владельцев против его восстал, велено губернатору астраханскому Измайлову и полковнику Беклемишеву от противностей их унимать и его, Черен Дондука, не оставить.

К Дондук Омбе: что Ее Императорское Величество обещание его о верной службе изволила принять милостиво и напротив того его, Дондук Омбу, в высокой своей милости содержать изволит, в чем бы он был благонадежен, а и прочем надлежит ему, Дондук Омбе, хана Черен Дондука иметь за главного управителя и отдавать ему надлежащее послушание.

К Петру Тайшину: что Черен Дондук — Аюки-хана сын, а он, Петр Тайшин, его Аюкин внук, и мимо ханского сына внука производить в ханы не надлежит, к тому ж еще при Его Императорском Величестве Государе Петре Великом произведен он, Черен Дондук, наместником ханства и вручена ему главная команда над всем народом калмыцким, и мимо его, наместника,

другого уже производить невозможно, и надлежит ему, Петру, по высокому соизволению Ее Императорского Величества его, Черен Дондука, иметь за хана и главного управителя неотменно. И при том послано к нему, Тайшину, жалованья товарами на 300 рублев.

К Чидану: что посланца его к Далай-ламе отправить, подводы и в дорогу кормовые деньги дать велено, и послан о том указ к полковнику Беклемишеву.

Но от него, Чидана, посланца к Далай-ламе отправлено не было за учинившимся вскоре их калмыцким междоусобием.

К Четерю: что о повсегодном ему жалованье, давано ль оное ему, здесь неизвестно, и для того учинена будет о сем справка. Оному Четерю по его охоте губернатор Волынской в бытность свою в Астраханской губернии напитки и заедки часто посылал от себя, а по нем то ж чинил и полковник Беклемишев, а он то, как показалось из его прошения, причитал в годовое себе жалованье.

В Коллегию иностранных дел полковник Беклемишев доносил о продолжающейся между калмыцких владельцев ссоре и что оная доходит уже и до междоусобия их, а ему, Беклемишеву, от того их отвращать, хотя б как ни старался, не можно для того, что владельцев умножилось, и один у другого под властию быть не хочет, и один перед другим для кочевания своего занимают лучшие места, и не надеется он, Беклемишев, той их ссоре окончиться без того, чтоб одни других не разбили и тем владельцев не убавили, как и прежде хан Аюка родственников своих всех передавил и улусами их он один завладел.

И по определению оной Коллегии 6 октября того ж 1731 года отправлены грамоты как к хану Черен Дондуку, так и Дондук Омбе, к Петру Тайшину и к другим владельцам, которыми подтверждено, чтоб они между собою в ссоры отнюдь не вступали и тем напрасного улусам своим разорения не наводили.

А губернатору Измайлову и полковнику Беклемишеву указами подтверждено ж их, Черен Дондука и других владельцев, до междоусобных ссор не допускать.

В том же 1731 году была в приезде в Москве бывшего калмыцкого хана Аюки большого сына Чакдоржапа жена — вдова Даши Бирюнь, которая прежде Чакдоржапа была в замужестве за средним Аюкиным сыном Гунделеком и от него имела сына Дамрина Бамбара. Прошение ее состояло в том, чтоб она отпущена была для моления к Далай-ламе, представляя, что она большого сына своего Дамрина Бамбара за малолетствием его и за одиночеством и за большою силою сродников, которые насильством отнимают у нее улусы, до возрасту оного, усыновила себе пасынка своего Дондук Дашу и улус свой с ним соединила, дабы он от насилия и от неприятелей защищал.

Она представлена была пред Ее Императорское Величество блаженные памяти Государыне Императрице Анне Иоанновне, и на такое ее прошение позволено было, а на отпуске пожаловано ей от Ее Императорского Величества золотая готовальня, часы золотые и парчи 20 аршин на 660 рублев, да 6 мехов лисьих и 4 бельих во 140 рублев, да денег 500 рублев, всего на 1300 рублев.

Оная владелица прежде отъезда ее заболела и в Москве умерла, а свиты ее калмыки отпущены в их улус. И дано им на отпуске жалованья 200 рублев.

Между тем пока последние грамоты, отправленные отсюда к хану Черен Дондуку и к владельцам калмыцким, доставлены были, хан Черен Дондук на владельцев Дондук Омбу и Петра Тайшина, а напротив того те владельцы на него, хана, продолжали свои жалобы астраханскому губернатору генералу-майору Измайлову и полковнику Беклемишеву, хан... в непослушании ему оных владельцев и в умышлении их учинить на него неприятельское нападение, а владельцы — в захвачении и в неотдаче нескольких из их улусов кибиток, выводя оную претензию из прежних лет и от времени Аюки-хана, а в самом деле Дондук Омбо и с ним Петр Тайшин, употребляя только сей претекст, с неудовольствием видели Черен Дондука ханом и потому всячески искали его уничтожить, думая как тот, так и другой главным в таком случае владельцем во всем калмыцком народе учиниться, в чем согласовали с ними, видя ханскую слабость в правлении, и другие многие из калмыцких владельцев, в том числе и Дондук Даши и Доржи Назаров, а особливо сын Доржин Лубжа, так же и дербетев владелец Четерь с одним своим сыном, а Дондук-Омбиным зятем, называемым Гунга, при том же и знатные ханские зайсанги, называемые Эркетень, в которых тогда главным был Ямаи, некоторые в том заговоре участие имели ж. Напротив того, бывший тогда главный в калмыцком народе духовный Шакур-лама, сколько не видел худое хана Черен Дондука состояние, однако ж как он, Черен Дондук, был в оном учрежденным уже начальником, он, Шакур-лама, оставался в его стороне и старался своими советами приводить его к порядочному калмыцкого народа управлению; но он тем хана Черен Дондука нимало не поправил, а Дондук Омбу привел против себя в крайнее огорчение.

Губернатор астраханский и полковник Беклемишев как к хану, так и к оным владельцам многократно писали и увещевали их к согласию. И в сентябре месяце губернатор и персонально для того свидание имел при Астрахани из помянутых владельцев с крещеным Петром Тайшиным, причем оный владелец и такую между другими причину к неудовольствию своему на хана Черен Дондука объявил, что ему, Петру Тайшину, как Чакдоржапову сыну, который от хана Аюки объявлен уже был наследником, и ханом быть надлежало, а не Черен Дондуку.

Губернатор астраханский, рассуждая, что при таких калмыцкого народа обстоятельствах он должен и всякие меры употреблять к прекращению происшедшего между ними несогласия, отправил из Астрахани небольшие команды к владельцу Петру Тайшину и в Красный Яр, в близости которого города тогда Дондук Омбо и Петр Тайшин находились под видом безопасности сего последнего, а в самом деле, чтоб он толь меньше мог с Дондук Омбою сообщаться: но как Дондук Омбо и Петр Тайшин твердо вознамеренными были на хана Черен Дондука учинить нападение, потому все такие губернатора астраханского старания к примирению их остались без всякого успеха.

Хан Черен Дондук, будучи в октябре месяце на луговой стороне ниже

города Черного Яра, уведомился, что Дондук Омбо, находясь в околичностях города Красного Яра, между которыми городами не более двухсот верст, а по езде калмыцкой оное расстояние весьма недальнее, действительно уже с войсками собрался и в поход против него выступил, почему он, хан Черен Дондук, упреждая его, Дондук Омбу, и собрав войска 2000 человек, ибо более за отдалением улусов своих собрать не мог, выступил и сам за край улусов своих к урочищу Сасыколь против Дондук Омбы, имея при себе из владельцев только брата своего Галдан Данжина и Шакур-ламу.

В то время получены были полковником Беклемишевым в Царицыне отправленные из Москвы вышепомянутые последние грамоты Ее Императорского Величества к хану Черен Дондуку и к владельцу Дондук Омбе, которыми им повелевалось взаимные их ссоры прекратить. Полковник Беклемишев за случившеюся ему тогда болезнию не мог сам с теми грамотами к ним ехать, а отправил оные к ним с черноярским дворянином Семеном Казанцовым, который принадлежащую хану грамоту подал ему сам в урочище Сасыколь. На что хан ответствовал, что когда они на лошадей сели, то уже без бою с Дондук Омбою не обойдется, а к Дондук Омбе с грамотою посылал он, Казанцов, толмача Сергея Ваулина, который и его также в походе нашел, и Дондук Омбо в ответ сказал, что по указу Ее Императорского Величества он мирится с ханом Черен Дондуком, а ежели придут на него войною, то и воеваться готов же, а с войсками своими он вышел для того, что будто хан и Галдан Данжин, брат его, и Шакур-лама вышли с войсками своими наперед, а о получении грамоты обещал писать впредь, объявя, что тогда при нем будто чернил и бумаги не было.

Вскоре потом, а именно 9 числа ноября, Дондук Омбо приближился к Сасыколю, имея при себе войска 10000 человек, да при нем же были и из калмыцких владельцев его, Дондук-Омбин, брат Бокшурга, крещеный владелец Петр Тайшин и брат его Бату, и племянник их Дасангов сын Чидан, да хошоутов владелец Дондук, но прочие калмыцкие владельцы, которые с ним в том так же соглашались, при том случае не были; Дондук Даши находился тогда на нагорной стороне реки Волги, а Доржи Назаров, хотя был тогда на луговой стороне, но и он, и иже сын его Лубжа, который особливую с Дондук Омбою дружбу имел, не только сами не были, но и войсками своими Дондук Омбе против хана не помогали.

Первое наступление учинено было с ханской стороны, хотя оная несравненно была меньше, нежели Дондук-Омбина, и ханский брат Галдан Данжин, который командовал на правом крыле, левое Дондук-Омбино крыло, которым предводительствовал Петр Тайшин с братом своим Бату и с племянником Чиданом Дасанговым, сперва сбил и далеко за ними погоню чинил, причем Петра Тайшина брат Бату израненный и в полон им достался. Но Дондук Омбо разбил после хана Черен Дондука, при котором и Шакур-лама находился, и по прогнании их оборотился на Галдан Данжина, которой равномерно уже против его устоять не мог, причем он высвободил и взятого пред тем в полон с его стороны владельца Бату. Хан принужден был спасаться от Дондук Омбы

бегством и прибежал к Царицыну только в 25 человеках, а ханская мать Дарма Бала и жена его и жена брата его Галдан Данжина, а после и сам Галдан Данжин прибежали к Саратову и были приняты в город, а улусы их рассеялись врознь, и Шакур-лама по довольном по степи бегании пристал напоследок к некоторому небольшому числу, вместе собравшемуся из своих улусов около Саратова ж, и с тем напоследок вышел к Царицыну.

Дондук Омбо по разбитии хана Черен Дондука старался забирать все его ханские улусы и бывших в его партии, в чем ему тогда и противиться уже никто не мог, тем наипаче что, хотя владелец Доржи Назаров, кочующий при Яике с детьми своими Лубжею и Баем, немалые улусы имел, но, как выше написано, будучи он, а особливо сын его Лубжа, в тесной дружбе с Дондук Омбою, он, Доржи Назаров, и с детьми своими оставался, по-видимому, будто неприставшим ни к той, ни к другой стороне, а однако ж прибегшие к ним из рассеяния ханские и Шакур-ламины улусы, удерживая у себя, искали оными вечно завладеть. По сведении тогдашних из разных мест полученных известий оказывается, что Дондук Омбо забрал из ханских, брата его Галдан Данжина и Шакур-ламиных улусов с 15000 кибиток, из которых отдал он Петру Тайшину с братом его Бату и с племянником их Чиданом с небольшим 2000 кибиток и еще 500 из таких, о которых они с ханом пред тем спор производили, да хошоутов владелец, в их же партии бывший, Дондук получил 200 кибиток, которые он также издавна принадлежавшими себе почитал, но прочее все Дондук Омбо удержал у себя.

Владелец Дондук Даши и при нем сын мачехи его, Чакдоржаповой жены Даши Бирюнь, с улусами своими находились тогда на нагорной стороне, и хотя он, Дондук Даши, к астраханскому губернатору писал о намерении своем итти с войском на вспоможение хану Черен Дондуку, только сего в самом деле не воспоследовало, затем ли что тогда по реке Волге пошел уже лед и переправиться было невозможно, как он потом и губернатору писал, или и не с умыслу ли он переходом своим не спешил, чтоб сберечь свои улусы, не приставая явным образом ни к той, ни к другой стороне, ибо он о том, что Дондук Омбо намерен был на хана нападать, не мог не ведать и заблаговременно. Равномерно и дербетев владелец Четерь с сыном своим Гунгою, сколько ни были согласниками Дондук Омбе, но по разбитии им хана оставались же сначала в таком же виде, будто ни в той, ни в другой стороне участия не имеют, кочуя, однако же, в близости с Дондук Омбою. Напротив того большой сын оного Четеря Лабан Дондук, который с отцом своим был тогда в несогласии, кочевал во все то время от них особливо в близости от Дона ниже Царицынской линии, и потому он и отставшим от хана Черен Дондука не казался, как и многие из собственных ханских зайсангов, а особливо Эркетени, в которых Яман главным был, сколько пред тем ни соглашались с Дондук Омбою против своего хана, и чтобы его уничтожить, но когда оного Дондук Омбо разбил и улусы его забирать стал, они однако же не похотели во власть Дондук-Омбину предаться, но уклонились к Царицыну иные прежде хана, а другие по получении известия о его туда приходе и с своими аймаками.

Калмыцкий народ разделяется на разные улусы (а''улус'' на российском языке, как в начале сего описания означено, значит ''народ''), и каждый улус имеет особливое свое звание и нойона, а у каждого нойона есть по нескольку зайсангов, из которых каждый имеет особливый свой аймак так, как и российские дворяне собственные свои деревни. В аймаках их бывает по нескольку кибиток не по равному числу — в ином пять, десять и больше, а в ином от нескольких сот до тысячи и больше.

По смерти же нойонов улус каждого разделяется сыновьям его по частям, в том числе большому сыну против других его братей достается несколько больше, и каждая такая часть называется потом особливым улусом, а то ж чинится и по смерти зайсангов с их аймаками и в разделении оных их детям также по частям, из каковых каждая называется особливым аймаком, а женам и дочерям после нойонов и зайсангов из улусов и аймаков их никакой части не дается.

Оные Эркетеневы зайсанги были Яман Септень, Дамрин и прочие, и сперва они кочевали по нагорной стороне ниже Царицынской линии, где будучи, подвержены опасности от нападения Дондук Омбы, и для того они, а потом и хан с собравшимся к нему небольшим улусных его калмык числом прилежно просили полковника Беклемишева о впущении их в линию. Но подполковник Протасьев, который был тогда командиром при Царицынской линии, оных впустить туда без указу не хотел, и потому многие из тех зайсангов принуждены были и такой к тому способ употребить, что прежде переходили Дон-реку, а потом, восходя по оной реке выше линии, паки чрез ту реку и за линию вступали. Но хан Черен Дондук перешел уже за оную потом, как река Волга покрылась льдом, будучи принужден сей способ употребить потому, что и его за неимением указа добровольно в линию впускать не хотели. И хотя подлинно тогда в переходе в линию хана и Эркетеневых зайсангов необходима была нужда, да и здешняя польза того требовала, чтобы тем их сберечь от Дондук Омбы, однако ж происходило потом от тех Эркетеневых зайсангов в бытность их внутри линии — и после того как они переходили по времени за Дон для кочевания — великие обиды и разорения донским казакам, причем и многие смертные убийства случались.

Ханская мать Дарма Бала отправила немедленно по разбитии Дондук Омбою сына ее хана Черен Дондука нарочного сюда, ко двору, посланца знатного зайсанга, называемого Иши, и листом своим между другим представляла, что Дондук Омбо, такую им обиду учиня, не похочет при Волге и при Яике жить, а уйдет в чужую землю.

По получении о сем происхождении в Коллегии иностранных дел известия собран был нарочный совет 5 декабря того ж 1731 года, в котором присутствовали канцлер граф Гаврила Иванович Головкин, генерал-фельдмаршал князь Василий Володимерович Долгоруков, тогдашние вице-канцлер Остерман и генерал-фельдцейхмейстер Миних и еще действительные тайные советники князь Алексей Михайлович Черкаской и барон Миних. Они, рассуждая, что есть опасность, дабы Дондук Омбо с прочими противниками, убоясь за то

наказания и отмщения, не отошли с улусами кочевать на Кубань или за Яик, за потребно признали то предварить и противникам такой пострах дать, чтоб они от того удержались и впредь таких противных поступок чинить не дерзали, и для того послать туда знатную персону немедленно, дав ему полную мочь в следующем.

1-е. Чтобы он, едучи дорогою, учинил распоряжение, что ежели б противные калмыцкие владельцы похотели, переправясь чрез Волгу, пойти на Кубань, то б он старался до того их не допускать. И для того поручить ему в команду полки по Царицынской линии и на Черемшанских форпостах[40] и приказать донским и яицким казакам быть ему во всем послушными, а ему из оного войска, взяв пристойное число, расставить по Волге или инде где, куда чаять тем противникам на Кубань итти, причем равномерно велеть и генералу-майору Еропкину, по требованиям того посылаемого, отправлять и с его стороны команды, куда он назначит.

2-е. А ежели б те калмыцкие владельцы вознамерились итти за Яик, в таком случае по приезде его в Царицын отправить ко всем владельцам, которые к противникам не пристали, посылаемые к ним грамоты, а с которыми будет можно, и персонально видеться и объявить им о причине своего приезда, и чтоб они, владельцы, собрались все вместе с своим войском и шли немедленно за оными противниками и старались для недопущения их за Яик учинить над ними и над их улусами поиск, а при оных калмыцких владельцах отправить и полковника Беклемишева, придав для лучшей их надежности тамошнее легкое войско, сколько возможно и по тамошнему пристойно будет.

3-е. Однако ж прежде отправления того войска послать к Дондук Омбе и Петру Тайшину и к другим противным владельцам нарочного с грамотами Ее Императорского Величества, к ним посылаемыми. Тако ж и от себя ему писать и тому посланному велеть их увещевать, чтоб они, не чиня ни малой противности, примирились, и ежели они по тому учинят и взятое отдадут и сами по-прежнему возвратятся, в таком случае на них и войска уже не посылать, а ежели потребно разбитых калмык, пока они соберутся, впускать в линию, то б и то учинил и во всем сносился с губернатором астраханским генералом-майором Измайловым, а генералу-майору Измайлову, ежели потребно, приехать к нему и быть при нем.

Оное рассуждение Ее Императорское Величество блаженные памяти Анна Иоанновна того ж декабря 6 числа слушать изволила и указала в ту посылку послать генерала-поручика князя Ивана Федоровича Барятинского[41].

---

[40] Черемшанские форпосты были по реке Черемшане, в бывшей Самарской губернии.

[41] Барятинский Иван Федорович (1684—1738). Начал службу при Петре I. В 1709 г. был полковником. При Анне Иоанновне — московским губернатором. С 1736 г. был правителем Украины.

И потому дана ему инструкция из Коллегии иностранных дел по вышеписанной силе от 9 декабря того ж 1731 года и при том посланы к войскам донскому и яицкому грамоты, также указы к астраханскому губернатору Измайлову и к генералу-майору Еропкину о исполнении по его требованиям. А с ним, князем Барятинским, отправлены под числом 9 декабря того ж 1731 года грамоты к владельцам Дондук Омбе и к Петру Тайшину и к хану Черен Дондуку, к матери его Дарме Бале, к духовному их Шакур-ламе и к владельцам же Дорже Назарову, Четерю и к Дондук Даше.

В тех грамотах писано было.

К Дондук Омбе и к Петру Тайшину: что они учиненным от них поступком с ханом, несмотря на отправленные к ним указы и напоминания астраханского губернатора Измайлова и полковника Беклемишева, заслужили императорскую немилость и достойными учинились наказания, и при том повелевалось им: все взятые у хана Черен Дондука, у матери его и у брата, и у Шакур-ламы улусы, пожитки и скот им возвратить немедленно и самим быть в послушании у хана Черен Дондука, приобретая тем высочайшую милость и винам своим упущение. Причем оными грамотами дано было им знать и о том, что в противном тому случае повеление уже есть поступать с ними, как с преступниками воли императорской, и что для того отправлен нарочно от двора помянутый генерал-поручик князь Барятинской.

К хану Черен Дондуку и к матери его Дарме Бале: что Ее Императорскому Величеству противно было слышать о разбитии его, Черен Дондука, и что для разыскания и исследования того и дабы за такую продерзость винных в том наказать и в прежний спокойный порядок калмыцкий народ привесть, отправлен князь Барятинской, которому во всем верить и по его приказаниям и требованиям исполнять.

К Шакур-ламе и к владельцам Дорже Назарову, к Дондук Даше и к дербетеву Четерю: чтоб они по требованиям его, генерала-поручика, чинили во всем исполнение, который для разыскания и исследования происшедшего с ханом Черен Дондуком от Дондук Омбы и дабы за такую продерзость винных в том наказать, и калмыцкий народ в тишину привесть — нарочно от двора отправлен.

Генерал-поручик князь Барятинской, будучи в пути, учинил представление в Коллегию иностранных дел из Переславля Рязанского от 12 декабря 1731 года, что буде находящиеся в противности калмыцкие владельцы имеют намерение итти на Кубань, они в том медлить не будут, но ему с войсками входить ли за ними в турецкие границы, на что отправленным к нему указом от 31 декабря того ж года предписано, что с войсками в турецкие земли вступать не надлежит для того, что то будет противно мирному постановлению.

А Дондук Омбо по разбитии хана еще чрез немалое время и по тех самых пор, как река Волга льдом покрылась, оставался на луговой стороне оной реки и, как тогдашние от калмык слухи происходили, отзывался, что ему от россиян опасаться нечего для того, что они собираются по три года, а когда и пойдут, то стоят на одном месте по три месяца, а потом 18 декабря около Черного Яра

перешел он по льду обще с Петром Тайшиным и с другими при нем бывшими владельцами и на нагорную сторону реки Волги.

При сем месте для будущих случаев приметить надлежит, что между Царицына и Астрахани рекою Волгою расстояния 412 верст, и калмыцкие улусы в осень, до покрытия реки Волги льдом, кочуют на луговой стороне по берегу оной реки, а по покрытии льдом всегда переходят на нагорную сторону для того, что им всем со скотом на луговой стороне за глубокими снегами зимовать невозможно, и хотя б когда потребность случилась, дабы их по какому-либо подозрению к переходу на ту нагорную сторону не допустить, чтоб они не ушли на Кубань, но для сего когда Волга льдом покроется, по такому великому расстоянию войска российские расставить и содержать отнюдь невозможно, ибо на той нагорной стороне по реке Волге, кроме небольшого города Черного Яра и крепости Енотаевской, никакого другого жила нет, и берега покрыты бывают снегами, а калмыкам в таком кратком чрез Волгу переходе снега препятствовать не могут, Дондук же Омбо по переходе своем с луговой на нагорную сторону, намерен был учинить нападение на владельца Дондук Дашу за то, что он с ним против хана Черен Дондука не сообщился, но сего не воспоследовало, потому что Дондук Даши отходил с своим улусом на Куму-реку и от Дондук Омбы старался всегда после того быть в отдалении.

Князь Барятинской прибыл в Царицын 19 декабря и, отдавши хану и матери его ханше Дарме Бале принадлежащие им грамоты,— ибо пред приездом его и оная ханша, также и брат ханский Галдан Данжин из Саратова перевезены в Царицын,— а к прочим владельцам, в том числе и к Дондук Омбе, писанные на их имена грамоты отправил с нарочными офицерами, и к владельцам, кои не противны были хану. Так же и к знатным зайсангам писал от себя, чтоб они по своей к Ее Императорскому Величеству верности к противникам не приставали и соединились бы [с] своими войсками вместе с ханом, а к Дондук Омбе и к прочим противникам,— чтоб они ради лучшего к примирению способа виделись с ним в Царицыне или где инде им способнее.

28 декабря получил князь Барятинской письма в ответ на грамоты и на свои письма от дербетева владельца Четеря и от Дондук Омбы. Четерь ответствовал, что он в настоящую ссору не вступался и впредь вступать не будет, но свидание иметь с ним, князем Барятинским,— опасается злобы между собою ссорящихся. А Дондук Омбо,— что произошла у них с ханом Черен Дондуком ссора за улусы, которые он, Дондук Омбо, имел право от хана требовать и получить; и чтоб ему с ним, князем Барятинским, видеться — то изрядно, однако ж как он, князь Барятинской, не услыша прежде его, Дондук-Омбиных, слов, а причитает уже его виноватым, то и он опасается в себе поверить, прибавляя к тому, что он намерен отправить посланца своего ко двору Ее Императорского Величества.

На сие к Дондук Омбе князь Барятинской вторично писал, что ему никакой опасности нет с ним видеться, и ссора его с ханом может быть прекращена добрым способом или чтоб он, по крайней мере, прислал от себя поверенного,

да и посланца ко двору отправлять ему не для чего, будучи он, князь Барятинской, снабден полною мочью по их делам.

Князь Барятинской, признавая при том за неминуемое дело, чтоб учинить над Дондук Омбою поиск и получа известие чрез калмык, что Дондук Омбо и с ним Петр Тайшин хотят итти за Дон, откуда ничто не воспрепятствовало б им уклониться к Крыму в турецкие границы, а с другой стороны, равномерное сумнение было, чтоб он, Дондук Омбо, находясь на нагорной стороне, не пошел и на Кубань, приказал командированным для сей экспедиции шести драгунским полкам, а именно Псковскому, Ямбурскому, Ревельскому, Троицкому, Нижегородскому и Сибирскому и двум пехотным, Муромскому и Ярославскому, к которым ко всем он еще в проезд свой к Царицыну ордеры послал, о выступлении их к Царицынской линии с зимних квартир, бывших в тамошних околичных местах, чтоб они походом своим, сколько возможно, поспешали и драгунские полки шли бы уже к реке Дону, и располагались в станице Чирах и других к тому ближних, будучи оные места способные к походу к Куме-реке и к Кубани, а при том определил он из донского войска при первом случае 3000 в поход нарядить и затем к тому ж в готовности содержать, сколько будет возможно, а напоследок сделал потребное распоряжение о содержании оных полков в казачьих городках, также о заготовлении провианта и фуража по Дону и по Волге. О чем о всем он доносил и в Коллегию иностранных дел от 4 генваря 1732 года с изъяснением и трудностей, могущих быть в походе по пустой степи за калмыками, как ветреным народом, переехал и сам из Царицына в казачью станицу Чиры, где будучи, он, во-первых, получил о том известие, что хотя перешедшие тайно и насильно для кочевания за реку Дон калмыцкий владелец Дербетев, зайсанги Эркетеневы посылланным для ссылки их противились, однако же он, князь Барятинской, все то не уважил и оставил при том, рассуждая, что прежде надлежит ему произвесть в действо главнейшее намерение.

В ту ж его в Чирах бытность, где при нем находился и хан Черен Дондук с братом своим Галдан Данжином и с Шакур-ламою, приближился туда ж и владелец Дондук Даши с своим улусом, перешед с Кумы-реки, удаляясь от Дондук Омбы, мимо Кабарды и при самой Кубани, чем бывшему тогда в крепости Святого Креста генералу-майору Еропкину, который по указу, к нему посланному, и по сообщениям князя Барятинского, с своей стороны, о оборотах калмыцких владельцев разведывал, навел сумнение.

Он, Дондук Даши, по требованию князя Барятинского, готовность свою объявил итти с ним и в поход против Дондук Омбы, а князь Барятинской, намерен будучи взять с собой во оный и хана Черен Дондука, требовал от него, чтоб он довел до того, дабы Эркетеневы зайсанги его, кочующие за Доном, собравшись, сколько возможно с ним ханом совокупились, и как их дело общее, шли с ним ханом при нем, князе Барятинском, и в поход. Но хан весьма от того отрекся, представляя, что он о верности тех зайсангов сумневается, что самое и главный их духовный Шакур-лама подтвердил.

Того ж 1732 года по указу из Коллегии от 15 генваря резидент господин Неплюев, в Константинополе тогда бывший, представлял Порте 22 февраля о начале возмущения в калмыцком народе и что для усмирения оных послан генерал с российскими войски, требуя при том, что ежели таковые калмыки приближатся в Кубань к границам турецким, то б заблаговременно хану крымскому и азовскому паше указами повелеть, чтоб они их, калмык, не принимали, но от границ своих отгоняли. На что ему, по некоторому времени, реиз-эфендии объявил, что требуемые им, резидентом, указы к хану крымскому и паше азовскому посланы.

Князь Барятинской имел свидание с астраханским губернатором генерал-майором Измайловым, который по требованию его приезжал в донской городок Беляев.

Тут имели они общее рассуждение о тогдашнем калмыцкого народа состоянии и о их владельцах и 15 генваря, для успокоения оного народа и приведения в послушание Дондук Омбы и его сообщников, определили учинить следующее.

1-е. По той причине, что Дондук Омбо с своими сообщниками находился уже тогда давно на нагорной стороне реки Волги, и сколько известно было, время от времени далее от оной реки в степь удалялся, рассудилось за потребно, чтоб губернатор Измайлов возвратился в Астрахань и продолжал с оными противниками пересылку, стараясь тем и делаемыми им обнадеживаниями удержать их от побегу на Кубань и в Крым, дабы чрез то привесть их в безопасность и получить время учинить над ними поиск с успехом.

2-е. Когда с стороны князя Барятинского пересекаемы им будут дороги к побегу за границу, и о том князь Барятинской к нему, Измайлову, писать будет или он, губернатор астраханский, сам о том достоверно сведает, в таком случае отправить ему на противников из Астрахани регулярного и нерегулярного войска, сколько может набраться и с полковыми пушками, в соединение к нему, князю Барятинскому, и стараться между тем учинить оным противникам диверсию.

3-е. Ежели к нему, астраханскому губернатору, писано будет от князя Барятинского о нужде будущему в походе войску в провианте и фураже, тогда всего того и отправить из Астрахани в скорости на обывательских подводах, сделав из хлеба для лучшей в провозе удобности толчу.

4-е. Ежели ж противники пойдут обратно с нагорной на луговую сторону для побегу за Яик, в таком случае ему ж, астраханскому губернатору, чинить над ними возможный поиск, присовокупляя к тому из полков, стоящих на Черемшанских форпостах, и яицких казаков и склоняя к тому и калмыцкого владельца, кочующего при Яике, Доржу Назарова.

После того губернатор астраханский генерал-майор Измайлов отправился обратно в Астрахань, а князь Барятинской, будучи еще в Беляевской станице, получил 14 генваря письмо от крещеного владельца Петра Тайшина в ответ на посланную к нему грамоту и свое письмо. Он, оправдая себя в том, что происшедшему случаю причиною не они, но сам хан Черен Дондук, потому

что он, некоторые их улусы не возвратя им по многим их требованиям, сам наперед с войском против их вышел, в каком случае им шею протянуть[42] невозможно было, отозвался при том, что ему и в команде у Черен Дондука быть сумнительно, понеже он, Петр Тайшин, находится в христианском законе.

О всем том князь Барятинской доносил в Коллегию иностранных дел от 20 генваря 1732 года по возвращении его в Чиры, признавая, что далее [ст]оль более необходимую нужду в своем походе на оных противников, а притом изъясняя и трудность, с тем соединенную, по причине пустой степи и неудобности потому, а особливо в настоящее тогда зимнее время в завезении провианта и фуража для потребного к тому походу немалочисленного войска, ибо, по дошедшим тогда к нему, князю Барятинскому, известиям, Дондук Омбо находился не меньше как в 20000, почему и наступление на него, по рассуждению его, князя Барятинского, с такими силами учинить надлежало, которые были бы не меньше его собственных, для чего он и приказал между тем донскому войску, чтоб сверх наряженных уже из оного 3000 было с ним в готовности к походу и действительно к нему выслано столько, сколько во всем оном войске собраться может.

При том же случае доносил он, генерал-поручик князь Барятинской, и о полученном им между тем письме от дербетева владельца, Четерева сына, Лабан Дондука и посланном на то от него в ответ. Лабан Дондук в письме своем написал, что он хану Черен Дондуку не противен, принося при том жалобу об отнятии ханскими зайсангами у него тысячи лошадей, возвращением которых князь Барятинской его обнадежил, подтверждая ему оставаться в должной к Ее Императорскому Величеству верности; а донскому войску по полученному при том известию, что он, Лабан Дондук, хочет переходить чрез Донец на крымскую сторону, приказал туда его не перепускать, а буде он, Лабан Дондук, станет силою переходить чрез Донец, тогда поступить с ним неприятельски и сбить его по-прежнему за реку Дон на волжскую сторону; в то время при Лабан Дондуке дербетева улуса была половина, до 2000 кибиток.

Князь Барятинской, будучи еще в Чирах, получил 23 генваря 1732 года письма от Дондук Омбы и от владельца Четеря в ответ на свои, пред тем к ним посланные.

Дондук Омбо писал, извиняя свой поступок, который якобы он принужден был учинить по удержанию ханом немалого числа принадлежащих ему людей, и что будто он, хан, сам первый на него наступил, внушая оным же своим письмом, что когда у хана Аюки происходила ссора с сыном его Чакдоржапом, то при примирении их те знатные люди, которые между ними ту ссору сделали, отданы в российские руки, как равномерно тому поступлено было и при ссоре, бывшей потом у Дасанга с братьями его, ибо и сей последней ссоры зачинщик Дасангов брат Нитар Доржи будто отдан был тогдашнему астраханскому

[42] Так в подлиннике.

губернатору Волынскому (но выше сего уже означено, что Нитар Доржи удавлен был по приказу Дасанга, брата своего, в такое время, когда и сам Дасанг был в утесненных обстоятельствах); таким образом, Дондук Омбо оным своим письмом давал знать, что и настоящей их ссоры зачинщика отлучить надлежит, разумея под тем Шакур-ламу, которого он имел причину ненавидеть, понеже он непременно держался при стороне хана Черен Дондука и подавал ему свои советы. Впрочем, хотя Дондук Омбо от свидания с князем Барятинским и не отрицался, однако ж за неудобностию тогдашнего времени откладывал то до будущей весны, ибо он сие письмо по доезду посыланного к нему от князя Барятинского офицера писал, будучи уже в мочагах и имея намерение кочевать и далее.

Дербетев владелец Четерь ответствовал на письмо князю Барятинскому, что он, как и прежде уже писал, в настоящую ссору не вступал, и буде какой способ к примирению найдет, о том стараться будет, а чтоб с ним, князем Барятинским, видеться, он думает, что все равно будет, когда и сии его слова до него дойдут, а ежели есть какое дело ему с ним видеться, то б он о том еще ему объявил, и он подумает. Но пишучи сие, находился он, Четерь, и с сыном своим, а Дондук-Омбиным зятем Гунга Доржею, кочевьем своим в сообщении с Дондук Омбою, а улусов при нем, Четере, и при сыне его было из дербетев большая половина, то есть с лишком 2000 кибиток.

Генерал-поручик князь Барятинской писал в ответ напротив того к Дондук Омбе с посланцем его Ханкою от 25 генваря, с изъявлением неудовольствия, что он, принося разные отговорки, продолжает отдачею хану отнятых у него и у прочих при нем бывших улусов, давая ему при том знать, что он в таком случае имеет указ с ним как преступником и противником воли Ее Императорского Величества поступить, и требовал от него точного ответа в 20 дней.

При том же случае писал он, князь Барятинской, к Четерю и к Петру Тайшину, как к Дондук-Омбиным сообщникам и в сообщении с ним кочевавшим. К первому: что буде он не хочет быть в подозрении, надлежит ему от Дондук Омбы отдалиться и поступать по указам Ее Императорского Величества. К другому, то есть к Петру Тайшину, во изъяснение на его письмо, полученное им, князем Барятинским, в Беляевской станице, которым он, между другими, сомнение предъявлял, что ему как христианину у хана яко идолопоклонника в команде быть непристойно, писано было также со изъяснением неудовольствия о его поступках, и что и оная его отговорка весьма не основательная, ибо хотя б хан когда на него неправильно и напасть захотел, ему в таком случае надлежало писать к астраханскому губернатору и требовать защищения и самому приближаться к Астрахани, причем и ему так, как Дондук Омбе подтверждено о данной князю Барятинскому полной власти поступать с ними как с противниками и преступниками, буде они по отправленному к ним указу не исполнят, то есть не отдадут немедленно отнятых у хана Черен Дондука и у прочих бывших при нем улусов.

О сей с Дондук Омбою, с Четерем и Петром Тайшиным переписке доносил князь Барятинской в Коллегию иностранных дел из Чиров от 27 генваря 1732 года.

Сие князя Барятинского доношение от 27 генваря так, как и другое пред тем от него от 20 того ж генваря в Коллегию ж отправленное, подали здесь повод к следующим двум рассуждениям.

Оные доношения получены были в такое время, когда тогдашний канцлер граф Гаврила Иванович Головкин находился еще в Москве, а тогдашний вице-канцлер Остерман здесь в Санкт-Петербурге при дворе; первый, распечатав их в Москве, отправил их к другому при своих уже письмах от 31 генваря и от 7 февраля для донесения Ее Императорскому Величеству.

По доношению князя Барятинского от 20 генваря ответствовал Остерман к графу Головкину письмом от 8 февраля 1732 года, давая ему знать, что оное доношение Ее Императорское Величество слушать и апробовать изволила, а притом сообщая ему собственным своим рассуждением о нужде, при тогдашних калмыцкого народа обстоятельствах, немедленно внушить и растолковать оному для оторвания находившихся при Дондук Омбе и прочих противниках улусов пользу пребывания их при Волге и что, когда они от тех противников отстанут, всякого беспокойства избудут; напротив того, которые из них, несмотря на сие увещание и обещаемую им Ее Императорского Величества милость, будут следовать противным владельцам Дондук Омбе и Петру Тайшину и другим сообщникам, которые только с единой своей гордости и ради учиненной ими ж противности и непослушания хотят их от Волги отвесть и еще под какое чужое иго подданными учинить и бывшей при Волге вольности и довольства лишить, и те калмыки, конечно, уже заслужат себе немилость Ее Императорского Величества и прочее, что князь Барятинской по тамошнему состоянию за благо рассудит, причем по такой причине, что хан Черен Дондук, как выше примечено, и в собственных своих зайсангах кредиту[42a] уже не имел. В оном же письме и такое еще рассуждение объявлено было, что от него, следовательно, и впредь интересам Ее Императорского Величества никакой пользы быть не может, и для того чтобы графу Головкину отозваться в конфиденции к князю Барятинскому и требовать мнения, что ежели б и он, по тамошнему состоянию, за потребно рассудил его, хана, переменить, то который бы из владельцев имел у калмык кредит и мог оный ханства чин управить и снесть, над всеми калмыками иметь[43] главную команду лучше сего хана Черен Дондука?

Вследствие сего письма учинен протокол в Москве в Коллегии иностранных дел 15 февраля 1732 года о посылке к князю Барятинскому указа, чтоб он старался сделать калмыцкому народу вышеписанное внушение, сверх того и канцлер граф Гаврила Иванович Головкин писал к князю Барятинскому от 26 февраля с приложением копии с полученного им от Остермана письма.

По другому же князя Барятинского доношению от 27 генваря, и по отзыву Дондук Омбы, что зачинщика их ссоры отлучить надлежит по прежним

[42a] Кредит — авторитет, доверие. (*Примеч. ред.*)

[43] Так в подлиннике.

приведенным от него примерам, писал Остерман к графу Головкину, что хотя б и не худо было тем их ссору прекратить, буде кто такой из владельцев найдется, но ежели Дондук Омбо разумеет под тем Шакур-ламу, в таком случае надлежит поступить с крайнею осторожностью, ибо тот Шакур-лама при всех случаях не оказывал себя неверным.

Кажется, что князь Барятинской не имел времени ни того, ни другого намерения в самом деле исполнить, доносил он в Коллегию от 8 февраля 1732 года из степи от реки Аксая, что он, дождавшись определенных в поход полков, вышел в лагерь из казацкого городка Нагавкина, куда он пред тем переехал по способности из оного городка, [чтоб] в поход на Дондук Омбу отправиться, и тут ожидал наряженных в тот же поход донских казаков и калмыцкого владельца Дондук Даши с его войском.

При князе Барятинском при выступлении его в сей поход были драгунские полки: Троицкий, Сибирский, Псковский, Нижегородский, Ямбурский и Ревельский и пехотные: Муромский и Ярославский, в них всех людей 4619, сверх того пришло к нему тут из донского войска и волжских городов казаков 4692 человека, а при том и владелец Дондук Даши с 3000 своего калмыцкого войска, да хан Черен Дондук и брат его Галдан Данжин с малым числом эркетеней, а больше было при них Баготовых и других зайсангов с калмыками, которые пред тем к ним от разбития Дондук Омбы к Царицыну собрались, и всех при хане и при брате его было до 2000 человек.

Сперва намерен был князь Барятинской, чтоб воспрепятствовать Дондук Омбе к уходу на Кубань, идти с бывшим при нем войском на Куму-реку и к лежащему при оной древнему разоренному городу — Мажарам. Но услыша потом, что он находился около Волги-реки в мочагах, а при том некоторые имея известия, по большей части от калмык, якобы он — Дондук Омбо,— уведомясь о нарядах, чиненных против него и из крепости Святого Креста, намерен был переходить чрез Волгу-реку и потом идти и за Яик-реку, по держанному у него, Барятинского, военному совету, при котором и хан Черен Дондук был, он то свое намерение отменил, а вместо того определено при том было идти прямым путем к мочагам, по предложению ханскому, а именно: от Нагавкина на Сал-реку и оттуда чрез урочища Яшколь и Улан Хак, которым путем, как тогда уведомленось, до самых мочагов ходу чрез степь более трех недель не будет.

Упомянуто уже выше сего, что Чидан, Дасангов сын, был в сообщении с Дондук Омбою и с Петром Тайшиным при сражении их с ханом Черен Дондуком, напротив того мачеха его, называемая Солом, кажется, к ним не приставала, и потому пасынок ее Чидан принужден был иногда повиноваться ей, а иногда и Дондук Омбе с прочими его сообщниками.

Губернатор астраханский генерал-майор Измайлов, как пред тем, пока у Дондук Омбы с ханом Черен Дондуком доходило до битвы, писал к ним довольно крепко, удерживая их от того и угрожая гневом Ее Императорского Величества, так и после их бою толь более он им оные ж угрозы твердил, Дондук Омбо приносил ему как сперва, так и после того бывшего у него с

ханом Черен Дондуком происшествия, обыкновенные с его стороны извинения, что будто сам хан, не отдавая по его многократным требованиям удержанных у него улусов и с войском вышед наперед против его, принудил уже и его отпор ему учинить, причем ему, Дондук Омбе, и удалось его, хана, разбить. Петр Тайшин ответствовал губернатору астраханскому то ж самое, а между тем виделся, однако ж, он с губернатором при Астрахани только не инако как во многолюдстве, где губернатору и неудобно было прибрать его к рукам, ибо он, чтоб не подать Петру Тайшину напрасного подозрения и тем его от свидания своего не удалить, не мог взять с собой многочисленной команды.

Напротив того, помянутая калмыцкая владелица Солом, Дасангова жена, а Чиданова мачеха, просила астраханского губернатора о препровождении ее с бывшими при ней улусами к Астрахани и о присылке к ней для того некоторого числа войска, а и она находилась тогда также в мочагах. Почему губернатором астраханским и отправлено было к ней войска около 1000 человек, которым она и с улусами калмыцкими, в коих было около 6000 кибиток, приведена была к Астрахани, которые и оставлены были кочевать в тамошних околичностях, но пасынок ее, Чидан, между тем двоекратно на нее нападал, сперва в мочагах, а потом и при Астрахани, по наущениям Петра Тайшина и улусы грабил.

Князь Барятинской, прежде нежели в действительный поход выступил от речки Аксая, за нужно признал для возки с собою на полки провианта вместо телег и по неудобности оных в тогдашнее зимнее время иметь верблюдов, и чтобы оных немалое число для того у калмык купить, которых по посылкам от него генерала-поручика ни в чьих других улусах, которые назывались хану не противными, за разными отговорками на продажу не объявили. А как генерал-поручик о том упомянул Дондук Даше, то он для вышепоказанной нужды без всяких отговорок приказал в своем улусе верблюдов потребное число сыскать и продать настоящею ценою, которых верблюдов и куплено было и в полки роздано 122, и тем немалая нужда заменена, ибо в таком дальнем и трудном походе на весь путь провианта на лошадях никак провести было невозможно. О чем он по возвращении своем из похода и в Коллегию иностранных дел, рекомендуя оного владельца Дондук Дашу, от 13 мая 1732 года из Царицына доносил.

В тот поход генерал-поручик князь Барятинской действительно отправился от донского казачьего Нагавкинского городка февраля 6 числа и пробыл в оном до приближения его к Астрахани по 4 марта 1732 года, и по журналу его между помянутым казачьим городком и Астраханью, где он с войсками шел, показано расстояния 488 верст.

И хотя он, князь Барятинской, получа в походе известие, что Дондук Омбо покочевал рекою Кумою к Кубани, имел намерение за ним следовать, но воспрепятствовала ему в том невозможность такая, что из драгунских подъемных и верховых лошадей, будучи в дальнем и весьма трудном чрез степь походе, от бескормицы и безводицы несколько попадало, а и прочие весьма

исхудали и в крайнюю слабость пришли, что почти все далее к походу не годились, к тому ж драгуны и солдаты в том же степном походе от стужи, вьюг и ненастья трудность немалую понесли, и для того из них еще с половины пути больных драгун и солдат близ 400 человек, а к тому и негодных лошадей в Черный Яр отправил, а затем и еще время от времени больные прибавлялись, и за тем всем, также и по получении еще известия, что Дондук Омбо с улусами его находился уже около Мажар, заключа он, князь Барятинской, что по таком его Дондук Омбы от здешних границ удалении, хотя б в команде его, Барятинского, и исправные лошади были, догнать его за безводными и бескормными местами уже невозможно,— принужден идти к Астрахани и с войсками при нем бывшими, из которых во всем его походе побито при поиске над противниками 5, померло 20, ранено 11, в оспе на дороге оставлено 9, а всего 45 человек. Лошадей пало, потонуло, безвестно пропало и за усталью брошено 2883.

А чтоб, однако же, Дондук-Омбин уход к Кубани просто не оставить, получа он, князь Барятинской, о том известие, писал, будучи еще в походе, в крепость Святые Анны к господину генералу-майору Стрекалову, чтоб он предложил азовскому паше, что ежели Дондук Омбо пойдет на Кубань, то б его тамо под протекцию не принимать и выслать по-прежнему в российские границы.

Почему генерал-майор Стрекалов к азовскому паше Хаджи Мустафе в такой силе и писал. И на оное получил от него, паши, ответ, что ежели те российские противники калмыки к Азову придут, оных, по силе мирного с Российским государством договора, он, паша, без указа солтанского не примет и места им не даст, объявляя при том, что те калмыки пошли на кубанскую сторону к ханским детям солтанам.

А бывший в Киеве генерал и тамошний генерал-губернатор граф Вейзбах, получа известие от помянутого генерала-майора Стрекалова о уходе Дондук Омбы на Кубань, писал от себя к тогдашнему хану крымскому Каплан-Гирею, требуя, дабы он Дондук Омбе протекции у себя не давал, а приказал бы выслать его в российские границы.

Но хан крымский, как генерал Вейзбах от 8 июня в Коллегию доносил, ответствуя на то, писал к нему, Вейзбаху, между другим, что хотя калмыцкий народ разного с крымцами закона, но понеже оба сии народы природы татарской, потому калмыки издревле, по востребованию нужд их, а особливо по случающимся между собою ссорам, приезжают к крымцам наподобие гостей и, исправя свои дела или в ссорах своих получа чрез посредство крымцев примирение, паки в свои места возвращаются, как, напротив того, и крымские беки к калмыкам для подобных своих дел езживали и возвращались, каковому примеру и Дондук Омбо по причине происшедшей с братьями его ссоры последовал. А как впрочем сей калмыцкий народ дикий и непостоянный, кочуя по степям в летнее время на российской, а зимою на турецкой земле, и часто из стороны в сторону переходя, хотя и позволения в том с турецкой стороны не бывает, то из оного народа как российской, так и

турецкой стороне никакой пользы нет, но понеже Дондук Омбо по примеру предков своих пришел в его ханскую сторону как гость и просит о примирении его с братьями, имея к тому крепкое намерение, для того по его ханскому рассуждению надлежит с российской стороны всякое старание употребить его, Дондук Омбу, с ханом Черен Дондуком в согласие привесть, в чем и он, крымский хан, вспомоществовать не оставит, а когда таким образом дело их окончается, то и в кочевье Дондук Омбы никакого сомнения быть не может, и российской стороны желание исполнено будет.

В бытность же князя Барятинского в походе, по причине посланного от него вперед войска по большей части из донских казаков, Петр Тайшин, с братом своим Бату и еще с владельцем же Хошот Дондуком, из мочагов пошли к Волге, и, уведав о приближении войск, сам он Тайшин ушел за Волгу в город Красный Яр и тамо взят под арест, также и жена его Тайшина по посылке от астраханского губернатора взята ж и в Астрахань привезена, а Бату и Хошот Дондук ушли на Яик к Дорже Назарову, улусов при них бывших ханских и других забранных ими 7800 кибиток возвращены хану и другим владельцам, чьи они были. А собственных их и согласника их же Дасангова сына Чидана — 4100 кибиток, из которых отданы в надсмотрение Хошот-Дондуковы 400 кибиток хану, а прочие — брату Петра Тайшина Дондук Даше. И о том, также и о взятых из вышеписанных улусов при поиске донскими и волжскими казаками и калмыками людей и о скоте, что отдать ли им казакам в награждение походу с ним, князем Барятинским, представил он доношением от 13 мая в Коллегию иностранных дел.

По отдаче же хану Черен Дондуку и Дондук Даше означенных улусов, князь Барятинской приказал им кочевать на луговой стороне реки Волги, куда потом в соединение к ним перевел с Дону и дербетева владельца Лабан Дондука с его улусом.

Петр Тайшин у князя Барятинского допросом показал, что они с Дондук Омбою хана разбили за спорные улусы и по злобе своей, уничтожая и не хотя иметь его за хана, а желая он, Петр Тайшин, и Дондук Омбо каждый себе ханства.

Но что касается до Дондук Омбы, он, уведав о походе князя Барятинского, с братом своим Бокшургою и еще с другими владельцами Четерем и братом его Солом Доржею, у сего последнего и весь собственный улус состоял от 200 до 300 кибиток,— покочевал к Кубани, и на Куме высланною из крепости Святого Креста российскою командою, в которой было драгун 500 да казаков 500 же человек с 2 полковыми пушками, Дондук-Омбин брат Бокшурга разбит, и при том отобрано из взятых ханских улусов 2715 кибиток, которые приведены к Астрахани и возвращены к хану.

По разбитии же оного Дондук-Омбина брата Бокшурги, бывший с означенною российскою командою подполковник Ольц следовал за ними для поиска над противниками далее, продолжая поход свой двое суток, пока лошади еще не пристали. И во время того его похода Дондук Омбо, имея при себе калмыцкого войска до 10000, препятствуя ему, чинил на него, Ольца, частые

нападения. Но как при одном случае калмыки сильно стали на него наступать и весьма приблизились, то с стороны российской команды выпалено было по ним из одной пушки, отчего они пришли в крайнее замешание. А потом Дондук Омбо, паки построясь с своим войском, и с бугра из одной пушки его учинен по российской команде выстрел, но ту их пушку разорвало, и от того разрыва несколько калмык побито и ранено. А командою российскою при всех с ними сражениях побито их калмык более 100 человек, да и в реке Куме потонуло их много, а с стороны здешней команды упадку в людях не было, токмо ранены капрал 1 и казаков 4 человека.

При нем же, Дондук Омбе, бывший зять его Хонтайшин сын Лоузанг Шуно по склонности своей возвращен к Астрахани, у которого было из взятых ханских же 1000 кибиток, и те тако ж хану возвращены, и, одним словом, Дондук Омбо на Кубань ушел не в великом числе состоящих улусов калмыцких, а именно: его собственных Бага Цохур и брата его Бокшурги Еке Цохур до 6000, других торгоутов, из ханской стороны им захваченных, около 3000, да дербетев до 2000, а всех около 11000 кибиток.

Владелец же Доржи Назаров и сын его Лубжа, бывший в согласии с Дондук Омбою, в 1732 году по возвращении князя Барятинского из похода, будучи у Волги и имея с ним пересылку о прибеглых к ним из рассеяния ханских и Шакур-ламиных улусов, взяв от того сомнительство и опасность, откочевали и с захваченными калмыками, которых всех и с собственными Доржиными и детей его улусами было с лишком 15000 кибиток, за реку Яик и доходили до реки Эмбы, и старались привесть к себе в согласие киргис-касак, дабы общими силами нападать на калмыцкие улусы, при хане Черен Дондуке бывшие, и на российские жилища. И хотя киргис-касаки на то с ними и согласились, но вместо того надеялись от самих их Доржиных калмык по бытности их за Яиком ближайшую добычу получить. И когда для того они, киргис-касаки, стали собирать многие свои войска, и тогда Доржи Назаров возымел от них опасность, а при том будучи и князем Барятинским чрез частые к нему нарочных офицеров посылки призываем и увещеваем к переходу на Волгу, потому с сыном своим Лубжою и со всеми улусами возвратились. Но киргис-касаки при таком их возвращении и по переходе уже через Яик на здешнюю сторону на них в декабре месяце того ж года напали и разбили из них с 1000 кибиток и людей к себе забрали. После того отдали они, Доржи и Лубжа, хану и Шакур-ламе бывших у них улусов их 9500 кибиток, и с ним, ханом, чрез пересылку примирились, и при присланном от князя Барятинского капитане Глебе Образцове он, Доржи, и дети его в верности Ее Императорскому Величеству учинили присягу. А потом он, Доржи, сам приезжал к хану Черен Дондуку и с ним виделся персонально, и о продолжении между собою дружбы один другому присягали, а то же он, Доржи, учинил и с владельцем Дондук Дашею чрез пересылку.

А ханские зайсанги, называемые Эркетень — Яман с детьми, с братьями и прочие их роду, хану были недоброжелательные, и как Петр Тайшин в допросе показал, из них Яманов сын Балган да Яманов же брат Дамрин с ним

Тайшиным и с Дондук Омбою в согласии против хана были, и во время бою, хотя они были и с ханской стороны, однако ж на них — Петра Тайшина и Дондук Омбу — не наступали, и в ханской стороне большее смятение чинили. Потом же оный Балган, не быв с ханом при российском войске на противников в походе, а перешед, как выше написано, за Дон своевольно с аймаками своими, в которых считалось калмык до 4000 кибиток, и тамо будучи, делали воровские нападения в донские и малороссийские жилища и в другие российские места, а именно в Пензенский и Симбирский уезды, и не токмо тамошним жителям великие грабительства и разорения починили, но побрали в плен и побили до смерти несколько человек. Они ж воровски въезжали в Крым и в другие тамошние места и убили одного знатного мурзу. А при всем том они не хотели быть под властью ханскою, и для того оные зайсанги, по особливому из Коллегии указу, в Царицыне князем Барятинским забраны под караул, а аймаки их отданы хану и из оных Эркетеней Ямапов сын Балган привезен в Москву и, по его желанию, крещен в христианскую веру, и дано ему имя Иван, отец же его Ямап с братьями Септеnем и Дамрином в Царицыне померли, да и Иван Балган, будучи в Петербурге, умре ж...

При сем месте приметить надлежит, что город Астрахань боярином Хвостовым и воеводой князь Юрьем Ивановичем Пронским российскими войсками взята была от татар в 1555 году, а Ягмурчей, хан астраханский, ушел тогда в Азов к туркам, потом в четырнадцатый год, то есть в 1569 году Селим — султан турецкий — посылал для взятья Астрахани корпус своих войск, в котором было турков конных 25000, янычар 10000 под командой Беклербега Кафинского. Пушек при всем оном корпусе не было больше как три полевых и две больших, которые везены верблюдами. При оном же подвиге употреблены были татары крымские и ногайские, при которых было двенадцать пушек, тако ж были пятигорские черкесы, или кабардинцы, а командовал ими хан крымский Девлет Гирей. Шли оные от Азова к вершине реки Кубани и подле Кабарды и реки Терка, пробираяся выгодными местами, и дошли под Астрахань 5 числа августа и расположились на нагорной стороне реки Волги выше города в девяти верстах, где была старая Астрахань или Тмутараканы.

Сверх оного сухопутного корпуса отправлено было от Азова вверх рекою Доном до того места, где ныне линия Царицынская, во ста осьми галерах янычар 5000 да морских служителей 3000 человек, а всех войск употреблено было в тот Астраханский поход до 80000 человек.

Галеры были нагружены пушками осадными, порохом, прочими снарядами, железными припасами, тако же провиантом для сухопутного войска, и намерены были все то сухим путем перевести с Дону на Волгу и оною на малых судах следовать к Астрахани.

И как они Доном-рекою путь свой окончa пристали к берегу и стали выгружаться, и тогда отправленный пред тем с Москвы князь Петр Семенович Серебреной в 15000 человек российских войск напал на них, турков, нечаянно, и их разбил так, что от всех 8000 едва 3000 человек на нескольких галерах вниз по реке Дону уйти могли, но и тех донские казаки часто обеспокоивали, на лодках немногих оставили к Азову возвратиться.

Князь же Серебреной по разбитии оного турецкого на галерах бывшего войска, видно что тут где инде город Царицын, сел на суда, справленные к нему сверху рекою Волгою, и идучи к Астрахани и на сухопутный турецкий и татарский корпус (который стоял при реке Волге выше Астрахани в девяти верстах без действа, затем что к Астрахани за полою водою приступить было невозможно, а к тому и в ожидании с Дону сикурса,[43a] с нарядом и провиантом) 12 числа сентября также нечаянно нападал и учинил некоторый вред, и потом беспрепятственно прошел и в город.

И турки, уведав о разбитии на Дону помощного их корпуса и за недостатком провианта, намерены были возвратиться, но по совету татарскому спустя от нападения на них князя Серебреного одиннадцать дней облегли город и потребное к приступу готовили и наконец, сожегши пред городом только малую слободу, отступили и 27 сентября пошли возвратно к Азову прямо пустыми и безводными степями, которыми и генерал-поручик князь Барятинской от Дону к Астрахани с корпусом своим шел, и будучи в дороге 28 дней ели лошадиные мяса, и где находили озера с соленою водою, оную как сами употребляли, так и лошадей своих поили, отчего много людей и лошадей померло и по степям за бессилием поброшено. А при том и самые бывшие с ними в походе татары и кабардинцы от случающихся от корпуса турок грабили, побивали и в дальные места в продолжение всего пути иного из них развезли и лошадей отогнали, тако ж что в Азов турок из 35000 с Беклербегом возвратилось только 1000 человек.

А князю Барятинскому в пути его помогло еще то, что после снегов на низких местах оставались воды, которые от пожаров высохнуть еще не могли, к тому ж и солдаты пешие на тех верблюдах, на которых провианта уже не было, везены были.

Князю Барятинскому при отправлении его из Москвы для успокоения калмыцких владельцев даны были грамоты к Дондук Омбе и к Петру Тайшину, как выше сего описано, в крепких терминах сочиненные и с угрозами, что ежели они с ханом Черен Дондуком и другими от них обиженными владельцами добровольно не примирятся и забраных от них улусов, пожитков и скота не возвратят, велено поступить с ними оружием, а к хану Черен Дондуку с прочими грамоты хотя написаны были с сожалением о приключенном им разорении, но при том, однако же, не скрыто от них и то, что причинивших им такое разорение Дондук Омбу и Петра Тайшина в таком случае, ежели они с ними не примирятся и улусов их не возвратят, велено принуждать к тому и оружием, что они могли прежде времени разгласить и в калмыцком народе.

Да и подлинные грамоты к Дондук Омбе и к Петру Тайшину, как выше написано, он, князь Барятинской, по прибытии своем в Царицын по силе инструкции своей должен был немедленно к ним отправить в такое время, когда уже улусы калмыцкие были на нагорной стороне Волги-реки, отчего

[43a] Сикурс — помощь, поддержка в бою. (*Примеч. ред.*)

также и от безвременного движения российских войск Дондук Омбо и другие, бывшие с ним в противности владельцы, потревожась и пришед в страх и отчаяние, на Кубань покочевали.

А ежели б при том случае даны были ему, князю Барятинскому, к тем владельцам калмыцким сверх вышеозначенных еще другие грамоты, которыми бы им повелевалось, чтоб они между собой по их прежним обвинениям примирились, объявляя при том, что для того он, князь Барятинской, нарочно от двора императорского к ним посланы, а те бы грамоты он, отправя к владельцам сам чрез тогдашнюю зиму и пока улусы калмыцкие для летования на луговую сторону перешли, побыл в Царицыне, переписываясь с ними и соглашаясь о месте, где быть съезду, а при том и движения войскам до будущего лета не делая, дабы безопаснее они на луговую сторону перейти могли, а между тем бы под рукой и внушением попам и зайсангам стараться было надобно, тако ж как и Остерман к покойному канцлеру графу Головкину писал: (только уже поздно) при Дондук Омбе бывших владельцев с улусами от него отклонять, а которые бы отстали, тех переводить или в Царицынскую линию, или за Дон, и тем его, Дондук Омбу, обессиливать, а ежели б сего последнего одержать и не удалось, а владельцы между собою не примирились, а чрез Волгу на луговую сторону перешли, в таком случае удобнее бы было отправить к ним и вышеписанные грамоты, в крепких терминах изображенные, между тем бы войскам регулярным и донским казакам приказать приближаться и переправляться в разных, однако между себя не в дальних местах чрез реку Волгу на луговую сторону, совокупляя при том и калмыцкие войска, к Дондук Омбе не приставшие, причем и при реке Яике собран быть мог корпус яицких казаков с их пушками, а от стороны Казанской губернии полками, на Черемшанских форпостах бывшими, сделать бы движения с присовокуплением ближних башкирцев и повсюду бы то разгласить, и тогда б все с ними, противными калмыками, что для здешних интересов надобно было, учинить было можно, да еще с меньшим убытком и изнурением людей, ибо противникам к Кубани за разлитием Волги-реки половодья бежать было невозможно, а за Яик идти поопаслися бы яицких казаков и башкирцев, а при таковых обстоятельствах забранные от хана улусы и сами бы стали от противных владельцев отставать и приходить к хану, к российским войскам, а хотя б некоторые из противников за Яик и продрались, но вслед за ними посылкою легких партий обеспокоивать их было невозможно, да и киргис-касаки по древней своей к калмыцкому пароду злобе и по природному к добыче лакомству и с своей стороны их в покое не оставили, так как они с Доржеем Назаровым поступили, чем бы к покорению принудить было можно, что все здесь предписано для будущих впредь случаев.

Да для того надобно необходимо степь, речки и озера, лежащие между рек Волги и Яика, от Самары до Каспийского моря, чрез нарочно посланных от Астрахани и Оренбурга осмотреть, описать и сочинить обстоятельную карту, ибо тем местам поныне описания еще не было. Так же потребно, когда время и случай додаст, описать степи, лежащие между Волги, Каспийского моря и

рек Терка, Кубани и Дону, ибо хотя море Каспийское и оные реки, кроме Кубани, и описаны, но степи, между ими находящиеся, поныне описать случай не допустил. И для того, кажется, невеликий бы убыток был содержать при находящейся в калмыцких улусах персоне одного искусного геодезиста с инструментами, который бы, будучи тамо во время кочеваний калмык на нагорной стороне Волги-реки, мог тамошнее местоположение осматривать и мало-помалу описывать, сводя оные с кабардинскою картою, и таким образом, кажется, чрез несколько лет можно получить и обстоятельную карту.

1732 года апреля 14 дня по определению Коллегии иностранных дел, а по присланному из Сената 22 марта указу, в грамоте калмыцкому хану Черен Дондуку писано, что по указу 1705 года велено российским подданным степным народам солью торговать промеж собою, а в великороссийские города и уезды никому, кроме казны, не продавать, и для того б и он, хан, в калмыцком народе объявил, чтоб они по тому прежнему указу солью торговали промеж собою, а в великороссийские города и уезды никому, кроме казны, не продавали, о чем в калмыцких улусах и публиковано.

Того ж 1732 года июня 30 дня, по именному Ее Императорского Величества словесному указу, в Коллегии иностранных дел записанному, и отправленною с того к князю Барятинскому грамотою, дана ему полная мочь Дондук Омбу с другими при нем владельцами добрым ли способом с Кубани призывать или принуждать его к возвращению оттуда и поисками, а при том велено ему взятый донскими и волжскими казаками, также калмыками, при поиске над противниками, скот весь отдать в награждение им за бытность их при нем, князе Барятинском, в походе, а людей не отдавать и, взяв у них, возвратить в улусы калмыцкие, что им, князем Барятинским, и учинено.

Того ж 1732 августа в 4 и 5 день были в собрании в Кабинете Ее Императорского Величества канцлер граф Гаврила Иванович Головкин, бывший генерал-фельдмаршал фон Миних, действительный тайный советник князь Дмитрий Михайлович Голицын, бывший вице-канцлер Остерман, действительные тайные советники князь Алексей Михайлович Черкаской и барон фон Миних и слушали.

1-е. Лист к Ее Императорскому Величеству от владельца Дондук Омбы, присланный к генералу-поручику графу Дугласу, бывшему тогда на Сулаке в крепости Святого Креста, с посыланным пред тем к нему, Дондук Омбе, для увещевания его от генерала-майора Еропкина полковником князь Эль Мурзою Черкаским.

2-е. Писем его ж, Дондук Омбы, и дербетева владельца Четеря к князю Барятинскому, от них писанных.

3-е. Письмо Бактагиреевых братьев — крымского Нурадын-солтана и кубанского Сераскер-солтана — к хану Черен Дондуку, присланное чрез посланцев их.

4-е. Записку дворянина Казанцова, посыланного от князя Барятинского к Дондук Омбе со увещевательным письмом о возвращении его к Волге.

5-е. Доношение князя Барятинского от 8 июля.

6-е. Ответный лист Каплан-Гирея, хана крымского, к генералу Вейзбаху, а от него сюда присланный при доношении его от 8 июня, которого содержание написано выше сего.

А в прочих писано: Дондук Омбо в листе своем к Ее Императорскому Величеству во всем себя оправдал, а винил хана Черен Дондука и прочих, в его партии бывших, а при том жаловался на князя Барятинского, что он ссору их не судом, по прежнему обыкновению, разбирал, но военною силою разогнал их врозь, отчего и он Дондук Омбо ушел на Кубань, и то учинил он не для того, чтоб не быть в подданстве у Ее Императорского Величества, но для того, что бояра, не допуская доношения его к Ее Императорскому Величеству, сами с братьями его нападали на него войною, а ежели Ее Императорское Величество изволит их примирить, то б Черен Дондук Петру Тайшину и прочим владельцам все взятые войною улусы возвратил, напротив чего и он, Дондук Омбо, людей его ему, Черен Дондуку, возвратит и, что в прежние их калмыцкие ссоры на обе стороны было отбирано, то и при сем случае отбирано да будет, а что тогда было не заплачено, то так же да останется, заключая тем, чтоб Ее Императорское Величество для уверения его, Дондук Омбы, повелела Петра Тайшина из-под караула свободить и улус его ему отдать и потом бы к нему, Дондук Омбе, приехал Черен Дондук или Дарма Бала или Галдан Данжин и прислан бы был к нему, Дондук Омбе, Ее Императорского Величества именной указ за рукою, желая напоследок, чтобы вскоре ему ответ на то учинен был, а ежели продолжится, то б ему, Дондук Омбе, чужим не учиниться.

В письме к князю Барятинскому писал он, Дондук Омбо, грубо и со многим нареканием, что он, князь Барятинской, не так в деле их поступил, как напредь сего бывало, а при том он, Дондук Омбо, похвалялся, что сколько б князь Барятинской ни хотел его доставать, только крымцы его, Дондук Омбу, не выдадут.

Дербетев владелец Четерь к нему ж, князю Барятинскому, писал, что он, Четерь, всегда Их Императорским Величествам служил верно и желает попрежнему кочевать на Волге, токмо опасается того, что зять его, Петр Тайшин, им, князем Барятинским, поиман и улус его разграблен.

Солтаны, Бактагиреевы братья, писали к хану Черен Дондуку, что Дондук Омбо сам пришел к ним в гости, а они его не подговаривали и не призывали, и советовали ему Черен Дондуку, чтоб он с ним, Дондук Омбою, примирился.

Дворянин Семен Казанцов — Дондук Омбу 8 июня нашел за вершиною реки Кубани на речке Инжике, где Дондук Омбо, по получении письма от князя Барятинского, говорил ему, Казанцову, то ж, что он сюда ко двору и к князю Барятинскому писал, обвиняя еще в происшедшей между ими ссоре ханшу Дарму Балу и Шакур-ламу, проговаривая при том, что и Доржи Назаров с ним, Дондук Омбою, был в согласии против хана Черен Дондука, а при драке

к нему на помощь не бывал, а отошел за Яик для того, чтоб ему собравшимися к нему из рассеяния ханскими и другими улусами завладеть вовсе.

А потом он, Дондук Омбо, брал его, Казанцова, с собою к Нурадын-солтану, который ему Казанцову при Дондук Омбе говорил, что князь Барятинской Дондук Омбе грозит, что где б он Дондук Омбо ни был, везде сыскан будет, а как он пришел к ним в гости, то ежели сам похочет назад идти, они его держать не будут, а ежели российские войска пойдут на него войною в их землю, то они станут его охранять, и что в таком случае война будет не с одним Дондук Омбою, но с турками и с ними — крымцами и кубанцами.

В тое ж его Казанцова у Нурадын-солтана бытность, увидя он, Казанцов, что кубанские татары калмык, за Дондук Омбою бывших, ненавидят, и из кошей своих выгоняли и били палками, спросил их, для чего б они то делали, на что кубанцы ему сказали, что на одном острове волк с овцою ужиться не могут; в тамошнюю ж его, Казанцова, бытность Дондук Омбо из захваченных им калмыцких улусов сбирал мальчиков и девок для подарения оного солтана. А как Нурадын-солтан приезжал к нему, Дондук Омбе, то он встречал его за две версты от своих улусов, а чрез столько же расстояние и назад его провожал. В бытность же у него того солтана, приезжавших за ним татар Дондук-Омбины калмыки потчивали мясом и молоком, но из них многие ничего не ели и не пили, а выливали на землю, называя калмык гяурами. Он же, Казанцов, посылал в кубанские коши бывших при нем с Волги в конвое калмык для разведывания, которым Бактагиреев брат Арслан Гирей-солтан говорил, что он прежней дружбы с Черен Дондуком забыть не может, а Дондук Омбе они очень не рады.

Князь Барятинской представлял, что ежели по желанию Дондук Омбы Петра Тайшина свободить и ему, брату его Бату и племяннику их Чидану, также и хошоутову владельцу Дондуку, яко в противности бывшим, улусы их отдать,— то, без сомнения, как он Дондук Омбо, так и прочие станут думать, что то учинено, якобы боясь его — Дондук Омбы, и потом видя оное, не только помянутые противники Петр Тайшин с товарищи, но и другие владельцы и зайсанги, которые и так хана мало почитают и не слушают, могут более его, Дондук Омбы, держаться и слушать, а определенного от Ее Императорского Величества хана своего Черен Дондука весьма оставят и всячески опровергать его, хана, тщиться и пакости ему чинить будут, из чего может последовать немалая противность Ее Императорского Величества интересам. Ибо и Шакур-лама, в бытность у него князя Барятинского, в разговорах дал знать, что ежели Дондук Омбу, по его требованию, удовольствовать, то калмыки могут мыслить, что то россияне учинили, боясь его, Дондук Омбы, почему он и ханом сделаться может без воли Ее Императорского Величества. Заключая он, князь Барятинской, то свое доношение тем, что он уже поистине не знает, что ему с таким ветреным и неспокойным калмыцким народом делать, ибо ради легкомыслия их к доброму согласию никакими мерами привести не можно, и все его полезные им представления и посредства служить не могут.

И по выслушании всех тех дел собравшиеся в Кабинет рассудили учинить следующее.

1-е. О всем том, а особливо о обращениях калмыцкого владельца Дондук Омбы, который уже вступил за Кубань в границы турецкие, и что хан крымский и тамошние кубанские солтаны и управители объявляют, что они его отослать не могут и за него стоять и его охранять будут, дать знать резиденту Неплюеву, дабы он Порте учинил о том надлежащие представления, показуя, что то чинится весьма противно вечного мира, учиненного между обеими империями, по которому таким противникам протекции дать не надлежит, наипаче же недавно учиненному от них ему, резиденту, обнадеживанию, что они их, калмык, отнюдь в свои границы не примут и что о том и указы султанские к хану крымскому отправили, но что ныне, насупротив того, видно, что не токмо по тем указам султанским их в границы не принимать, но и явственно объявляют, что их и оборонять и защищать хотят, и для того б он, резидент, Порте о всем том явственно представил, сколь то противно вечному миру, который с российской стороны весьма ненарушимо содержится. И для того и генерал с отправленным, ради усмирения тех калмык, войском за ними, калмыками, далее не шел, но остановился не для какой иной причины, только чтоб недоброжелательные к ненарушимому содержанию вечного мира и дружбы между обеими империями не имели случай то в противность толковать, ибо и без того Блистательной Порте известно, что без нарушения и повреждения дружбы неприятеля своего искать везде позволено, и ежели Порта сии поступки не апробует, то б немедленно, как к хану крымскому, так и к тем кубанским управителям такие именные указы отправила и в прочем такие сильные учреждения учинила, дабы тем противникам нигде в турецком владении протекции не дано, но высланы были; и ежели то Порта исполнит, то явный знак покажет своей дружбы и содержания трактата, а ежели б она Порта, паче чаяния, объявила, что по закону своему выслать тех противников-калмык не может, то объявить, чтоб она тогда за противно не приняла, ежели сами тех противников-калмык искать станем, и чтоб наипаче и к прочим управителям надлежащие крепкие указы послали, чтоб они за них тогда никак не вступались и оных в таком случае не защищали, а войскам российским тогда повелено и накрепко заказано будет их подданным никакой обиды и разорения не чинить.

Ему ж, резиденту, дать знать, что бывший у Дондук Омбы дворянин Казанцов объявил в доезде своем, что ни солтаны, ни кубанцы не довольны приходом его Дондук-Омбиным, тако ж и калмык весьма не любят и называют их гяурами, и они сами калмыки тамошним житьем скучают, и тако чаять можно, что Порта если прямо хочет мир содержать, их, калмык, сама похочет с рук своих сдать и к тому довольные способы найдет; и что тамо у него произойдет, и о том бы без умедления сюда доносил, дабы с ним, Дондук Омбою, и прочими противными калмыками по тому поступлено быть могло. Тако ж и то ему, резиденту, дать знать, что между тем его. Дондук Омбу, к возвращению к Волге обещанием монаршеской милости склонять оставлено не будет, а ежели он не возвратится, а от Порты позволение дастся его самим сыскивать, то потребные к тому войска предуготовлены будут.

2-е. Владельца Дондук Омбу сколько возможно к добровольному возвращению склонять лаской, хотя и грамоту к нему отправить со обнадеживанием Ее Императорского Величества милости и в противностях его прощения, ежели он со всеми своими улусами по-прежнему к Волге на кочевье возвратится и в надлежащем послушании спокойно жить станет. И в той грамоте написать и то, что по возвращении его Ее Императорское Величество в происшедших между ними с ханом Черен Дондуком ссорах повелит учинить справедливый суд и их всех примирить, ибо Ее Императорское Величество, милосердуя об них, яко о подданных своих, не хочет того видеть, чтоб кому от кого какая обида учинена была, но токмо жили б под охранением и защитою Ее Императорского Величества в покое и между собою в согласии. И ту Ее Императорского Величества грамоту к нему, Дондук Омбе, послать к генерал-поручику Дугласу и к нему писать, что та грамота посылается за государственною печатью, а не подписана рукою, понеже Ее Императорское Величество никогда не токмо к ним, но и к азиатским государям, ни к султану, ни к персицкому шаху не подписывает. И с полученного листа Дондук Омбы, к Ее Императорскому Величеству писанного, и с грамоты Ее Императорского Величества, отправленной к Дондук Омбе, сообщить к нему копии, дабы он по получении тоя грамоты послал оную к нему, Дондук Омбе, с нарочно посланным, при котором бы не худо, ради лучшего их склонения, ехал и Бекович полковник, и наказать им, дабы они, прибыв к нему Дондук Омбе и по подании той грамоты, изустно обнадежили его, Дондук Омбу, по содержанию той Ее Императорского Величества грамоты милостию и прощением. У Петра Тайшина и у других задержанных владельцев рассуждено: стараться взять к нему, Дондук Омбе, письма, в которых бы они писали о своей продерзости и что, несмотря на то, Ее Императорского Величества милость и милосердие им объявлены и что только совершенная их свобода зависит от его Дондук Омбы возвращения, понеже он сам рассудить может, что пока он не возвратится, то и им, яко его единомысленным, свободу дать неприлично. И понеже Ее Императорское Величество указала, по своему милосердию, ссоры их розыскать по сущей справедливости и обещает их содержать в неотменной своей высочайшей протекции и милости, того б ради и он возвратился, надеясь на всещедрую Ее Императорского Величества милость и прощение. И те письма велеть у них генералу-поручику князю Барятинскому взяв, отослать к Дугласу, чтоб он отправил с вышеозначенными, кого пошлет, к нему — Дондук Омбе. Но ежели он Дондук Омбо тех увещеваний того нарочно посланного и Бековича не примет и весьма возвратиться не намерится, то тому посланному в таком случае велеть другим при нем владельцам и его зайсангам и подлым[44] калмыкам искусно и тайно внушать, что они сами видеть могут, какое им тамо обитание и неудобство, и что лишаются так жизненного и

[44] Подлые — неродовитые, низшего сословия. (*Примеч. ред.*)

удовольствительного места от Волги, а что далее зайдут, то еще и пуще им хуже будет, и они б рассудили, где им быть лучше; и для того б, оставя его, Дондук Омбу, возвращались на прежнее свое жилище к Волге, где приняты и вины им отпущены будут и ничего над ними чинено быть не имеет, понеже они ушли не собою, но завели их владельцы поневоле, в чем бы были благонадежны на милость Ее Императорского Величества и возвращались.

3-е. Ежели Дондук Омбо добрым способом к возвращению к Волге не склонится, то взять потребные меры, чтоб и силою оного взять, обождав от резидента Неплюева из Царьграда известия, какую резолюцию Порта в том по его представлению восприимет, а между тем предуготовиться, что ежели Порта позволит с ними самим управляться, чтоб идти на них и от Дону, и от крепости Святого Креста.

4-е. Тако ж потребно предосторожность иметь ради оставшихся калмык при хане Черен Дондуке и других владельцах, чтоб они еще ныне, а особливо зимою, с теми противниками соединиться не могли, или б те противники на них внезапного нападения не учинили, и для того рассуждается, дабы генерал-поручик, князь Барятинской, постарался хана и прочих при нем владельцев склонить, чтоб они ради безопасности еще ныне же перешли кочевать на луговую сторону и как нынешнее все лето, так бы и будущую зиму тамо кочевали, а если из мелких владельцев тому кто будет противиться, тех бы и понудил, что и прочее все предать на его, князя Барятинского, рассуждение, чтоб чинил, смотря по тамошнему состоянию и их обращениям, понеже, не видя тамошних их обращений, заочно аккуратно о всем к нему писать и наставить его невозможно. И для того сообщить ему с сего определения копию.

То министерское рассуждение Ее Величество блаженные памяти Государыня Императрица Анна Иоанновна слушать и апробовать соизволила 7 того ж августа.

И потому отправлены указы в Константинополь к резиденту Неплюеву, к генералам-поручикам — князю Барятинскому и графу Дугласу — и грамота к Дондук Омбе и из оных последние две пиесы посланы на руки к князю ж Барятинскому, которому велено взять к Дондук Омбе письма от Петра Тайшина, от Лоузанг Шуны и от жены его, а Дондук-Омбиной дочери Черен Балзаны, и оные с грамотою к Дондук Омбе, а при том и указ к графу Дугласу, отправить в крепость Святого Креста и от себя писать, чтоб он, Дуглас, все то послал и к Дондук Омбе с нарочными.

По отъезде дворянина Семена Казанцова с Кубани, Дондук Омбо с улусами кочевал между той реки Кубани и города Азова на шести речках, в Азовское море впадающих, в расстоянии от Азова два дня езды и в степи по рекам трем Загерликам и Калаусу, в реку Маныч впадающим, также по Манычу и по вершине реки Кумы и по урочищам Домбой-Тюп и Джилан-Кецо, переходя с места на место, причем улусные калмыки претерпевали в содержании своем крайнюю нужду, ибо по тесноте тамошних мест и за недовольными водами скота их много померло, а и остальной отощал, и для того они довольного молока не имели, а рыбы там и совсем не было, и так убогие принуждены были

с голоду детей своих кубанским татарам продавать, а у них покупать просо и тем питаться, а иные вырывали разные травяные коренья и, высуша, оные в пищу употребляли. А сверх того кубанские татары часто у них крали лошадей и скот, а иногда и насильно отнимали, да и из гор черкесы, подъезжая под улусы их, также отгоняли лошадей и людей увозили, и тем причиняли им великое беспокойство.

И для того Дондук Омбо домогался у хана крымского и у азовского паши о перепуске его чрез Дон на крымскую сторону, но паша в том ему отказал, а хан крымский присылал к нему, Дондук Омбе, с требованием, чтоб он имеющихся в улусах его татар, называемых томут, отдал в Крым и дал бы ему, хану крымскому, калмыцких сто мальчиков и сто девок; и на то он, Дондук Омбо, ответствовал, что ему оных татар отдать не сходственно и весьма обидно, ибо те татары у него в улусе издавна живут, а калмыцких мальчиков и девок, буде он хан требует во образ дани или в аманаты, он Дондук Омбо потому ж не даст, а ежели по дружбе, то примет в рассуждение. А после того чрез месяц хан крымский писал к нему, Дондук Омбе, чтоб он за Дон на Крымскую сторону не переходил и перепущен не будет.

На калмыцком и на татарском языке слово единственное — ''тума'', а множественное ''томут'', на российском языке надобно разуметь рожденных из двух разных народов людей, как и вышеписанных томуцких татар предки зашли издавна из киргис-касак и башкирцев в калмыцкие улусы и поженились на калмычках, отчего оные татары и произошли, и названы томутами, и хотя они так, как калмыки, шапки носили с красными кистями, но закон содержали: иные магометанский, а иные идолопоклоннический, по оба несовершенно, а говорили по-калмыцки и по-татарски и были во владении у среднего хана Аюки сына Гунжепа, а по смерти его достались большему его сыну Дондук Омбе и с ним бегали на Кубань. У тех томутов старшина был, именуемый Кусеп, которого Дондук Омбо, по женитьбе своей на кабардинке Джане, употреблял при себе для умерщвления калмыцких нойонов и зайсангов, да и прочих томутов содержал при своем доме для охранения своего здоровья и додавал им случай обогащаться, почему оные у всех калмык были в ненависти. Дербетева улуса, тогда при Кубани с Дондук Омбою бывшего, зайсанги и улусные калмыки желали, как бы от него, Дондук Омбы, отстать и возвратиться к Волге, но понеже владелец их Четерь был уже стар и болен, и тот свой улус поручил сыну свему Гунге Дорже, который Дондук Омбе был зять, и весьма был ему предан, то хотя оный улус его, изобрав удобное время, и покочевал было к Дону, но Четерев сын Гунга, уведав о том, с Дондук-Омбиными калмыками и с кубанскими татарами, догнав их, паки возвратил к Кубани.

Того ж года Дондук-Омбиными партиями взято в полон из донских казаков посыланных в партии к их улусам — 6, из-под города Черного Яра — 5, с почтовых трех станов — 8 и из донских городов — 35, итого 54 человека, до смерти побито 5 человек, кроме безвестно на Волге пропавших, и сверх того из-под разных мест отогнато лошадей немалое число.

В том же 1732 году крестилось из калмык дербетева улуса, бывших при городе Дмитриевску, по их желаниям, мужеска и женска пола 197 человек, которые, по определению князя Барятинского, оставлены были жить по-прежнему при Дмитриевску.

Вскоре после того владелица — Дасангова жена — вдова Солом и владелец Дондук Даши чрез посланцев своих, между другим, писали сюда ко двору об отдаче им крещеных калмык возвратно, и чтоб впредь крестить запретить. И на то, по определению Коллегии, 21 марта к владелице Соломе канцелярским письмом, а к Дондук Даше грамотою ответствовано, что сего учинить невозможно и по шертовальным записям: Аюка-хан и калмыцкие владельцы обязались отнюдь сего не требовать и не бить челом.

Между тем бывший при турецком дворе резидент господин Неплюев о высылке Дондук Омбы с его улусами из земель хана крымского у Порты домогался, на что ему 1 ноября 1732 года от реиз-эфендия в конфедерации дано было обнадеживание, что о том к хану крымскому будет писано в такой силе, чтоб он их, калмык, высылал. Но он Неплюев сюда представлял, что не надеется он, дабы хан крымский силою и руками их, калмык, отдал, ежели сами к возвращению не склонятся, ибо он, хан, и Порте ушедших от нее руками не отдает, разве в важных делах случающихся у себя под другими претекстами умерщвляет. И что при всем том министерство[45] такого состояния, что не то говорят, что внутрь мыслят или к подчиненным своим пишут.

А потом он же Неплюев, будучи уведомлен из крепости Святого Креста от генерала-поручика графа Дугласа о приближении оного Дондук Омбы со всеми обретающимися при нем калмыками при Нурадын-султане к Кабарде, и еще Порте Оттоманской 17 ноября представлял с требованием посылки вторичных к хану крымскому о Дондук Омбе указов. И реиз-эфендии ему объявил, что хан крымский к Порте писал, что он Дондук Омбу вышлет, обнадеживая при том он, реиз-эфендии, именем везирским, и еще о скорой посылке к нему, хану, указа, чтоб он подлинно того Дондук Омбу со всеми калмыками как наискорее из своих владений выслал.

Граф Дуглас по получении от князя Барятинского вышеписанной грамоты, по держанному совету с прибывшим тогда из персицких провинций генералом господином Левашовым и генерал-майором Еропкиным, не отправляя той грамоты, послал наперед к Дондук Омбе нарочных: узденя майора Расланбека Шейдякова, двоих окоченских татар и присланного от князя Барятинского Черен-Дондукова калмыка Манжи Джалчина с письмом своим, чтоб он, Дондук Омбо, для принятия той грамоты прислал кого от себя из знатных своих людей.

И оные посланные нашли Дондук Омбу на речке Калаусе, и Дондук Омбо держал их при себе 51 день под караулом, дабы они ни с кем сообщения не имели, признавая их за шпионов, и, призывая их к себе, расспрашивал их о том

---

[45] Речь идет о турецком управлении.

порознь с угрозами пытать и жечь огнем. А между тем рассылал в разные стороны партии для взятья языков, чтоб чрез оных уведомиться, нет ли где вблизости в собрании российских войск,— которые, возвратясь, привезли от Сулаку пойманных в степи драгун 7 человек, в том числе одного раненого, которых Дондук Омбо также порознь расспрашивал, и как чрез оных уверился, что российское войско на него не собирается, то напоследок тех из крепости Святого Креста посыланных отпустил, а при них отправил в крепость Святого Креста и своих калмык 6 человек, из которых один, хотя и назван от него знатным, но, по признанию вышепомянутого калмыка Манжи Джалчина, был из рядовых. А при том он, Дондук Омбо, тем из крепости Святого Креста присыланным приказывал российскому командиру донести, чтоб посланных его Дондук-Омбиных немедленно возвратили, говоря, что до возвращения их он и означенных пойманных драгун не свободит; и те посланные возвратились в крепость Святого Креста по отбытии уже оттуда графа Дугласа 19 февраля 1733 года.

В исходе 1732 года хан Черен Дондук, пересылаяся с Дондук Омбою, посылал к крымскому хану своих посланцев, прося его о примирении их; напротиву того весною 1733 года были у хана Черен Дондука посланцы от Дондук Омбы и от хана крымского, которых комиссия, как Черен Дондук князю Барятинскому знать дал, состояла в том, каким бы образом его, Черен Дондука, с Дондук Омбою примирить было можно. И хотя князь Барятинской от хана Черен Дондука и требовал о присылке тех посланцев к себе, дабы из разговоров с ними лучше о комиссии их наведаться, но Черен Дондук, хотя тогда в крайнем бессилии был и к восстановлению себя, кроме России, иной никакой надежды не имел,— за разными отговорками оных посланцев к князю Барятинскому не прислал; а потом от калмык открылось, что те посланцы от хана крымского и от Дондук Омбы у хана Черен Дондука были с таким представлением, чтоб он, Черен Дондук, с Дондук Омбою примирились не чрез россиян, но сами собою, что будет им в похвалу, а ежели будут они мириться чрез россиян, то будет им в бесславие, будто они к тому приведены от россиян неволею, и что Дондук Омбо того года, как река Волга покроется льдом, прикочует к Волге, куда б и Черен Дондук прикочевал, где они и примириться могут, только б русских отнюдь никого при том не было.

Того ж 1733 года марта от 22 дня князь Барятинской в Коллегию представлял, что когда Дондук Омбо за какими-либо своими затруднениями по грамоте к Волге не возвратится и будет кочевье свое продолжать около Кубани и Азова, то, по его, князя Барятинского, рассуждению, к возвращению его, Дондук Омбы, к Волге изобретается такой способ: чтоб дать волю донским казакам и с ханской стороны калмыкам ездить под улусы оного Дондука Омбы и других его согласников сильными партиями и брать людей и отгонять скот себе в пожиток за труды, и тем показать им, казакам и калмыкам, поманку к прилежной охоте их противников непрестанно утруждать и в разорение приводить, и от того, может быть, они, противники, придут в бессилие и скудость и скорее склонятся идти к Волге, чего он, Барятинской, без указа и

за отправленною к Дондук Омбе грамотою чинить не смеет. Что же бы на него, Дондук Омбу, посылать регулярное войско, то за дальними безводными и в прочем во всем неудобными местами весьма многотрудно и убыточно как в лошадях, так и в людях быть может.

В марте месяце господин Левашов присыланных в крепость Святого Креста Дондук-Омбиных калмык отпустил и вышеписанную грамоту отправил к нему, Дондук Омбе, с полковником князь Эль-Мурзою Черкаским да капитаном Коковцевым, которому та грамота собственно и поручена была. Причем он, господин Левашов, и от себя к Дондук Омбе писал, внушая ему, между другим, чтоб он, Дондук Омбо, принял тое грамоту со всяким почтением.

А в инструкции князю Эль-Мурзе Черкаскому и капитану Коковцеву предписал накрепко наблюдать, чтоб он, Дондук Омбо, не захотел той грамоты принять горделивым образом, но принял бы сам, встав с места своего, в чем бы они, князь Черкаской и Коковцев, поступили со всякою предосторожностию, а на словах им приказывал, чтоб они в таком случае, ежели б Дондук Омбо инаково принять оную похотел, оной бы ему и не отдавали.

Вследствие того полковник князь Черкаской и капитан Коковцев, по прибытии на реку Куму и не доезжая до него, Дондук Омбы, который находился тогда при речке Загерлике, посылали к нему наперед нарочных со объявлением, что они едут к нему с грамотою и чтоб он для почтения той грамоты выслал к ним от себя встречу. Но Дондук Омбо в том им отказал, говоря, чтоб они ехали к нему прямо, ибо находящийся при них его, Дондук-Омбин, посланец дорогу знает, что они и учинили. И Дондук Омбо присылал потом к ним зайсанга своего с назначением времени, когда он, Дондук Омбо, допустить их к себе намерен. А как оному зайсангу князь Черкаской и Коковцев дали, между другим, знать, коим образом имеют они приказ, дабы тое грамоту Дондук Омбо принял у них с почтением, стоя, а инаково оной и отдавать им не велено, то сей зайсанг, возвратясь от Дондук Омбы, такой от него ответ им привез, что с начала прихода их к Волге дед и отец его, Дондук-Омбин, и сам он Дондук Омбо такие грамоты принимал всегда сидя, а такого обычая, чтоб принимать стоя, не было, разве ему, Дондук Омбе, оную грамоту стоя принять для того, что он на Кубани, а не у Волги, но он Дондук Омбо прежнего обычая не переменит и грамоты стоя принимать не будет, а ежели той грамоты, сидящему, ему не отдадут, то б ехали возвратно на Сулак, говоря и то, что бумага делана и писана человеческими руками, а впрочем ему никакой в ней нужды нет.

И хотя в бытность их у него, Дондук Омбы, пока вышеписанного спору о грамоте не было, присылал он им на пищу баранов, но как оный произошел, то не токмо корму им не давал, но и в улусах его накрепко запретил, дабы им ничего и ни по какой цене не продавали, да и приезжающих к нему в улусы с съестными припасами татар за то, что оные им продавали, бить приказал. И так им, князю Черкаскому и Коковцеву, более при нем, Дондук Омбе, продолжаться и к команде на Сулак о той грамоте описываться и калмыкам повеленного внушать было невозможно, почему и принуждены возвратиться

и не видевшись с Дондук Омбою, ибо он их без грамоты и к себе не допустил, да и вышеписанных драгун 7 человек, при Сулаке калмыками его пойманных, не свободил...

При сем месте сочинителю сего статскому советнику Бакунину за благо рассудилось приметить о гордости калмыцких владельцев, ссылаясь на вышеозначенные поступки хана Черен Дондука о неприсылке к князю Барятинскому крымских посланцев и о неприеме Дондук Омбою стоя на ногах давно желаемой им императорской милостивой грамоты, и потом само собою оказывается, что Аюка в 1677 и в 1684 годах сочиненные на российском языке шертовальные записи подписал, не ведая, что в них между другим написано: первое, чтоб присылаемых к нему из Крыма и из иных мест посланцев по востребованию присылать к Москве или в Астрахань, другое, чтоб присылаемые с Москвы Великого Государя грамоты принимать ему, Аюке, встав и сняв шапку, что доказывается и следующим.

1-е. Ежели б Аюка то формально обещал, то надобно, чтоб он первое и другое хотя б однажды когда сделал, почему бы и наследники его в том затруднение уже не чинили, ибо у них что однажды в обычай войдет, вдругорядь склонить их к тому всегда легче первого бывает.

2-е. Чтоб Аюка когда-нибудь и из каких-либо посланцев, к нему Аюке присланных, в здешнюю сторону выдал или прислал, того статский советник Бакунин, хотя по коллежским и в Астрахани по губернским делам довольно искал, но нигде того сыскать не мог, а что Аюкин отец Пунцук, а понеже и сам Аюка выдали в здешнюю сторону родственников своих владельцев Джалгу, Дугара и Череня — и сие учинили не по шертовальным записям, но для собственной их пользы, чему и наследники их в нынешнем 18 веке последовали, как о том ниже сего означено будет.

3-е. Ему, статскому советнику, случилось 1720 года в Астрахани в старых делах читать доезд одного тамошнего дворянина или толмача, посыланного из Астрахани к Аюке с грамотою, из Москвы присланною, в том доезде, хотя и написано, будто Аюка принял тою грамоту, встав на ноги и сняв шапку, но тому верить нельзя, для того что незадолго пред тем Волынской посылан от здешнего двора к шаху персицкому посланником, причем из Посольского приказа дана ему копия с журнала астраханского дьяка Василья Кучюкова, напредь того у шаха также посланником бывшего, в той копии с журнала написано, будто он, Кучюков, к шаху на аудиенцию допущен был в сабле, почему и Волынской у шахова двора требовал, чтобы он на аудиенцию допущен был в шпаге, ссылаясь на прежние обычаи, но на то в ответ от министров слышал, что никогда и никто из послов и посланцев к шаху на аудиенцию не токмо в сабле, но и с кинжалом допущен не был, наконец по усильному его домогательству допущен он был в малом кортике, который не более ножа был.

Но что принадлежит до калмык, то они по обыкновению своему при ханах и нойонах своих всегда бывают в шапках и при присутствии их в рассуждении должного им почтения никто шапки с себя снять не может, только ханы и нойоны при своих подданных, когда захотят, шапки с себя снимают.

Ему ж, Бакунину, видеть случилось в бытность его в 1721 году при хане Аюке, во время перекочевки оного с улусом с места на место, когда в летнее теплое время пошел дождь волной, тогда хан Аюка едучи верхом, сняв с себя шапку, отдал калмыку, а бывшие при нем калмыки остались в шапках, и как ему Бакунину то показалось удивительно, он, едучи подле его, спросил, для чего б он так себя беспокоил, на что Аюка сказал ему, что он сие делает не для того, чтоб шапки жалел, но для того, дабы ниспосылаемая чрез дождь, по его мнению, с небес благодать чувствительным образом тела его касалась, что подтверждает и то, что хотя все калмыки, как ниже сего в своем месте означено будет, в то время, когда получаемые от Далай-ламы грамоты кладутся им чрез их духовных на головы, тогда они шапки снимают, но сие чинят не для почтения Далай-ламе, но для того, дабы по их суеверию содержащаяся в Далай-ламиной грамоте святыня также чувствительным образом телу их прикоснулась.

В феврале месяце ушел с Волги к Дондук Омбе в двухстах кибитках владелец — Аюкин внук, Чакдоржапов сын, а умершего напоследи в Пруссии владельца Леванга отец — Данжин Доржи, а большую половину улуса его оторвал и на луговую сторону возвратил зайсанг его Ман Хаджи, в том его противном намерении последовать ему не пожелавший.

И хотя содержаны были, по определению князя Барятинского, из драгун и солдат немалые команды на Енотаевском острове и в Ахтубинском и выше Астрахани селитреных городках, а в Черном Яру и по целому полку, а в летнее время 1732 и 1733 гг. учреждены были разъезды в лодках, чтоб Дондук Омбо на ханские улусы нападения чинить и от хана к нему улусы калмыцкие бегать не могли, но оного владельца Данжин Доржи, на великом между себя расстоянии, устеречь не могли.

Приходом оного владельца Данжин Доржи, как полковник князь Эль-Мурза Черкаской приметил, Дондук Омбо вящще возмерился, уведомясь от того владельца, что хан с прочими, кочуя в тогдашнюю зиму на луговой стороне Волги, пришли в крайнее изнеможение, что и в самом деле было, ибо от великих морозов и глубоких снегов скот почти весь у них попадал, а и оставший весьма отощал, чем пользуясь, Дондук Омбо разные свои партии на Волгу под ханские улусы отважнее посылал, и возымел пересылку и с Доржею Назаровым, склоняя его, дабы им, со обеих сторон пришед, воевать улусы ханские и между собою соединяться.

Он же Дондук Омбо о здешних намерениях и движениях войск известия получал от кабардинских владельцев — его шурьев, а при том, как выше написано, чрез взятье языков из российских воинских и других людей.

Дондук Омбо, по отъезде от него полковника князя Эль-Мурзы Черкаского, прислал на Дон в крепость Святые Анны к генералу-майору господину Шувалову лист на имя Ее Императорского Величества с одним из взятых в полон донским казаком, прося его, господина Шувалова, об отправлении того листа ко двору Ее Императорского Величества.

Оным листом Дондук Омбо, оправдая себя во всем, повторял прежние свои

требования, а о посыланной к нему с князем Эль-Мурзою Черкаским грамоте писал, что оную не принял затем, что те посланные, показав ему ту грамоту, приказывали, в противность прежнего обыкновения, дабы он ту грамоту, встретя их и стоя, принял. Но он Дондук Омбо сказал им на то, что к деду его, хану Аюке, многажды грамоты приходили, а такого обыкновения не бывало, итак, ежели они ту грамоту отдадут ему по прежнему обыкновению, он принять готов, но те посланные, не отдавая ее, возвратно от него уехали, и что будто наиредь сего россияне в посредство между ими калмыками не вступали, а мирились калмыки между себя сами собою, и хотя ныне он Дондук Омбо и в турецком владении находится, но ежели соизволено будет на его требования поступить, то он к Волге возвратится и захваченных калмыками его россиян отдаст.

Понеже отпущенные в 1729 году калмыцкие посланцы Намки Гелень с товарищи отправленного с ними от сибирского губернатора дворянина и толмача, как уже выше упомянуто, с китайской границы с собою не взяли и от себя возвратили в Сибирь, а сами чрез Пекин поехали к Далай-ламе, и из свиты своей Цой Гецюля с тремя товарищами оный Намки Гелень, по представлению их в Пекине богдохану, отпустил с китайскими послами, отправленными для возбуждения Черен Дондука со всеми калмыками к войне на зенгорцев, но те китайские послы, по посланному отсюда указу, в калмыцкие улусы не пропущены; а калмыки Цой Гецюль с товарищи, по многим у китайских послов домогательствам и им калмыкам чиненным увещаниям, едва в российскую границу вступили, а по прибытии в Тобольск оные калмыки по вопросу сказали, будто писем и словесного приказу от их калмыцкого хана к китайскому богдохану и к тамошнему правительству не имели и при отпуске их из Пекина от двора китайского к их калмыцкому хану с ними письменного и словесного приказу никакого не имеют, токмо посланы были от богдохана с ними к их калмыцкому хану и к другим калмыцким владельцам послы китайские те, кои возвращены с границы, а их, калмык, при оных китайских послах из Пекина Намки Гелень отправил к хану Черен Дондуку, будто для известия, потому что при отпуске их из улусов приказывал им Черен Дондук, которою дорогою они от здешней границы поедут и с какою от кого честию приняты будут, чтоб наперед прислать из них кого с известием, и потому принято здесь о них подозрение.

И для того, по определению Коллегии, 9 февраля 1733 года указом, отправленным к генералу-поручику князю Барятинскому, велено у тех калмыцких посланцев Цой Гецюля с товарищи четырех человек в Царицыне имеющиеся у них письма отобрать и перевесть, нет ли в них чего противного здешним интересам, и тех посланцев в надлежащем допросить и, ежели что противное окажется, держать их под караулом, и если чего противного не явится, отпустить их в калмыцкие улусы.

И потому у оных посланцев по привозе их в Царицын в июне месяце князем Барятинским письма отобраны и некоторые переведены, и сами они допрашиваны. И по рассмотрении всего того явилось, что к владельцу Дорже Назарову

посланец его Шарап Данжин писал, объявляя полученную от богдохана резолюцию о приуготовлении степного пути и что тамо же ханши Дармы Балы посланец Намки Гелень, уничтожая Черен Дондука, представлял на ханство достойным брата его Галдан Данжина. А в допросе товарищ оного Доржина посланца Шарап Данжина — Цой Телей, с которым оное к Дорже письмо отправлено, показал, что о приготовлении пути писано якобы в ту силу, чтоб при наступлении войною на зенгорцев китайской армии и они калмыки с своей стороны всеми своими силами чинили на них нападении, дабы их совсем разорить, и чрез то им, калмыкам, учинить себе свободный путь к Далай-ламе прямо степью. А о Черен Дондуке он, Цой Телей, показал, что посланец Намки Гелень в Пекине в разговорах с китайским заргучеем его, Черен Дондука, достоинством ханским не почитал и предлагал, что у них ханы бывают по определению Далай-ламы, а Черен Дондук не хан, и никто его в ханы не ставил, напротив чего Доржин посланец Шарап Данжин вызывался, что кроме Черен Дондука другому у них в ханах быть некому, ибо он, Черен Дондук,— Аюки-хана большой сын, и ханскую должность правит он, а не иной кто. Они же все четверо показали, что, по бывшей им у богдохана китайского аудиенции, дано всем им калмыцким посланцам от богдохана жалованья по сто ланов серебра и по 20 косяков камок каждому, да сверх того, особливо главным из них двум Намки Гелену и Батур Омбе, дано по 13 косяков камок же.

И оные калмыцкие посланцы до указу отправлены были князем Барятинским в город Борисоглебск и велено их тамо содержать под караулом.

Того ж 1733 года в июне месяце Дондук-Омбины партии нападали между Черным Яром и Царицыным на обоз генерала Левашова и на следующих из низового корпуса офицеров, причем убили одного прапорщика, драгун двух, казаков донских двух, татар астраханских двух и одного служителя офицерского, да ранили одного прапорщика, драгун и казаков 7 человек и взяли несколько лошадей с седлами, да еще взяли ниже линии и недалеко от города Царицына двух человек донских казаков и десять лошадей, да двух же человек ранили.

Того ж 1733 года владелец Дoржи Назаров, чрез посланца своего сюда донося о примирении его с ханом Черен Дондуком и с другими его партии владельцами, просил об отпуске к нему пороху и свинцу.

И по определению Коллегии июля 26 дня отправленными к нему Дорже и сыну его Лубже грамотами такое их примирение похвалено и послано к ним Ее Императорского Величества жалованья товарами Дорже на 200, а сыну его на 100 рублей, а о порохе и свинце сослано на указ, к астраханскому губернатору посланный, а в том указе писано, чтоб он, губернатор, при случае о том их прошения вовсе им не отказывал, а объявлял какие пристойные отговорки и на то время невозможности, подавая впредь в том надежду; когда же он, губернатор, прямо усмотрит в том какую потребность и что то необходимо дать им надобно, а именно: ежели будет на них сильное наступление от киргис-касак или от противника Дондук Омбы, и для подобных тому случаев дать ему, Дорже, из Астрахани пороху и свинцу по небольшому

числу по его астраханского губернатора рассуждению и по усмотрению тогдашних дел, о чем и после того в разные времена по прошениям других владельцев таковые ж указы посланы.

Того ж 1733 года князю Барятинскому от Доржи Назарова и от сына его Лубжи принесены жалобы, что по возвращении их из-за Яика причинены им со стороны ханской и других его партии владельцев, а особливо от Лекбея, следующие обиды: из улусов Доржи Назарова и братей его отогнато лошадей — 26250, верблюдов — 3250, коров — 800, овец — 8000, разорено 17 аймаков, взято 250 кибиток, побито до смерти мужеска и женска пола 76 человек, померло и пропало — 200, взято панцирей — 12 да ружей — 20, а прочих пожитков и исчислить невозможно.

При чем при всем он Доржи Назаров писал к князю Барятинскому, что сколько принадлежит в сем случае до ханских и Шакур-ламиных калмык, оные, может быть, такое воровство чинят во отмщение того, что и его Доржины калмыки обиды им чинили, в чем он Доржа надеется с ханом и с Шакур-ламою развестись добродетельно, но Лекбей без всякой причины его, Доржу, тем обидел и разорил.

Сын его Доржин Лубжа тогда же приносил жалобу, что в бытность его, Лубжи, с улусом поблизости хана, калмыки его ханские, также Галдан-Данжины, Шакур-ламины, Дондук-Дашины и Чидановы нечаянно его, Лубжу, разбили, а потом и посланцев его, к князю Барятинскому посланных, ограбили.

В бытность посыланного от князя Барятинского дворянина Якова Татаринова у владельца Лекбея, уведомился он, Татаринов, что зайсанги, один ханский и двое Лекбеевых, пригнали из улусов Доржиных: верблюдов — 1500, лошадей — 300, овец — 9000, о чем он, Татаринов, и владельцу Лекбею представлял, и на то он сказал, что у него все взятое у Доржи переписано и ничего не утратится, ежели Доржи захваченное у него, Лекбея, возвратит, объявляя при том, что калмыки Доржи Назарова, пришед на улус его Лекбеев в 300 человеках ночью, разорили 43 кибитки и кололи дротиками мужеской и женский пол, а из посыланных в погоню за ними его, Лекбеевых, калмык захватили и увезли в свой улус 7 человек и из них некоторых били плетьми... и при том он, Лекбей, дворянину Татаринову показывал трех своих калмык, у которых пяты и пальцы все обрезаны, говоря, что то с ними учинили Доржины калмыки.

Он же Доржи, взяв силою его Лекбея невестку, а племянника его Мангута мачеху с 3 ее дочерьми и с 300 кибитками улусных калмык, выдал ее замуж за рядового калмыка, чего он Лекбей не стерпя, отогнал у него Доржи скот, а людей не брал, напротив чего Доржи отгонял у него Лекбея табуны три раза. А хотя племянник его Лекбеев, Мангут, на Доржины кибитки и нападал, токмо никого не убили и не ранили, а ездил он только для взятья своей мачехи, но оной взять не могли, а взяли токмо из бывших у Доржи его, Лекбеевых, 13 кибиток.

Хан Черен Дондук, Шакур-лама и владелец Лекбей приносили жалобу князю Барятинскому на Доржу Назарова.

Хан — что по переходе его, Доржи Назарова, из-за Яика к Волге калмыками его у калмык же стороны его ханской захвачено лошадей 5000, людей 100 кибиток и людей же много побито до смерти.

Он же хан и Шакур-лама писали, что Доржи и Лубжа, сын его, у Шакур-ламиных шабинеров побрали бурханы, книги, скарб, скот и служителей их, да собственно еще Шакур-Лама на Доржу жаловался, что он ограбил у него Шакур-ламы несколько червонных денег, скота и прочего и улус его разорил.

А Лекбей приносил жалобу в написанном выше сего, производя при том свою претензию и о старых обидах еще с 1701 года.

И хотя от князя Барятинского в означенных вновь происходящих между ними взаимных ссорах к добродетельной между ними разделке многие предложения были, но они согласиться не могли, а особливо в забранных с ханской и Шакур-ламиной стороны Доржиными калмыками принадлежащего Далай-ламе и к улусным калмыкам также книг и бурханов, и оттого и по старой злобе от ханской стороны на Доржу и Лубжу паки между ними ссоры и несогласия возобновились.

1733 года июня 17 отправлена по именному указу к князю Барятинскому грамота, по которой велено ему калмыцкие дела и все, что ко оным принадлежит, отдать генералу-майору Тараканову, над Царицынским корпусом бывшему, а самому ему, Барятинскому, ехать в Санкт-Петербург и быть командиром над корпусом при Риге, о чем и к генералу-майору Тараканову указ послан и хану Черен Дондуку знать дано. Вследствие чего князь Барятинской, отдав дела Тараканову, из Царицына отправился 14 июля того ж 1733 года.

В том же 1733 году с турецкой стороны отправлен был под командою Фети-Гирей-солтана знатный корпус крымских и кубанских войск в Персию с тем, чтоб оному идти чрез здешние границы мимо крепости Святого Креста. Но, по получении о сем на Сулаке известия, принята была для непропуска того турецкого войска предосторожность, и хотя оное в тесном месте между Гребенских казачьих городков и Малой Кабарды останавливано было российскими войсками, которыми командовали генерал-поручик принц Гессен Гамбургской и генерал-майор Еропкин, токмо из крымцев и кубанцев несколько тысяч человек, по предводительству горских жителей, обошед российское войско горами и тесными, россиянам неведомыми, проходами, напали в одно время как спереди, так и с тылу на российскую команду, которая в таком случае за малолюдством ретировалась к реке Терку, а крымцы и кубанцы с потерянием до 2000 человек татар прошли в Персию.

Между тем в рассуждении сего татарского войска, в Персию назначенного, отправлен был в низовой корпус с Дону походный атаман Иван Фролов с казацкою командою. А потом по ордерам бывшего на Сулаке генералитета велено было ему, Фролову, идти к Кабарде для перенятия и недопущения на Кубань отошедших от крепости Святого Креста здешних подданных — аульных татар. И он, Фролов, не дошед до реки Кумы на урочище Карамыке, получа от разъезда своего известие, что в степи есть люди, малою партиею разъезжающие, взяв с собою полковника казачьего Емельяна Борисова и 200 человек казаков, за оными гонялся, которые навели его на вышепомянутое крымское и кубанское войско, а при оном находились и кабардинские здешней стороне противные владельцы Кашкатовской партии, также и владелец Дондук Омбо с калмыками тысячах в десяти и с пушками своими. И по учиненном на него, Фролова, от того войска нападения полковник казачий Борисов и со 100 человек казаков побиты, а атаман Фролов ранен и с 50 человек казаков взят был в полон и содержался у кабардинского владельца Батоки Бековича, откуда высвобожден по нескольком уже потом времени. Прочие же затем бывшие с ним Фроловым казаки ушли к своему корпусу, а на другой день сего происшествия и бывшую всю с ним, Фроловым, команду оным войском при Куме атаковали и держали в осаде двои сутки, о чем уведомясь Большой Кабарды владельцы Коргокины дети Магомет и Нитча, также и Касай, пришед с войском своим в 2500 человеках, оную команду выручили и препроводили до Кабарды.

Того ж года летом Дондук-Омбины и бывших при нем владельцев калмыки отогнали из-под Астрахани, за Волгою, татарских и обывательских 350 лошадей и 100 верблюдов. Они ж зимою пожгли на Дону хуторы и несколько казаков увезли. Да Четеревы калмыки взяли с хутора казака с женою и с сыном и продали на Кубань некрасовским казакам, которые того казака отпустили, чтоб он мог привесть им за жену и за сына окуп. Брат же Дондук-Омбин Бокшурга, хотя из своих калмык партии под казачьи городки и посылал, но то чинил по приказу Дондук Омбы и боясь оного, а в самом деле того не хотел и калмыкам своим накрепко запрещал, дабы они тем россиян не огорчали, говоря, что лучше б ему на Волге есть мелкую рыбу таранину, нежели на Кубани баранину, ибо при Волге их место природное и покойное, где они от россиян и от Волги пропитание имели довольное, не так, как на Кубани.

Хан же Черен Дондук, Шакур-лама и Дондук Даши и по отбытии князя Барятинского из Царицына на Доржу Назарова приносили свои жалобы генералу-майору Тараканову в непрестанной подсылке под улусы их воровских партий, из которых они несколько переловили и содержат у себя.

А 17 числа августа хан Черен Дондук, брат его Галдан Данжин, Шакур-лама и с знатными их зайсангами приезжали к Царицыну и на луговой стороне виделись с генералом-майором Таракановым.

И в разговорах представляли ему, что Доржи и Лубжа присылали к ним посланцев своих с тем, чтоб им захваченного на обе стороны скота не возвращать, ибо в том разбираться им невозможно, а разменяться б токмо пограбленным ружьем, панцирями и прочим, и надеются они в том с Доржею и Лубжею согласиться, буде Лубжа для того к ним приедет, а ежели не приедет, то может произойти между ими война, ибо Лубжа имеет согласие с Дондук Омбою и для того требует крепкого о безопасности в приезде его к ним обязательства, говоря при том Шакур-лама, что напредь сего они, калмыки, в таких случаях без всего друг другу верили и не токмо присяги, но и слова твердо содержали, а ныне стали они не люди, но собаки и между собою едятся

и, хотя и видят, что погибают, да за несогласием и непостоянством исправиться не могут. Они ж при том говорили, что присылаемые к хану Черен Дондуку от Дондук Омбы и от крымского хана требуют, чтоб они с Дондук Омбою примирились без посредства российского, но они без указа императорского в то вступать не будут.

Они ж, хан Черен Дондук и Шакур-лама, объявили намерение свое будущей зимою кочевать на нагорной стороне около Кумы-реки в мочагах, но генерал-майор Тараканов в том им отказал, склоняя их, чтоб они для безопасности от Дондук Омбы по-прежнему зимовали на луговой стороне, на что они и принуждены согласиться, представляя при том, что ежели российские войска стоять будут при Волге, то хан и ханша и ханский брат Галдан Данжин и Шакур-лама имеют зимовать при оных войсках на Енотаевском острове, одни без улусов, а улусы их будут на луговой стороне за Астраханью, подле моря к Гурьеву городку и в Рын-песках.

Генерал Василий Яковлевич Левашов, возвращаяся из низового корпуса и в бытность в Черном Яру, виделся с ханом Черен Дондуком по требованию оного на луговой стороне 22 сентября. И хан по разговорам с ним Левашовым секретно отзывался, что он с Дондук Омбою мириться и близко его к себе припустить опасается, дабы он его не убил. И генерал Левашов давал ему Черен Дондуку совет, чтоб он с противниками своими по примерам отца своего Аюки-хана поступал, чтоб не он, но противники бы его прежде помирали, причем и Дондук Омбо, когда примирятся, близко прикочует, чтоб и оного он, хан, прежде себя успешил на другой свет отпустить, чему хан безмерно был рад, но на себя крепко надеяться в том не мог.

Генерал-майор Тараканов от 27 сентября в Коллегию доносил, что хан Черен Дондук, Шакур-лама и прочие на Доржу Назарова, а паче на сына его Лубжу имеют злобу. И он, генерал-майор, получил от калмык известие, что хан на Лубжу намерен идти войною и его разорить.

На то, по определению Коллегии, 26 октября отправлен к нему, Тараканову, указ, чтоб он их до того не допускал, а хану Черен Дондуку нарочно посланною грамотою то чинить накрепко запрещено.

Генерал-поручик принц Гессен Гамбургской и генерал-майор Бибиков из крепости Святого Креста от 24 и 31 чисел августа в Коллегию доносили, что Дондук Омбо чрез присланного своего требовал от принца Гессен Гамбургского себе обнадеживания, что ему никакого вреда учинено не будет, и присылки грамоты Ее Императорского Величества, обещая из-за того и по свидании с кабардинскими владельцами Магометом и Касаем возвратиться к Волге, о чем и те кабардинские владельцы к принцу Гессен Гамбургскому писали, обещая употребить в том свое посредство, о чем он, Дондук Омбо, и после того в разные времена адресовался к генералам-майорам Тараканову и Измайлову, также и к полковнику Беклемишеву и при всяком случае во всем себя оправд[ыв]ал, и для уверения своего требовал: 1) чтоб Петра Тайшина освободить и содержать в прежнем достоинстве; 2) отдать бы крещеных калмык по-прежнему в улусы или б поручить их для содержания Петру

Тайшину; 3) возвратить бы им и тех калмык, которые россиянам за малую цену проданы; 4) владельцам Бату и Дондуку отдать их улусы; 5) освободить зайсангов Эркетеневых; 6) его, Дондук Омбу, содержать с прочими его братьями в равенстве; 7) прислать бы к нему за собственною императорскою рукою и печатью указ,— и заключал тем, чтоб посланца его пропустить ко двору императорскому.

И хотя, как выше значит, хан Черен Дондук и обещал генералу-майору Тараканову зимовать с его партиею на луговой стороне, но потом за бескормицею скоту в исходе 1733 года перешли они на нагорную сторону и кочевали выше Астрахани при Волге и в мочагах около моря, а Доржи Назаров зимовал на луговой стороне между устей Волги и Яика рек в морских косах.

И генерал-майор и астраханский губернатор Измайлов от 9 декабря 1733 года в Коллегию доносил о неудобности содержать на нагорной стороне для охранения хана с его улусами здешних войск, объявляя, что: 1) степь безводная, и никак войско покоя иметь не будет и может претерпеть превеликую нужду и гибель; 2) провианта на людей и фуража на лошадей завесть невозможно; 3) калмыки на одном месте кочевать обычая не имеют, а кочуют врознь и улус от улуса не в близости, и тако всех их обнять и защитить малолюдством невозможно, однако же по Волге в пристойных местах содержатся форпосты.

1734 года генваря 30 дня по именному указу, из Кабинета отправленному, велено генералу-майору Тараканову ехать на Украину и быть в команде генерала графа Вейзбаха, а дела калмыцкие, по определению Коллегии 7 февраля, велено отдать полковнику Беклемишеву, который и со оными поручен в команду генерала-майора и астраханского губернатора Измайлова, о чем и калмыцкому хану Черен Дондуку грамотою знать дано.

Между тем были здесь в приезде посланцы калмыцкие от хана Черен Дондука, матери его Дармы Балы, брата его ханского Галдан Данжина и от Шакур-ламы.

Хан Черен Дондук и брат его Галдан Данжин в листах своих к Ее Императорскому Величеству писали с благодарением, что генерал-поручик князь Барятинской, присыланный с войсками, от противных калмыцких владельцев их оборонил и улусы их, отобрав, по-прежнему им возвратил, и в прочем дела их калмыцкие весьма поправил и привел их в доброе состояние. Да при том же он, хан, представлял о калмыках, которые для крещения в городы уходят и принимаются, и просил, дабы впредь то чинить запретить, принося еще жалобу, что россияне калмык в Волге рыбу ловить не допускают и их калмыцких робят и девок явно и тайно увозят, и при всем том еще просил о даче ему пороху и свинцу.

Ханша Дарма Бала писала о даче ей при тогдашних ее недостатках жалованья, а Шакур-лама представлял о службах своих.

И на то, по определению Коллегии 19 февраля, посланы к ним грамоты, и хану Черен Дондуку на представления его о калмыках, к крещению приходящих, дана резолюция против того, как пред тем владельцу Дондук Даше и владелице Соломе писано, а в прочем сосланось на указ, к губернатору астраханскому генералу-майору Измайлову посланный. А в оном к нему, губернатору, писано о недопущении калмык ловить в Волге рыбу и о увозе их калмыцких робят, чтоб он губернатор, снесшись с полковником Беклемишевым и справясь о рыбной ловле, учинил определение по своему рассмотрению, как напредь сего бывало, и в том калмыкам показал бы удовольствие, понеже когда они допущены жить и кочевать при Волге, то уже надобно им от нее и довольствие иметь, и где прежде сего они кочевали и рыбою довольствовались, в том и ныне им препятствия чинить не велеть. А за увоз робят, кто в том изобличится, поступать по указам. По прошению ж его, хана, о порохе и свинце велено ему, губернатору, поступать так же, как ему по прошению о том Доржи Назарова предписано.

При том случае послано ко всем к ним жалованья товарами, а именно: к хану на 500 рублев, к матери его ханше Дарме Бале на 500 же рублев, к ханскому брату Галдан Данжину на 200, к Шакур-ламе на 300 рублев.

Тогда ж и дербетев владелец Лабан Дондук прислал сюда посланца своего, донося, как напредь сего Его Величество Государь Император Петр Великий деда его Менко Темиря-тайшу и отца его Четеря-тайшу жаловал и что он Лабан Дондук в калмыцкие междоусобии не вступал, обещая при том и впредь служить верно. А генерал-майор Тараканов в Коллегию доносил, что тот владелец Лабан Дондук — человек смирный и добрый и кочует спокойно.

По определению Коллегии 30 апреля, послано к оному владельцу Лабан Дондуку жалованья товарами на 200 рублев. По прошению же посланца его позволено ему купить в Москве и с собою в улусы калмыцкие взять пороху и свинцу на 5 рублев, и о том послан в Москву в контору указ.

При доношении генерала-майора Тараканова февраля от 11 числа, до отбытия еще оного на Украину, получены здесь письма от Петра Тайшина, которыми он всенижайше просил в вине его всемилостивейшего Ее Императорского Величества прощения и возвращения ему улусов его, обещаясь впредь служить верно.

И по определению Коллегии 20 марта, велено астраханскому губернатору генералу-майору Измайлову, снесшись с полковником Беклемишевым, объявить Петру Тайшину, что Ее Императорское Величество его, Петра Тайшина, в вине его всемилостивейше простить соизволяет, и он бы Тайшин для получения того и милости в возвращении ему улусов ехал сюда ко двору и, ежели пожелает взять с собою жену свою для восприятия ей святого крещения, то б и ее с собою взял.

Того ж 1734 года в феврале месяце владелец Дондук Омбо с 8000 калмык приходил в мочаги и был от Астрахани только в 90 верстах с намерением, чтоб ему разорить Дондук Дашу и соединиться с согласником его Лубжею, где нападал на кочевавший в мочагах Дондук-Дашин улус, именуемый Багацатан,

состоящий в 2000 кибитках, и оной разбил и забрал с собою, но не нашед владельца Лубжи, возвратился к Кубани.

При том Дондук-Омбином к Волге приходе ханский улус Эркетенев с 3000 кибиток из-под Черного Яра ушел к нему, Дондук Омбе.

Генерал Левашов по возвращении своем от Танбова паки в крепость Святого Креста, по полученному им известию, за Дондук Омбою с калмыцкими войсками, которые забрали улус Багацатанов, для возвращения того улуса и поиска над оными противниками, посылал стоящего при Гребенских городках донского походного атамана Ивана Краснощекова и полковника князя Эль-Мурзу Черкаского с доброконными донскими, яицкими и гребенскими казаками и служилыми татарами дабрагунского владельца Мурдар Бека с братом его и с узденями, но они тех противников и взятых улусов не догнали.

Марта 3 числа дети Доржи Назарова Лубжа и Бай в 7000 человек, пришед к Волге, нападали на Митюшкином острове на российский форпост и учинили бой, и при том ими один драгун убит, а другой взят в полон, и, перешед силою реку Волгу, разорили и ограбили улусы ханского брата Галдан Данжина и Шакур-ламы, и скот их отогнали, и взяли из них мальчиков и девок выбором, а учиня сие, паки возвратились на луговую сторону, понеже в то время Дондук Омбу на нагорной стороне уже не застали.

От того их нападения ханша Дарма Бала уходила в тот российский форпост, а сын ее Галдан Данжин бегал в степь. Владелец же Лубжа отправил владельцев Бату Чакдоржапова к Дондук Омбе, призывая оного впредь к общему на улусы ханские нападению, а при том с ним Бату послал и дочь Дондук-Омбину, бывшую в замужестве за Хонтайшиным сыном Шуною и взятую при ханшином доме.

Губернатор Измайлов писал к Дорже и Лубже, что они при нападении своем на ханские улусы нападали и на драгун и одного убили до смерти, а другого увезли с собою, увещевая их, дабы они того драгуна отпустили, а ханские и других владельцев взятые улусы не грабили. А что грабежом взято, оное б возвратили, а ежели они от своевольства своего не удержатся, то от Ее Императорского Величества на себя подвигнут гнев, и поступлено будет с ними, яко с неприятелями, и нигде себя от войск Ее Императорского Величества скрыть не могут.

Доржи и Лубжа, на то губернатору ответствуя, писали, что они драгун не воевали, но драгуны сами с ними воевались и, может быть, при том случае один и умер, а он губернатор судит неправедно, ибо когда они, Доржи и дети его, отходили за Яик, и тогда он губернатор представлял им императорским указом, что хан Черен Дондук им ничего не учинит, на что они понадеясь и возвратились к хану, где у них скот весь отогнат, в чем он, губернатор, никакого суда не учинил и ничего им не отдал, и многие вины хана Черен Дондука покрывает, а что они для предосторожности своей прежде на хана сами пошли и вместо своего скота взяли их скот, а улусы оставили, и те их винности он, губернатор, видит, а что он губернатор к ним пишет, что уйти им некуда, и они Волгу и Яик — своей отчизны, хотя б он губернатор и отсылал, не бросят, а с ханом Черен Дондуком они между себя сочлись.

Ханша Дарма Бала по разбитии ее Лубжею с Митюшкина острова уехала к Астрахани, куда собрались к ней сын ее Галдан Данжин, Дондук-Дашин брат Допчин, Дасангов сын Чидан с мачехою Соломою и с улусы, которых было более 5000 кибиток. Хан Черен Дондук и владелец Дондук Даши с оставшими при них улусами, получа о разбитии ханши Дармы Балы известие, прикочевали нагорною стороною к Царицынской линии, но и тамо имели опасность от Дондук Омбы.

И полковник Беклемишев от 21 числа марта представлял в Коллегию о впущении хана с улусами в Царицынскую линию; и по тому его доношению учинено сношение с Военною коллегиею и представлено было правительствующему Сенату. А по получении резолюции по определению Коллегии 9 майя, послан к нему, Беклемишеву, указ, чтоб он их в потребном случае впустил в линию, да и из Военной коллегии послан был о том указ к командующему Царицынскою линиею полковнику Гроту, который хана с улусами внутрь линии и перепустил.

Между тем астраханский губернатор Измайлов, получа известие, что бывшие недалеко от Астрахани владельцы Галдан Данжин и Чидан имели с Дондук Омбою пересылку с намерением к нему отойти с улусами и ханшу Дарму Балу увесть с собою, посылал подполковника Мечова и с ним драгун и солдат 300 да донских казаков и астраханских татар 200 человек с приказанием ханшу со всеми при ней улусами весть кочевьем немедленно по нагорной стороне к Царицыну.

А полковник Беклемишев в окончании апреля месяца переехал из Царицына водою в Черный Яр с командированною с линии при майоре Иване Феофилатьеве командою, состоящею из 300 человек солдат и 100 человек драгун, и нашел при Черном Яре Дондук-Дашина брата владельца Допчина в 1000 кибитках, наперед ханши Дармы Балы по нагорной стороне к Царицыну кочующего.

И майя 10 дня нападали на оный улус в бытность его выше Черного Яра в 25 верстах Дондук-Омбины калмыки, отчего тот владелец Допчин с улусом ретировался возвратно к Черному Яру, и на другой день полковник Беклемишев с майором Феофилатьевым из Черного Яра выступил, взяв с собою войска регулярного 300 да нерегулярного 200 человек, а в городе для охранения оного оставил одного офицера и 100 человек регулярных; и прибыли к владельцу Допчину на сикурс, который тогда был в лугах выше Черного Яра в 5 верстах. И того дня Дондук-Омбин сын Галдан Норбо и владелец Бату Чакдоржапов в 9000 калмык, имея при себе и кубанских татар 100 человек, нападали всеми силами и многократно на владельца Допчина, но оный российскою командою и пушками охранен и до разорения не допущен, причем ранен один казак донской, да Допчиновых калмык два человека убиты.

На третий день, то есть 12 майя поутру, оные ж владельцы Галдан Норбо и Бату с калмыцким и кубанским войском российскую купецкую ватагу, которая была от города в двух верстах, разграбили и сожгли, а после того еще нападали на Допчинов улус до самой ночи, причем еще ими убито Допчиновых

два калмыка, а с их стороны в те два дня из пушек и из мелкого ружья калмык и лошадей побито немало.

13 майя противники имели между собою совет, чтоб, обступя со всех сторон, как возможно, Допчинов улус доставать; однако ж некоторые из них рассуждали, что ежели им безотступно бой продолжать, то хотя оный улус и достанут, по между тем от российского войска и от калмык может и в их войске последовать немалый урон, к тому ж будучи их в сей поход их улусов отлучено великое число, опасно, дабы в небытность их на оные их улусы с российской стороны от Терку донской атаман Краснощоков нападения не учинил, и для того они, противники, помянутого ж 13 майя со всеми их войски отошли обратно в степь.

Полковник Беклемишев помянутого владельца Допчина и с улусом его переправил чрез реку Волгу на луговую сторону и отправил к Царицыну в соединение к хану Черен Дондуку.

Ханша Дарма Бала, получа известие о нападении Дондук-Омбиных калмык на владельца Допчина, не доходя до Черного Яра в Енотаевском урочище, и с сыном своим Галдан Данжином и с улусы подполковником Мечовым переправлена с горной на луговую сторону.

В то время, как ханша переправлялась с горной на луговую сторону, бывший при ней владелец Чидан с своим улусом, с мачехою своею Соломою и из Шакур-ламина улуса некоторые аймаки, позади ханши кочевавшие, брося ночью свои кибитки и скот у переправы, побежали налегке на Кубань, за которыми подполковник Мечов посылал драгун, казаков и татар, причем был и ханский брат Галдан Данжин; и нагнав верстах в 40 аймаки Шакур-ламины и прочих зайсангов и некоторую небольшую часть улусов Соломиных, возвратили и перегнали с горной на луговую сторону и сообщили с ханшею, а владелицу Солому с пасынком ее и большую часть калмыцких улусов догнать не могли.

Майя 21 генерал Левашов, получа известие о приходе к Черному Яру Дондук-Омбиных войск, посылал для поиска оных донского атамана Краснощокова в 1000 человек исправных и доброконных донских и яицких казаков, которые, едучи к Астрахани, переняли калмык, бегущих на Кубань человек с 50, при них верблюдов 20, лошадей 15, коров 10, которых атаман Краснощоков отослал и со скотом к генералу Левашову. А затем он же Краснощоков и отпущенная пред тем к Сулаку донская команда, соединясь, переняли калмыцкий улус хана Черен Дондука и владельца Чидана, идущий от Волги к Дондук Омбе, в котором было калмык мужеска и женска пола с малолетними 841 человек и при них верблюдов 99, рогатого скота 542, овец 100. И из оных калмык атаман Краснощоков привел в Астрахань 755 человек, а о достальных людях объявил, что от безводья в пути и по приводе к Астрахани померли, а из скота лошадей и верблюдов несколько за усталью брошено, также на пищу казакам и калмыкам и под пеших казаков роздано, и затем ничего из того не осталось.

А калмыки, приведенные к Астрахани, отданы губернатором Измайловым

ханскому зайсангу Куже, а дабы оные с голоду не померли, велел он губернатор выдать им па пищу казенной муки 10 четвертей.

Ханша же Дарма Бала луговою стороною пришла к Волге выше Царицына в 10 верстах к устью реки Ахтубы, где переправлена с домом ее и с обретающимися при ней зайсангами и служителями на нагорную сторону внутрь Царицынской линии. А после ее переправляемы были бывшие при ней ханские и других владельцев улусы, а для охранения их хан Черен Дондук, брат его Галдан Данжин и Шакур-лама оставались при устье Ахтубы с своими калмыцкими войски, а сверх того полковник Беклемишев определил к ним на то время двух капитанов и при них драгун и солдат 200, да казаков 400 человек с пушками.

Дорж Назаров, по учинении сыном его Лубжею на ханские улусы нападения, взяв опасность от ханской стороны, переходил за реку Яик, и в последних числах майя посылал к киргис-касакам для соглашени о мире посланцев своих 8 человек, которых киргис-касаки задержали, токмо один из них ушел бегом, почему он Дорж паки возвратился чрез реку Яик па здешнюю сторону в Рын-пески.

По получении же им известия о кочевании ханских улусов на луговой стороне, сын его Дорж Лубжа с братом своим Баем и дядею Убашою, собрав войск своих 7500 человек, вторично ходили для разорения ханских улусов с намерением, чтоб им по разбитии их летовать на луговой стороне, а осенью, когда Волга льдом покроется, соединиться с Дондук Омбою. И пришед с войски к реке Ахтубе, расстоянием от устья Ахтубы в 20 верстах в урочище Харахуджире, расположились и 24 июня нападали на хана и на российскую при нем обретающуюся команду, которою, также и пушками, учинен им отпор, и тем их удержали и хана и улусы его охранили, причем ранено солдат 5 и казаков 9 человек, из которых один и умер. А на другой день, то есть 25 числа, в подкрепление той российской команды и полковник Беклемишев с 400 человек солдат приезжал, и противник Лубжа, пришед на российскую команду в пушечную стрельбу, намерен был войско свое спеша, доставать хана, но хан закрыт был российским войском. И как началась по них пушечная пальба, в то время с стороны ханской ушел к ним перебежчик и о прибытии на сикурс полковника Беклемишева с другою российскою командою уведомил, и потому Лубжа принужден отойти прочь.

Астраханский губернатор генерал-майор Измайлов, донося в Коллегию о вышеописанном, представлял свое мнение, чтоб над противниками — калмыцкими владельцами чинить поиск, а именно: над Дондук Омбою — с Дону и от крепости Святого Креста, а на Доржу Назарова и на сына его — яицкими казаками и башкирцами, чтоб всеконечно их уже искоренить и владельцев уменьшить.

По каковым обстоятельствам секретарь, что ныне статский советник, Василий Бакунин сочинил выписку о тогдашнем калмыцкого народа состоянии и из доношений генерала-майора и астраханского губернатора Измайлова и полковника Беклемишева, также и из листа, от Дондук Омбы к принцу Гессен Гамбургскому присланного, присовокупя к тому и свое рассуждение, на рассмотрение тогдашних министров, в котором написал, что хотя губернатор астраханский пред тем во мнении своем и представлял, чтоб противника Дондук Омбу силою оружия смирить и к покорению привесть и прочих владельцев калмыцких умалить, и сие его представление основательно, но как в тамошней стороне к произведению сего дела ныне довольного числа войск нет, то рассуждается еще отведать добрыми способами и прощением в противности его, Дондук Омбы, к покорению и к согласию приводить и с таким увещанием отправить к нему, Дондук Омбе, прямо от двора императорского тогда в Петербурге случившегося донского старшину Данила Ефремова, который ему, Дондук Омбе, знаем, и может ему веру подать. А сверх того велеть ему, Ефремову, заехать к кабардинским владельцам, из которых есть Дондук Омбе шурья, и из них кого взять с собою, а прибыв к Дондук Омбе, удобвозможным образом склонять его и других владельцев, дабы они без всякого опасения к Волге возвращались, причем к Дондук Омбе послать и грамоту Ее Императорского Величества в кратких терминах, также и письмо от тогдашнего вице-канцлера с пространным на все его представления ответом.

Равным образом для увещевания послать кого нарочного и к Дорже Назарову и сыну его Лубже, чтоб они с ханом и другими ссоры свои прекратили.

В прочем же, когда [у] хана Черен Дондука к управлению калмыцким народом смыслу недостает, то велеть губернатору астраханскому Измайлову и полковнику Беклемишеву о выборе другого кого в ханы, усмотря к тому достойного, прислать свое мнение.

И оная выписка и рассуждение в Кабинете Ее Императорского Величества при присутствии вице-канцлера Остермана, действительного тайного советника князя Алексея Михайловича Черкаского, генерала Андрея Ивановича Ушакова и действительного советника барона Петра Павловича Шафирова слушана и апробована 27 июля 1734 года.

О чем потом 3 августа докладывано и Ее Императорскому Величеству блаженные памяти Государыне Императрице Анне Иоанновне, и от Ее Величества оное апробовано ж и приказано тот отпуск делать.

И потому и по определению, 12 августа от кабинетных министров подписанному, донской старшина Ефремов к Дондук Омбе отправлен, с которым к нему Дондук Омбе послана грамота Ее Императорского Величества, в которой писано между другим, что когда он Дондук Омбо — как здесь по доношениям генерала-поручика принца Гессен Гамбургского, генерала-майора Тараканова, генерал же майора и астраханского губернатора Измайлова и полковника Беклемишева известно,— пришел в чувство и желает попрежнему быть в верности Ее Императорскому Величеству и с ханом Черен Дондуком и со всем калмыцким народом жить в тишине и в покое на прежнем своем месте при Волге, то сие его доброе намерение всемилостивейше похваляется и повелевается, чтоб он с прочими при нем владельцами и со

всеми улусами без всякого сомнения и опасения к Волге шел, а пришед туда, в присутствии астраханского губернатора Измайлова или полковника Беклемишева в верности учинил присягу и с ханом Черен Дондуком и другими владельцами в зашедших между ними ссорах по сущей справедливости согласился и помирился, и кто у кого неправедно что забрал и завладел, оное бы возвратили и жили в прежней тишине и покое, и, ежели он Дондук Омбо все сие исполнит, то ему все его вины и противные поступки уничтожаются и совершенно прощен он будет, а затем сосланось на изустное объявление Данила Ефремова.

А в письме к нему ж Дондук Омбе от тогдашнего вице-канцлера Остермана на разные его неосновательные представления писано с надлежащим опровержением и между другим изъясняемо было ему, что ему Дондук Омбе, по учиненной его в 1724 году при генерале-майоре Волынском присяге, надлежало Черен Дондуку отдавать послушание и почтение, понеже оный сперва учрежден наместником, а потом и ханом по прошению отца его Аюки-хана ради доброго порядка в калмыцком народе; а когда б он хан в должности своей был неисправен, и ему бы Дондук Омбе за то воевать его не надлежало, а надлежало было о том доносить Ее Императорскому Величеству. Но он Дондук Омбо, противно тому поступя, Черен Дондука воевал, причем и Эркетеневы зайсанги, будучи с ханской стороны, норовя ему Дондук Омбе, в ханских войсках чинили замешание и тем привели их в конфузию, и ему Дондук Омбе подали случай хана разбить, и, как Петр Тайшин признал, что то учинилось между ними не за одну об улусных людях ссору, но не хотя его Черен Дондука, от Ее Императорского Величества пожалованного и учрежденного, за хана признавать и как командиру послушание отдавать. А что он Дондук Омбо в листах своих писал, якобы россияне напредь сего в их калмыцкие междоусобные ссоры не вступались, и то неправда, ибо когда в 1701 году произошла ссора между Аюки-хана и сына его Чакдоржапа, и тогда оная без российского вступления так углубилась, что калмыцкий народ пришел было в самую крайность, ибо Санжип с 15000 кибиток к Хонтайше, а Чакдоржап со многими улусами за Яик ушел, а отец его, Дондук-Омбин, Гунжеп вышел в город Саратов, а Менко Темир-тайши со всеми дербети отходил на Дон, а хан Аюка с малыми людьми остался при российском яицком казачьем городке,— что видя, блаженные и вечнодостойные памяти Его Императорское Величество Петр Великий, и отечески о калмыцком народе соболезнуя, для успокоения оного нарочно от двора своего отправил боярина князя Бориса Голицына, который посредством своим, призвав к себе Чакдоржапа, и оного к отцу его Аюке-хану привел в покорение и тем во всем калмыцком народе покой восставил, и хана Аюку по-прежнему усилил, и тако та их калмыцкая ссора не собою, но императорским обыкновенным милосердием и указом прекратилась; также и потом междоусобия их калмыцкие, как он Дондук Омбо и сам признавает, прекращены были губернатором Волынским и генералом-фельдмаршалом князем Голицыным, понеже они, калмыки, сами между собою согласиться не могли.

Впрочем, буде он Дондук Омбо для вящщего уверения пожелает сюда ко двору императорскому отправить кого от себя, то б отправил уже знатного и верного своего зайсанга, который бы по возвращении своем о высочайшей Ее Императорского Величества милости мог его, Дондук Омбу, совершенно уверить.

При том же с Ефремовым послана грамота и к кабардинским владельцам Магомету Коргокину с братьями, дабы и они с ним Ефремовым к Дондук Омбе ехали и его к возвращению на Волгу склоняли.

В инструкции, Ефремову данной, предписано, чтоб он тех кабардинских владельцев склонял к тому обещанием знатного награждения, а о грамоте, к Дондук Омбе с ним посылаемой, дано ему и такое наставление, что понеже прежь сего посыланной к нему, Дондук Омбе, грамоты не отдано затем, что он не хотел принять стоя, того ради посылаемую с ним Ефремовым грамоту отдать ему, как бы он ни принял. А ежели Дондук Омбо будет ему Ефремову говорить, что во отпущении вины его он неимоверен, затем что по его прошению присланная к нему грамота рукою Ее Императорского Величества не подписана,— и на то ему предлагать, что издревле обыкновенно не токмо к ним, но и к китайскому богдохану, к турецкому султану и к персицкому шаху посылающиеся императорские грамоты их монаршескою рукою не подписываются, токмо единою печатью утверждаются, и, как он и сам Дондук Омбо знает, и к деду его бывшему Аюке-хану грамоты присылались без подписи ж императорской руки, только за единою государственною печатью, и везде им верят и по них исполнение чинят, и для того и ему Дондук Омбе в том сомневаться не в чем и надлежит весьма той грамоте верить.

А что он Дондук Омбо к губернатору астраханскому писал, и чрез посланца своего Тогуса словесно просил о свободе Петра Тайшина и Эркетеневых зайсангов, также об отдаче крещеных калмык по-прежнему в улусы или б отдать их для содержания Петру Тайшину, а притом бы возвратить к ним и тех калмык, которые с голоду за малую цену проданы, и буде он Дондук Омбо и ему Ефремову будет о том упоминать, и ему ответствовать: о Петре Тайшине, что по прошению его, Петра Тайшина, вина ему отпущена, из-под ареста он освобожден, и, по собственному его желанию, позволено ему быть в Санкт-Петербург; а о Эркетеневых зайсангах сказать, что как скоро он Дондук Омбо к Волге придет и будет Ее Императорское Величество о том просить, то и сие его прошение совершенно исполнится. О крещеных же калмыках представлять ему Ефремову своим рассуждением, что их возвратно к ним отдать никак невозможно, понеже и в прошлых давних годах Аюка с братом и с детьми своими в шертовальной своей записи написали: буде которые калмыки по своим желательствам похотят в православную христианскую веру креститься, и тех им владельцам и улусным их людям не просить и не бить челом, а что же касается до отдачи тех крещеных калмык крещеному владельцу Петру Тайшину, тако ж де и до проданных калмык, и на то сказать, что можно о сем просить впредь.

Буде же он, Дондук Омбо, по увещаниям его Ефремова, захотя увериться,

пожелает отправить сюда ко двору посланца своего, то со оным и ему Ефремову сюда, нежели Дондук Омбо пожелает, ехать, обещая с тем посланцем назад к нему возвратиться, а буде Дондук Омбо станет требовать, чтоб до возвращения того его посланца оставить у него Дондук Омбы кого,— и ему Ефремову оставить у него сына своего и других.

К Дорже Назарову, по вышеписанному ж кабинетных министров определению, грамотою дано знать о получении здесь известия, что дети его Лубжа и Бай нападали под Астраханью на ханшу Дарму Балу, а под Царицыным — на хана Черен Дондука и улусы их разбивали и грабили и чинили бои с российскими командами. И при том он Доржи увещеваем был, чтоб он и дети его от противностей отстали и с ханом Черен Дондуком и с прочими владельцами в происшедшем между ними примирились по древним их калмыцким обыкновениям. Ту грамоту велено губернатору астраханскому отослать к нему Дорже с нарочным офицером. Со всей сей экспедиции губернатору астраханскому генералу-майору Измайлову и полковнику Беклемишеву сообщены копии. К ним же, губернатору Измайлову и к Беклемишеву, в особливых указах предписано, что когда хана Черен Дондука, чтоб править народом калмыцким, недостает, и смыслу столько у него нет,— то б им, Измайлову и Беклемишеву, тамо наведаться секретно и самим усмотреть, кого б из тамошних владельцев в ханы употребить было возможно, который бы мог тем народом управлять и владельцев в покое и в согласии содержать, так, как и при хане Аюке содержано было, и чтоб они о том свое мнение сюда прислали.

Между тем в бытность Доржи Назарова с улусами между Царицына и Астрахани в лугах в последних числах июля паки от них подбегала сильная партия на улус Шакур-ламин, который в то время был за рекою Волгою на луговой стороне в 500 кибитках, и оный, разграбя, забрали к себе. Причем один ханского брата Галдан Данжина зайсанг Бурузай, с аймаком своим бывший на луговой же стороне, добровольно к Дорже ушел, да и обретающиеся при хане владельцы хошоутов Лекбей и дербетев Лабан Дондук с улусами своими имели намерение зимою, оставя скот, бежать к Дондук Омбе.

Того ж 1734 года в июле и в августе месяцах присланы в Петербург от хана Черен Дондука, также от матери его ханши Дармы Балы и от владельца Дондук Даши нарочные посланцы и листами своими; хан и мать его приносили жалобы свои на Дондук Омбу и на Доржу Назарова с сыном его Лубжею и просили, чтоб отправить к ним в улусы калмыцкие генерала-поручика князя Барятинского, или генерала-майора Волынского, или оного кого знатного с войски российскими. Для походу на них противников, пока в тамошних местах реки льдом не покроются, объявляя что по покрытии рек льдом Дондук Омбо и Доржи Назаров навечно соединятся. А Дондук Даши просил, чтоб их для зимования перепустить из Царицынской линии за реку Дон или препроводить к Астрахани в морские косы.

Крещеный владелец Петр Тайшин привезен в Петербург и 29 числа августа представлен был пред Ее Императорское Величество блаженные памяти Государыню Императрицу Анну Иоанновну, и, стоя на коленях, просил в вине

своей прощения, причем от лица Ее Императорского Величества тогдашним вице-канцлером Остерманом объявлено ему, что вина его отпущается и дозволяется ему приезд ко двору.

Потом 17 ноября жена его Черен Янжи также пред Ее Императорское Величество и была представлена и просила о сподоблении ее святого крещения, почему она и крещена и наречено ей имя Анна, восприемницею у нее изволила быть Ее Величество Государыня Императрица Анна Иоанновна, восприемником был Остерман.

И по вышеписанной же жалобе хана Черен Дондука и прочих секретарь, что ныне статский советник, Бакунин вторично на рассуждение тогдашних министров представлял, что хотя для лучшего в калмыцком народе покоя и надлежало было над противником Доржею Назаровым с детьми еще до зимы учинить поиск, по способности от Царицынской линии — российскими войсками и ханскими калмыками, и от Яика — яицкими казаками, однако же за посылкою к нему из Астрахани офицера и к Дондук Омбе донского старшины Данила Ефремова с увещательными грамотами, пока оные не возвратятся, учинить того нельзя.

Когда же и те посланные возвратятся, да с ни с чем, и противники Дондук Омбо и Доржи и сын его Лубжа пребудут в прежних своих противностях и наступит зимнее время, то уже над ними, противниками, до будущей весны поиску учинить будет невозможно, а между тем нужда требует, чтоб в зимнее время от их нападений охранить ханские и прочих при нем обретающихся владельцев улусы, которые ныне в Царицынской линии.

Но понеже оным в той линии за морозами со скотом далее октября пробыть никак невозможно, а буде их выпустить из линии для зимования на прежние их места по нагорной стороне между Черным Яром и Астраханью и тамо хотя для охранения хана и с улусами определить несколько и войск российских, по из того пользы не видится. Ибо противники и с таким охранением с обе стороны Волги на них напасть и их разорить могут, будучи перед ними гораздо сильнее, да и российским войскам за малолюдством иногда вред приключать, и когда в том намерение свое исполнят и между собою соединятся, то опасно, дабы они не стали на российские жилища неприятельских набегов чинить и не захотели бы от России новых и им потребных кондиций искать.

И того ради за потребно рассуждается учинить следующее.

1-е. Хану с его партиею для зимования определить место на луговой стороне, где пристойно, или перепустить их за Дон, и то отдать на тамошнее общее рассмотрение астраханского губернатора Измайлова и полковника Беклемишева, где они за безопаснее признают.

2-е. В таком случае, ежели они для зимования перепущены будут за Дон, полковнику Беклемишеву с его командою в зимнее время надлежит быть ниже Царицынской линии в донских казачьих городках и между оными в пристойных местах учредить форпосты и иметь разъезды, и ханские и других владельцев улусы от нападения Дондук Омбы командою его, Беклемишева, и донскими казаками оборонять и до разорения не допускать и с ханской

стороны никого из владельцев и из калмык к Дондук Омбе не пропускать, и тако, когда с такою осторожностию хан будет за Доном зимовать, то Дондук Омбо малые партии на него посылать будет опасен, а большим собранием от улусов своих в такую дальность и чрез Дон послать не может, а паче опасение будет иметь от приходу на себя от крепости Святого Креста тамо пребывающих войск.

3-е. К хану Черен Дондуку, к матери его Дарме Бале и владельцу Дондук Даши на их листы послать грамоты, которыми объявить о посылке к противникам: Дондук Омбе — донского старшины Данила Ефремова, а к Дорже Назарову — нарочного офицера с милостиво увещательными императорскими грамотами, и что за теми посылками и за обещанием отпущения их противностей ныне на них войск российских посылать неприлично; а буде оные противники — Дондук Омбо и Доржа и Лубжа — по тем милостивым грамотам к соединению и к согласию с ним ханом и с прочими не склонятся, то к приведению их к тому впредь приняты будут другие меры, чего для тогда пришлется и знатная особа, и чтоб они, хан и прочие обретающиеся при нем владельцы, в будущую зиму кочевали тут, где для лучшей их безопасности губернатор Измайлов и полковник Беклемишев им покажут, и что тамо до будущей весны повелено их и российскими войсками охранять.

И то его, Бакунина, представление кабинетными министрами, бывшим вице-канцлером Остерманом и действительным тайным советником князем Алексеем Михайловичем Черкаским 18 сентября апробовано, а потом, по определению Коллегии, 21 сентября сходно с тем отправлены грамоты к хану Череп Дондуку, к матери его ханше Дарме Бале и к владельцу Дондук Даше и указы к губернатору астраханскому Измайлову и к полковнику Беклемишеву.

А между тем в бытность их еще в Царицынской линии присылан к ним от Дондук Омбы нарочный посланец, почему в октябре месяце хошоутов владелец Лекбей ханше Дарме Бале, хану Черен Дондуку и владельцу Дондук Даше подавал совет, чтоб им со всеми улусами отойти к Дондук Омбе, для того что россияне уходящих к ним для крещения калмык возвратно к ним не отдают. И хан, мать его ханша и Дондук Даши то Лекбеево представление приняли в рассуждение и положили было идти к Дондук Омбе и с тем отправили к нему с посланцем его и от себя знатного зайсанга Санжу Даргу.

Полковник Беклемишев, будучи тогда за болезнию в Царицыне, посылал к хану и к прочим дворянина Спиридона Везелева и переводчика Якова Самсонова для увещания их, чтоб они то свое намерение оставили. А по получении вышеписанных указов немедленно снесся с губернатором Измайловым и перевел хана и прочих с улусами для зимования за реку Дон, а сам он Беклемишев с командою своею приехал тогда ж в донские казачьи городки и учредил по Дону форпосты и разъезды.

В октябре приехал в Петербург Дондук-Омбин посланец зайсанг лама Джап с посланным из Астрахани от губернатора Измайлова к Дондук Омбе астраханским татарином — табунным головою Мурзаем Булатаевым. Да при нем же присланы посланцы от обретающихся при Дондук Омбе дербетевых владельцев Четеря-тайши, Солом Доржи и от Четерева сына Гунги Доржи, чрез которых оные владельцы в листах своих писали.

Дондук Омбо то ж, что и в прежних своих листах, и, обещая возвратиться к Волге, требовал для уверения своего сверх прежних десяти кондиций:

1-е. Чтоб обретающиеся при нем все улусы от него не разлучать.

2-е. Дать бы посланцу его на руки за императорскою рукою грамоты к турецкому султану и к крымскому хану, с какою милостью он, Дондук Омбо, по-прежнему в Россию приемлется.

3-е. Чтоб владельца Дондук Дашу уничтожить и улусы его отдать Петру Тайшину.

Дербетевы владельцы, означивая прежние свои к здешней стороне службы, писали, что они в калмыцкие междоусобия никогда не мешались, а ныне зашли па Кубань за бессилием своим и не по своей воле, предаяся в прочем в соизволение императорское. Вышеозначенный астраханский татарин — табунный голова Мурзай Булатаев показал, что — как он в бытность свою при Дондук Омбе известился — по приходе его, Дондук Омбы, на Кубань, кубанские татары отобрали изо всех улусов его всех татар, которые в прошлых годах к калмыкам в плен попались.

С оным табунным головою астраханский губернатор посылал Петра Тайшина, зайсанга Матвея Галдея, крестьянина графа Толстова, с письмом от Петра Тайшина, которым он, Петр, еще из Царицына уведомлял Дондук Омбу о полученной им, Петром, императорской милости в освобождении его из-под ареста, советуя и ему, Дондук Омбе, в вине своей просить прощения и в надежде милости императорской возвратиться к Волге.

И оный зайсанг Матвей Галдей по приезде своем в Петербург объявил, что Дондук Омбо освобождению Петра Тайшина порадовался, но, читая означенное от него, Петра, письмо, усмехнулся и сказал, что ему виниться не в чем, а когда зайсанг Галдей представлял ему, Дондук Омбе, своим рассуждением, что он при медлении его возвращения к Волге может навесть на себя гнев императорский, и ежели посланы будут на него с Сулаку и с Дону российские войска, а также и кабардинцы, то оные могут его вконец разорить. И на сие Дондук Омбо сказал ему, Галдею, что и прошедшей зимы донской походный атаман Иван Краснощоков во шести тысячах человеках на Мажары приходил, однако ж толиким числом напасть на него не смел. А от многого числа российских войск и сам он, Дондук Омбо, ведает, что ему не спастись. Но на то надеется, что для него Россия с турками миру не нарушает, а на Кубани он медлит для того, чтоб ему в российское подданство итти на таком договоре, чтоб ему всеми находящимися при нем улусами завладеть вечно, и когда так многими улусами завладеет, то уже и ханом быть может.

Он же, Галдей, уведомился тамо, что Дондук Омбо все оные улусы разделил на три части, одну взял себе, другую отдал сыну своему Галдан Норбе, третью брату своему Бокшурге, и что Дондук Омбо прочих владельцев содержит строго, за что оные все им недовольны, токмо бежать от него не хотят, дабы тем улусов своих не лишиться.

Он же знатных — владельца Чидана, зайсангов Бишереля, детей его Шарантан и Шору, зайсангов же Бату Чемика и Шарапа Бухаева — арестовал и велел судить.

Калмыки, находящиеся при Дондук Омбе, опасаясь прихода на них российских войск, кочуют тесно и частыми разъездами смучились, к тому ж и от татар терпят насилие в отъеме скота и в прочем. И как он, Галдей, приметил, что калмыки тамо еще более двух годов пробыть не могут, а принуждены будут возвратиться к Волге. Он же, Галдей, объявил, что в 1733 году из дербетева улуса ушло к Азову калмык сто двадцать кибиток, которые по требованию Дондук Омбы и владельца их Четеря ханом крымским не отданы, а сказано, что они хотят принять магометанский закон.

По отправлении в Петербург от Дондук Омбы выписанных посланцев, дербетева владельца Четеря сын, а Дондук-Омбин зять — Гунга Доржи — в двух тысячах человеках калмык, октября против 13 числа в ночи, пришед к Дону между Мелеховской и Раздорской станиц, в урочище Собачьей Коловерти, разбил казачий караул. А потом, переправясь чрез Дон на салах[46], на внутреннюю сторону, шел по Донцу и донских юртовых калмык, кочующих тамо в степях, разбил 76 кибиток, из которых взял в полон людей мужеска и женска полу 249 человек, да и донских казаков и малороссиян немало. Да отогнал казацкого и калмыцкого скота: верблюдов 556, лошадей 2687, коров 3342, овец и коз 11638, денег взято 62 рубли и сверх того несколько панцирей, ружья и посуды.

За теми калмыками с Дону, из Черкаска, и от генерала-майора Шувалова посылана была команда в 1053 человеках сухим путем, да водою для престережения тех калмык на возвратном пути командировано было на низ к порубежной речке Темирнику в лодках 540 человек оружейных. И посланная сухим путем команда, гнав за ними, калмыками, до турецких границ, далее идти не могла, токмо отбила у них казаков и малороссиян — 20, калмык юртовых — 21 человека.

Да в побеге оные калмыки оставили лошадей худых 120, коров 930, овец 5000, да покололи и бросили коров с 400 и овец множество.

В октябре же месяце получено в Петербурге от полковника Беклемишева известие, что в ханскую сторону от Дондук Омбы пришли два перебежчика и объявили, что по приказу Дондук Омбы владельца Чидана Дасангова знатных пять зайсангов арестовано, да и сам оный владелец Дондук-Омбиным сыном Галдан Норбою зарезан, а улус его, состоящий в 2000 кибитках, разобран в разные руки.

В том же 1734 году возвратились в Сибирь калмыцкие посланцы, к Далай-ламе посыланные — Намки Гелен с товарищи, у которых по принятому пред сим на них подозрению, а по указу из Коллегии в Тобольску все письма

* Салы — плоты из камыша, тростника, на которые казак, переправляясь вплавь с лошадью, кладет седло, вьюки. (*Примеч. ред.*)

отобраны и в Петербург присланы, а оные посланцы привезены были в Суздаль, и по некоторой там бытности привезены в Москву, где допрашиваны и во всем отговаривались неведением и забвением.

В отобранных у них письмах нашлось 12 больших листов за Далай-ламинской печатью, писанных на тангутском языке (которых здесь разобрать и перевесть было некому). А из найденных при том же на калмыцком и мунгальском языках писем усмотрено, что Черен Дондуку от Далай-ламы дан некоторый чин и что оные посланцы в проезд их к Далай-ламе, будучи в Пекине при китайском дворе, свой калмыцкий народ российскими подданными не признавали. А между возвращения их от Далай-ламы в Пекин, при китайском дворе чрез бывшее их в России посольство уведано о их подданстве, за что, по возвращении их от Далай-ламы паки в Пекин, держались они с лишком месяц под арестом. И от Далай-ламы отправленные с ними здешний калмыцкий народ лекари и духовные их семнадцать человек из Пекина с ними не пропущены.

По определению Коллегии 21-го сентября об оных калмыцких посланцах и о поступках их при китайском дворе и о прочем дано знать грамотою хану Черен Дондуку, причем и письма, ими привезенные к нему, хану, все отосланы с тем, чтоб он, хан, с матерью своею и с Шакур-ламою те письма пересмотрели и, ежели во оных найдется еще какая противность, оные б выбрали и сделали с них копии на калмыцком языке и прислали сюда. А полковнику Беклемишеву указом велено потребовать у хана Черен Дондука изъяснения, в какой образ и для чего степной путь им показан, и какой чин ему, Черен Дондуку, Далай-лама дает, и чтоб он, Беклемишев, привел хана и других, дабы они о свободе тех своих посланцев здесь просили, объявляя вину их, что они без ведома их к богдохану в Пекин заезжали. Вследствие того хан Черен Дондук, брат его Галдан Данжин, мать их ханша Дарма Бала и Шакур-лама присылали сюда нарочных посланцев и листами своими доносили, что оным их посланцам о бытии им у богдохана на аудиенции приказу от них не было, но, знатно, они то учинили для того, что от Селенгинска надлежало им ехать чрез Мунгалы, которые учинились китайскими подданными, и, может быть, потому у богдохана на аудиенции и были, и тем учинилися виновными, и при том просили, чтоб им вину их отпустить и прислать их к ним, владельцам.

Хан Черен Дондук особливо доносил, что ему, Черен Дондуку, от Далай-ламы дан чин ханский для того, что и отцу его, Аюке, ханский чин дан был от Далай-ламы ж, к тому ж уведомился он, Далай-лама, что Черен Дондуку от здешнего императорского двора ханский чин уже пожалован. И тако он, Далай-лама, последуя прежнему примеру, и ему, Черен Дондуку, ханский чин дал; в том он, Черен Дондук, предается в волю императорскую.

Он же, хан, доносил, что, как он тогда известился, владелец Доржи Назаров при отправлении посланца своего к Далай-ламе писал к богдохану, чтоб он обретающегося при дворе своем его, Доржина, племянника Арабжура к нему отпустил или бы его, Доржу, туда взял — с ним соединил. А полковник Беклемишев чрез зайсанга Доржи Назарова — Миванга уведомился, что

Доржи посланцу своему, Шарап Данжину, при посылке его к Далай-ламе приказывал у богдохана китайского просить, чтоб он взял его, Доржу, к себе и с улусом его степною дорогою, и, какую богдохан по тому примет резолюцию, с тем бы известием он, посланец его, из Пекина отпустил к нему, Дорже, товарища своего Цой Телея, с которым тот его посланец о степном пути к нему, Дорже, и писал.

Полковник Беклемишев на посланный к нему указ доносил от 21 октября 1734 года, что из владельцев ханской партии ханом быть достойного никого не имеется, и, хотя владелец Дондук Даши из себе и не глуп, токмо ныне находится плутом, да и за усилием Дондук-Омбиной партии никто ханом и быть не пожелает, и усилить кого не без трудности.

По покрытии реки Волги льдом владелец Доржи Назаров с детьми и с улусами своими и с захваченными из ханской стороны в 10000 кибиток ушел к Дондук Омбе на Кубань и тем оного пред прежним усилил.

1735 года в генваре месяце возвратился в Санкт-Петербург с Кубани от Дондук Омбы донской старшина Данила Ефремов и доношением представил, что он заезжал сперва в Кабарду, к тамошним владельцам Магомету Корго-кину с братьями, и посланною с ним к оным владельцам грамоту им подал, по которой они посылали от себя при нем, Ефремове, к Дондук Омбе Магомета Коргокина, сына владельца Месоуса, и знатных узденей Куденетова и Танбиева, уверяя письменно и словесно его, Дондук Омбу, под присягою, что ему по возвращении к Волге никакого вреда учинено не будет.

И по приезде его, Ефремова, в Дондук-Омбины улусы 12 числа ноября в урочище Учкундук прислал к нему Дондук Омбо первого своего зайсанга Норбо Череня с тем, чтоб он, Ефремов, бывшего при нем кабардинского владельца с узденями возвратил паки в Кабарду, затем что ежели б оный владелец к нему приехал, то имел бы его требовать к себе в отдачу неприятель кабардинский, крымский солтан, а кубанский сераскер Арслан Гирей, а ему б, Дондук Омбе, отдать его, яко своего племянника, никак невозможно. А ежели при всем том он, Ефремов, того владельца в Кабарду не возвратит, то б и сам к нему, Дондук Омбе, не ездил, почему он, Ефремов, тех кабардинцев от себя и отпустил возвратно, а письмо к Дондук Омбе, с ними посланное, взял к себе.

А на другой день, то есть 13 ноября, был он, Ефремов, допущен к Дондук Омбе, которому подал грамоту Ее Императорского Величества и письма от Остермана и от кабардинских владельцев, и ту грамоту Дондук Омбо принял сидя и в шапке.

По подаче ж грамоты и письма и по словесному его, Ефремова, представлению и обнадеживанию Дондук Омбо имел с зайсангами своими неоднократные советы и напоследок ему, Ефремову, сказал, что он, Дондук Омбо, ни в чем вины своей не признает и о отпущении ее не просит, а просил он, Дондук

Омбо, милостиво обнадеживательной императорской грамоты, которую чрез него, Ефремова, и получил. И хотя в ней писано, что он принят будет в милость императорскую, однако же он еще просит:

1-е. Дабы посланный его то мог слышать сам от уст Ее Императорского Величества, почему бы он мог иметь твердую надежду.

2-е. Чтоб он, Дондук Омбо, над прочими калмыцкими владельцами имел старшинство и ими управлял, объявляя, что и так из калмыцкого народа уже большая часть при нем кочует и в его управлении. Сверх того, прислан к нему от хана Черен Дондука и от матери его ханши, и от прочих их партий владельцев знатный зайсанг Санжи Дарга для призыву его на Волгу со обещанием уступить ему старшинство и управление калмыцкого народа, однако же он желает то получить от Ее Императорского Величества и, когда получит, то прочих калмыцких владельцев так, как ныне своевольничают, не допустит, и чтоб его тем от двора Ее Императорского Величества точно обнадежить, а потом может он получить и ханство от Далай-ламы.

3-е. Чтоб приходящих для крещения калмык в российские городы не принимать, для того что от того сила их народа слабеет, и кого надобно за что наказать, оный, отбывая от того, для крещения и бежит. И хотя он, Ефремов, по силе данной ему инструкции от такого требования его и отводил, однако же он остался с тем, чтоб еще о том просить Ее Императорское Величество.

По отъезде своем Ефремов оставил при Дондук Омбе — по его требованию, в уверение, что он, Ефремов, паки к нему возвратится и он, Дондук Омбо, ничего от России опасаться не имеет, сына своего Степана и с ним казаков десять человек.

Он же, Ефремов, уведомился, что Дондук Омбо с кубанским сераскером имел тогда несогласие, а приезду его, Ефремова, Дондук Омбо и все зайсанги были зело рады, а особливо подлые калмыки, когда его, Ефремова, увидели — руки свои поднимали на небо, прося бурханов, дабы они по-прежнему могли перейти к Волге, понеже тамо им жить весьма голодно, ибо рыбы, как при Волге, нет. И для того богатые люди, не проча впредь, едят скот свой, а убогие продают кубанцам детей своих и на то покупают у них просо, и теми питаются.

А о владельце Чидане он, Ефремов, уведомился, что оного Дондук Омбо приказал убить за то, что он хотел возвратно бежать к Волге.

В тамошнюю ж его, Ефремова, бытность, уведомясь он о нападении дербетева владельца Гунги Доржи на донские жилища, представлял о том Дондук Омбе, но оный ответствовал, что Гунга Доржи будто на то поступил без его ведома, а такой же ответ учинил он и азовскому паше, который о том к нему писал спрещением.

В бытность его, Ефремова, при Дондук Омбе даван был корм ему с сыном и находящимся при нем конвоем и служителями всего на сто на тридцать человек по два быка и по одному барану на день.

При нем, Ефремове, прислан от Дондук Омбы посланец Джимба Джамсо, о котором Ефремов представил, что он из духовных и его собственный писец, и к нему присылаемые письма хранит, и все его секреты знает, и в нем

небессилен, и что Дондук Омбо об нем ему, Ефремову, говорил, что он ему столько верит, сколько самому себе.

С оным посланцем Дондук Омбо в листах своих писал то ж, что и в прежних своих листах, представляя при том, что по их калмыцкому закону ханами бывают у них по указу Далай-ламы, а по светскому обычаю бывают те, которые могут дела исправлять с благополучием народа.

А к требованиям его прежним и к тому, что Ефремов представлял, прибавил он, Дондук Омбо:

1-е. Чтоб впредь о неприеме для крещения калмык дано было ему обнадеживание на письме.

2-е. Понеже ему, Дондук Омбе, для случающихся дел внутрь российских мест самому въезжать трудно, и для того б в таких случаях соглашаться чрез посланных, в прочем ссылался на посланцево устное представление, а оный к тому дополнял:

1-е. Что Дондук Омбо пред ханом Черен Дондуком и пред прочими его партии владельцами признавает себя правыми, а пред Ее Императорским Величеством в том, что, оставя свое подданство, за опасением отошел в турецкую область, признавает себя винна, и в том чрез него, посланца, приносит свою вину и просит всемилостивейшего отпущения.

2-е. Что ежели по приходе его, Дондук Омбы, к Волге он имеющиеся при нем улусы раздаст прежним владельцам, то хан Черен Дондук и другие противные ему владельцы силою своею паки его превзойдут и могут его разорить, и для того он, Дондук Омбо, о оставлении при нем тех улусов и просит, а без того всего к Волге перейти не может.

При приезде в Петербург Дондук-Омбиных посланцев — ламы Джапа и Джимбы Джамсы — находилось при Дондук Омбе на Кубани калмыцких улусов: собственных его багацохур и брата его Бокшурги екецохур называемых — 6000; дербетев — 2000; хана Черен Дондука — 2000; ханского брата Галдан Данжина — 4000; Гунделековского сына Дамрин Бамбара, который от матери его Дапи Бирюнь поручен был Дондук Даше, багацатан именуемых — 2000; Дасанґова сына, Чидана, которого в 1734 году Дондук-Омбин сын зарезал,— 2000; Петра Тайшина — 300; Дондук-Дашиных братьев — 300; при Дорже Назарове с детьми собственных их и других владельцев улусов — 10000; а всех с лишком — 28000, в том числе других владельцев и Дондук Омбе не принадлежащих, которыми он завладел,— с лишком 10000 кибиток.

А затем при хане Черен Дондуке, при брате его Галдан Данжине, при Дондук Даше и владельцах Лабан Дондуке дербетеве, Лекбее хошоутове, также и при Шакур-ламе оставалось не более 10000 кибиток, и из тех половина скудных и бесскотных.

При таковом хана Черен Дондука бессилии Дондук Омбо, отправя в Петербург с Ефремовым посланца своего Джимбу Джамсу, посылал к нему, хану, посланца своего Хацку, устрашевая его приходом своим с войски и отнятием последнего улуса его и вымогая у него присяги, чего он Черен Дондук, убоясь, присягу ему и учинил.

А в прочем и отсюда всех Дондук-Омбиных, по отлучении его от Волги, требований, как и выше написано было:

1732 года:

1-е. Чтоб Шакур-ламу отлучить из калмыцких улусов.

2-е. Чтоб россиянам в примирение калмык не вступать, объявляя, будто и напредь сего калмыки без российского посредства сами мирились.

3-е. Чтоб Петра Тайшина из-под караула освободить и содержать в прежнем достоинстве, и улус его ему отдать.

4-е. Чтоб бывшим с ним в согласии владельцам Бату Чидану и Дондуку хошоутову также бы отдать их улусы.

5-е. Чтоб для договору о мире приехал к нему, Дондук Омбе, хан Черен Дондук, или мать его ханша Дарма Бала, или ханский брат Галдан Данжин.

6-е. Чтоб во уверение того прислан был к нему именной указ за подписанием императорским.

1733 года:

7-е. Чтоб крещеных калмык отдать по-прежнему в улусы или б поручить их для содержания Петру Тайшину.

8-е. Возвратить бы им и тех калмык, которые во время их междоусобия россиянам проданы за малую цену.

9-е. Освободить бы из-под караула зайсангов Эркетеневых.

10-е. Содержать бы его, Дондук Омбу, с прочими его родственниками в равенстве.

1734 года:

11-е. Чтоб обретающиеся при нем все улусы от него не разлучать.

12-е. Дать бы посланцу его на руки за императорскою рукою грамоты к турецкому султану и к крымскому хану, с какою милостию он, Дондук Омбо, по-прежнему в Россию приемлется.

13-е. Чтоб владельца Дондук Дашу уничтожить и улус его отдать Петру Тайшину.

1735 года:

14-е. Чтоб посланный его мог слышать сам от уст Ее Императорского Величества обнадеживание — почему бы он мог иметь твердую надежду.

Сие требование Дондук Омбо учинил по уверении уже его Данилою Ефремовым, что Ее Императорское Величество ни к кому из азиатских государей грамот подписывать не изволит.

15-е. Чтоб он, Дондук Омбо, над прочими калмыцкими владельцами имел старшинство и ими управлял, а потом может он получить и ханство от Далай-ламы.

16-е. Чтоб приходящих для крещения калмык в российские городы не принимать, и в том бы ему дано было обнадеживание на письме.

17-е. Чтоб внутрь российских мест его, Дондук Омбу, для дел не призывать, а соглашаться бы о том чрез посланных.

Февраля 20 дня вышеписанный Дондук-Омбин посланец Джимба Джамсо с пятнадцатью человек его товарищей, в числе которых был и прежде его

приехавший посланец лама Джан, представлен был пред Ее Величеством Государыней Императрицей Анной Иоанновной и, стоя на коленях, говорил следующее: Вашего Императорского Величества подданный калмыцкий владелец Дондук Омбо, что он, противно Вашего Императорского Величества всемилостивейшим указам, будучи в непослушании, отошел к чужим границам и тамо до сего времени обретается; мною, посланцем своим, припадая к стопам Вашего Императорского Величества, всеподданнейше приносит свою вину и просит о отпущении и о принятии в высочайшую Вашего Императорского Величества милость, обещая впредь Вашему Императорскому Величеству по своей всеподданнейшей должности служить верно.

На оную речь по изустному Ее Императорского Величества повелению бывший вице-канцлер и кабинетный министр Остерман посланцу с товарищи в ответ сказал: Ее Императорское Величество из листов Дондук-Омбиных о прошении и желании его всемилостивейше усмотреть изволила и сию его присылку приемлет милостиво, и о исполнении прошения его обнадеживает его своею высокомонаршескою милостью, на которую б он совершенно надеясь, возвращался к Волге без всякого опасения, о чем ему, посланцу, повелела пространно объявить своим министрам и отправить к нему, Дондук Омбе, свою императорскую всемилостивейшую грамоту, для лучшего уверения и обнадеживания паки послать Данилу Ефремова.

А между тем того ж 1735 года по имеющемуся совету генваря 21 и по докладу Ее Императорскому Величеству февраля 6 дня, и по определению, подписанному 6 марта кабинетными министрами Остерманом, князем Алексеем Михайловичем Черкаским и действительными тайными советниками бароном Минихом и бароном Петром Павловичем Шафировым,— оный посланец отпущен возвратно к Дондук Омбе, и вторично послан Данила Ефремов, и отправлена грамота Ее Императорского Величества, и в оной к Дондук Омбе писано под 7 числом марта:

1-е. Что Ее Императорское Величество, по прошению его, имеющиеся при нем улусы отдает на собственное его рассмотрение и, которые из оных надлежит возвратить прежним владельцам,— и те возвратить, а которые желает он себе удержать, и те жалует — отдает ему во владение.

2-е. Когда он, Дондук Омбо, к Волге придет и присягу верности учинит, и тогда повелено и главное правление над всеми калмыками ему поручить, которую команду иметь ему по прежним их правам и обыкновениям, как то было при Аюке-хане, и поступать со владельцами, не чиня никому из них обид, и принадлежащего им не отнимать.

3-е. О крещеных калмыках будет поступлено по прежним обыкновениям и по шертовальным записям предков его, и также крещеные калмыки отданы будут в команду брата его — владельца Петра Тайшина.

4-е. Чаятельно, что он, получа главное над калмыками правление, будет поступать по указам, и тако в приезде его в здешние городы принуждения ему быть не имеет.

Посланцу Дондук-Омбину Джимбе Джамсе при даче копии грамоты, к

Дондук Омбе отправляемой, словесно от кабинетных министров именным императорским указом объявлено:

что Дондук Омбо в главные правители калмыцкого народа жалуется в той надежде, что он человек умный и может весь их калмыцкий народ привесть в добрый покой и согласие, и содержать в верности к Ее Императорскому Величеству, чего хан Черен Дондук за слабостию своею, а особливо за пьянством, учинить не мог.

А грамотою к хану крымскому о Дондук Омбе отзываться не для чего и необыкновенно, а когда он, Дондук Омбо, действительно к Волге возвратится, и тогда о том, по обыкновению, хану крымскому от пограничных управителей знать дано будет. Эркетеневы зайсанги, когда Дондук Омбо на Волгу возвратится и в верности присягу учинит, тогда всемерно из-под ареста свобождены будут, понеже когда калмыцкие улусы все совокупятся и покой и тишина возобновятся, и тогда и им, калмыкам, между собою надлежит учинить генеральное примирение и друг другу в происшедших злых случаях никакого отмщения не чинить.

При том же ему — посланцу, объявлено, что, хотя Дондук Омбо, по отправлении его посланца сюда и не получа на прошении его отсюда ответа, посылал от себя к хану Черен Дондуку нарочного и, стращая его, вымог от него себе присягу, и Доржу Назарова с детьми и с улусами к себе перезвал, и зять Дондук-Омбин — дербетев владелец Гунга Доржи — нападал на донские жилища, однако ж все то оставляется в рассуждении того, чтоб он, Дондук Омбо, немедленно шел к Волге без опасения.

В инструкции старшине Ефремову предписано, чтоб он крайне старался Дондук Омбу привесть к Волге, а когда он придет, и тогда ему, Ефремову, спросить его, Дондук Омбу, где он и когда учинит присягу. И по получении о том от него известия сообщить астраханскому губернатору Измайлову или полковнику Беклемишеву, из которых одному, кому будет способнее, подлежит при учинен[ии] оной присяги быть, а какова та присяга, также и других владельцев,— даны ему, Ефремову, на российском и калмыцком языках копии. И буде Дондук Омбо станет спрашивать, в чем ему надлежит присягать, и ему, Ефремову, смотря, чтоб толкованием присяги не подать причины к замедлению в возвращении Дондук Омбы к Волге, оную ему показать или пристойным образом отозваться, что та его присяга имеет быть обыкновенною в верности Ее Императорскому Величеству, а потом уже, когда он, Дондук Омбо, к Волге придет, тогда ему ту присягу губернатор Измайлов или полковник Беклемишев сами объявят.

Ему ж, Ефремову, особливо дан секретный пункт, которым предписано говорить Дондук Омбе, что ежели он в правлении калмыцкого народа возмнит быть от хана Черен Дондука какое помешательство и препятствие, то Ее Императорское Величество повелеть изволит оного Черен Дондука пристойным образом из улусов вызвать ко двору своему. А ежели он, Дондук Омбо, в бытность Черен Дондука в калмыцких улусах никакого себе в правлении того народа помешательства не чает, то оной Черен Дондук имеет остаться при

собственном своем улусе. И при том Ефремову велено от него, Дондук Омбы, подлинно выведать и требовать на сие точного ответа, и писать о том к губернатору астраханскому и к полковнику Беклемишеву.

А оным губернатору Измайлову и полковнику Беклемишеву в указах предписано, что когда по известию от Данила Ефремова Дондук Омбо пожелает, чтоб хана Черен Дондука тамо в улусах не было, то в таком случае его, Черен Дондука, им — Измайлову или Беклемишеву, которому из них будет способнее,— призвать к себе и отправить его в Петербург, с добрым офицером и с конвоем, со всяким удовольствием. Ежели ж бы Черен Дондук ехать сюда не похотел и какую отговорку стал чинить, и оной не приемля, взяв его, отправить, только велеть в пути везти со всяким удовольствием. А в грамоте к хану Черен Дондуку писано, чтоб он для некоторого дела был ко двору Ее Императорского Величества немедленно, и та грамота послана на руки губернатора Измайлова, а такова ж и к полковнику Беклемишеву отправлена.

Вышеупоминаемая же для Дондук Омбы присяга была такого содержания: чтоб ему, Дондук Омбе,— по вручении ему над всем калмыцким народом главной команды — служить верно и никакой противности ни явно, ни тайно не чинить и других владельцев и зайсангов и прочих калмык до того не допускать, и во всем поступать и исполнение чинить по императорским указам, и все то содержать, что дед его, Аюка-хан, при учинении присяги своей обещал. В прочем же со всеми калмыцкими владельцами поступать по древним их калмыцким правам и обыкновениям, не чиня никому из них никаких обид, и принадлежащего им не отнимать.

А прочих калмыцких владельцев присяга состояла в том, чтоб им также служить верно, никакой противности ни тайно, ни явно не чинить, и подвластных их до того не допускать, и во всем поступать и исполнение чинить по императорским указам, и над калмыцким народом учрежденному управителю Дондук Омбе отдавать надлежащее почтение и послушание, в чем не будет противности указам императорским, и со всеми калмыцкими владельцами, которые в верности пребывают и впредь пребывать будут,— жить в миру и в согласии и междоусобных ссор не вчинать.

В крепость Святые Анны — к генералу-майору господину Шувалову — послан тогда ж указ, и велено ему, по получении известия от Данилы Ефремова о возвращении Дондук Омбы к Волге, послать от себя к хану крымскому письмо следующего содержания:

''Вашему высочеству довольно известно, коим образом в 1732 году подданный Ее Императорского Величества — моей всемилостивейшей Государыни — калмыцкий владелец Дондук Омбо, поссорясь с сродниками своими, отошел в ваши границы и до днесь пребывал на Кубани, но понеже оный, пред некоторым временем пришед в чувство, двоекратно присылал ко двору Ее Императорского Величества нарочных своих посланцев, всеподданнейше прося Ее Императорское Величество о принятии в прежнюю милость. И на то его прошение Ее Императорское Величество по обыкновенному

своему ко всем подданным своим монаршескому милосердию всемилостивейше соизволила и повелела оному Дондуку Омбе и со всеми калмыцкими улусами без всякого опасения возвратиться в державу Ее Императорского Величества на прежнее их жилище, к реке Волге. И, как слышу, что оный туда уже и покочевал, о чем вашему ханскому высочеству сим сообщаю во известие и прошу: ежели от помянутого Дондук Омбы коим-либо образом и еще на Кубани остались калмыки, дабы оные оттуда были высланы в державу Ее Императорского Величества, и впредь бы таковых беглецов туда принимать запретили''.

К губернатору же астраханскому Измайлову и к полковнику Беклемишеву при вышеписанных указах со всей сей экспедиции для известия и исполнения посланы копии.

Марта 28 дня, по определению за подписанием кабинетных министров и коллежских членов, рассуждено по силе вышеписанного совета, 6 марта подписанного, о публиковании Дондук Омбы главным управителем, напечатать на российском и калмыцком языках грамоты Ее Императорского Величества следующего содержания:

''Божиею милостию Мы, Анна, Императрица и Самодержица Всероссийская и прочая, и прочая, и прочая, Нашего Императорского Величества верным подданным калмыцким владельцам, и их духовным, и зайсангам, и всему калмыцкому народу наша императорская милость.

Мы уповаем, что всему нашему верному подданному калмыцкому народу довольно известно, како блаженные памяти Их Императорские Величествы, предки наши, калмыцкий народ в высочайшей своей милости содержали, чего для Его Императорское Величество блаженныя и вечнодостойныя памяти любезнейший наш Государь дядя Петр Великий, имея во всемилостивейшем своем рассуждении Аюки-хана калмыцкого добрые верности и показанные службы в 1724 году, по смерти оного Аюки-хана сына его Черен Дондука всемилостивейше изволил учредить для надзирания всего нашего подданного калмыцкого народа в наместники ханства. А в 1731 году Мы, Великая Государыня, Наше Императорское Величество, для лучшего управления того калмыцкого народа и содержания к Нашему Императорскому Величеству в постоянной верности — всемилостивейше пожаловали и учредили его, Черен Дондука, ханом калмыцким, но понеже, к немалому нашему неудовольствию, оный Черен Дондук по получении ханства учинил себя весьма слабо, а к тому ж и спился, и за тем порученного ему подданного нашего калмыцкого народа в добром согласии и к нам в должной верности содержать не мог, и без рассуждения за малые никакие несогласия вступил с калмыцкими владельцами в бой, и все свои улусы потерял. И хотя по обыкновенному нашему высокомонаршескому милосердию — для восстановления между им, Черен Дондуком, и другими владельцами прежнего согласия и в подданном нашем калмыцком народе тишины и покоя — посылан был от двора нашего генерал наш лейтенант князь Иван Барятинской, который ему, Черен Дондуку, многие калмыцкие улусы по-прежнему подчинил, и с подданным нашим владельцем

Доржею Назаровым и с сыном его Лубжею добродетельно примирил и соединил, но он, Черен Дондук, за слабостью своею, а особливо за пьянством, и того мира не додержал, но паки вступил в междоусобие, и оттого подчиненные ему улусы потерял. И теми его противными поступками калмыцкий народ до того пришел, что, разделясь на части, друг друга, яко сущие неприятели, воевали. И оттого пришли в крайнее убожество и приблизились ко всеконечному падению. И того ради Мы, Великая Государыня, Наше Императорское Величество, яко мать отечества, о том подданного нашего калмыцкого народа междоусобном смятении сожалея, из превысочайшей нашей к калмыцкому народу милости и в лучшую того пользу — для восстановления прежней тишины и покоя и содержания в должной к нам верности — всемилостивейше определили нашего подданного калмыцкого владельца Дондук Омбу, внука вышенареченного хана Аюки, надо всем нашим подданным калмыцким народом главным управителем, и при том повелели ему ту команду иметь по прежним вашим правам и обыкновениям, как то было при деде его хане Аюке, и поступать со владельцами, не чиня никому обид, и принадлежащего им не отнимать, в чем он Дондук Омбо и присягу учинил. И о сем нашем всемилостивейшем соизволении и о так превысочайшей нашей ко всему калмыцкому народу милости — вам, нашим подданным, ведать, и по верной к Нашему Императорскому Величеству подданности, по сему нашему всемилостивейшему указу и определению помянутого нашего подданного Дондук Омбу иметь за главного управителя, и ему отдавать надлежащее почтение и послушание во всем том, что к лучшему содержанию доброго порядка между калмыцким народом и к Нашего Императорского Величества высокой службе и интересам принадлежит. И со всеми калмыцкими владельцами в происшедших противных случаях между себя учинить генеральное примирение и отмщения никому впредь не чинить, и жить со всеми в покое и тишине, а Мы, Великая Государыня, Наше Императорское Величество, видя вашу к нам верность и исполнение сего нашего всемилостивейшего соизволения, будем вас, наших подданных, содержать но-прежнему в нашей императорской милости и защищении. Дан в Санкт-Петербурге 1735 года, марта 7 дня''.

По определению Коллегии 29 апреля послано таковых печатных грамот, при указе к губернатору Измайлову,— сорок, которые велено ему, по взятии у Дондук Омбы присяги, разослать при своих письмах ко всем калмыцким владельцам и к их духовным.

Между тем хан Черен Дондук, брат его Галдан Данжин с матерью их Дарма Балою и владелец Дондук Даши и Шакур-лама с улусами их при наступлении летнего времени из-за Дону переправились для безопасности их от Дондук Омбы в Царицынскую линию, откуда хошоутов владелец Лекбей и дочь его, а ханского брата Галдан Данжина жена, бежали к Дондук Омбе, переправясь двоекратно чрез реку Волгу, то есть из Царицынской линии на луговую, а с луговой — ниже оной линии — на нагорную сторону.

Тогда ж бежал было к Дондук Омбе от владельца Дондук Даши первый его зайсанг Шоро, который полковником Беклемишевым возвращен и по желанию Дондук Даши задержан в Царицыне под караулом.

В тогдашнюю ж хана с улусами калмыцкими в Царицынской линии бытность приносимы были на них от донских казаков жалобы в причиненных им обидах, а напротив того и калмыки жаловались на донских казаков в отгоне у них скота и в увозе людей. И по сношению Коллегии иностранных дел с Военною коллегиею, велено их полковнику Беклемишеву развести и обе стороны удовольствовать справедливостию, а в которых исках с обеих сторон не будет явного свидетельства, и таковые разнимать верою, как то и напредь сего между россиянами и калмыками происходило.

Июня 16 числа по определению Коллегии в указе к губернатору Измайлову писано: чтоб он калмыцкого владельца Дондук Дашу за показанные его к здешней стороне верности от Дондук-Омбиных и других нападений охранял. И по приходе Дондук Омбы к Волге, старался их, Дондук Омбу и Дондук Дашу, примирить. Ежели же Дондук Омбо, по приходе к Волге и по принятии над калмыцким народом команды, злобы своей на Дондук Дашу не оставит и по его губернаторскому старанию к примирению с ним не склонится, то в нужном случае его, Дондук Дашу, самого принять в город и содержать в довольствии, а буде он в город идти не похочет, то опасно, чтоб он, Дондук Даши, с отчаяния не ушел на Кубань или в Крым. И для того ему, губернатору, всякими удобовозможными способами его, Дондук Дашу, до такого — на Кубань или в Крым — побегу не допустить и, пристойным образом призвав в который город, задержать, а по последней мере, где его в малолюдстве излуча, хотя б он и не хотел,— взять и содержать во всяком довольстве.

Донской старшина Ефремов от 14 майя в Коллегию доносил, что он к Дондук Омбе приехал 6 того ж майя, и что Дондук Омбо милостию Ее Императорского Величества явился доволен, токмо приходом к Волге задержался, для того что Доржи Назаров и сын его Лубжа от Ее Императорского Величества всемилостивейшей грамоты не имеют и без того со оным Дондук Омбою возвратиться к Волге опасны, и что Дондук Омбо с азовцами и кубанцами поссорился и, чтоб ему отойти добрым порядком, для того посылает к хану крымскому нарочных посланцев, чтоб его с теми азовцами и кубанцами помирил. Дондук Омбо в листу своем сюда писал с благодарением за милость Ее Императорского Величества, прося при том о присылке грамот к Дорже и Лубже и чтоб калмыцких посланцев — Намку Гелена с товарищи, которые были в Пекине,— отпустить к Черен Дондуку. И по определению Коллегии 21 июня писано:

В грамоте к Дондук Омбе: что Ее Императорское Величество по его, Дондук-Омбину, доношению владельцам Дорже и сыну его Лубже своевольный их, без указу, переход всемилостивейше оставляет и чтоб он, Дондук Омбо, видя к себе и оным владельцам Дорже и Лубже такую высочайшую милость и будучи уже многажды о том уверен и обнадежен, шел со всеми при нем обретающимися владельцами и улусными людьми за Волгу на прежние их кочевья, не одерживаясь тамо ни за чем, а по возвращении его к Волге

обещаемая ему милость во всем исполнена, и главное правление над всем калмыцким народом ему вручено будет. А между тем по прошению его и бывшие у Далай-ламы и в Пекине посланцы калмыцкие, Намки Гелен с товарищи, все и со всеми их вещами из Москвы отпущены к Черен Дондуку.

В грамоте к Дорже Назарову: что хотя поступок их, Доржи и Лубжи, в уходе от Волги учинен неподданнический их должности, но понеже донесено Ее Императорскому Величеству от губернатора астраханского, что они сие учинили не в противном каком намерении, но от страху от киргис-касак, того ради Ее Императорское Величество тот его, Доржи, за Волгу, без указу, переход всемилостивейше оставляет и повелевает ему и сыну его, Лубже, возвратиться за Волгу без опасения.

Такого ж содержания послана особливая грамота и к Лубже. В указе к Даниле Ефремову: чтоб он всячески старался Дондук Омбу и всех прочих калмыцких владельцев в немедленном времени с Кубани возвратить к Волге. А понеже на сих днях получены здесь ведомости, что по указу двора султана турецкого велено хану крымскому послать сильное войско в Персию, и по сему признавается намерение турок к разрыву мира с Российскою империею. Того ради имеет он, Ефремов, наипаче всеми силами стараться Дондук Омбу со всеми калмыцкими владельцами из их турецкой области вызвать и к Волге привести, обнадеживая его, Дондук Омбу, и Доржу с сыном и прочих Ее Императорского Величества милости, по данной ему инструкции и по настоящим конъюнктурам, с наибольшим во всем удовольствием, не жалея, кому надлежит, подарков. И в том по всякой возможности стараться ему, Ефремову, верную свою службу показать, за что и он в милости Ее Императорского Величества и без награждения оставлен не будет.

Все то отправлено с присланным от Ефремова хорунжим, с которым еще послан указ в Москву в контору об отпуске содержащихся тамо под арестом калмыцких посланцев — у Далай-ламы бывших — Намки Гелена с товарищи, которых велено при том хорунжем, призвав в контору, сказать им: что хотя они за учиненную их противность — что без указу Ее Императорского Величества и без приказания своих владельцев ездили в Пекин и были у богдохана китайского и за прочее — подлежали некоторому штрафу, но Ее Императорское Величество, яко милосердая монархиня, по своему к подданным своим, и особливо к калмыцкому народу, обыкновенному милосердию повелела ту их вину отпустить и отправить их в калмыцкие улусы, дав в дорогу кормовые деньги и подводы. И, сказав им сие, того ж времени учинить их свободными и имеющий у них караул свести, чтоб вышереченный хорунжий то видел и, прибыв к Данилу Ефремову, мог о сем сказать.

В Коллегию иностранных дел донской старшина Данила Ефремов от 10 июня чрез сына своего Степана Ефремова доносил, что Дондук Омбо — по его, Ефремова, представлениям и обнадеживанию, что хан Черен Дондук, дабы в правлении калмыцким народом помешательства ему, Дондук Омбе, чинить не мог, отозван будет ко двору,— восприял намерение с Кубани идти к Волге. И майя 30 дня от урочища Учкундук покочевал вверх по Кубани, а июня 9 от

Кубани с урочища Домбой Тюп — на урочище Вершины Таплинские близ Черных лесов, где намерен побыть чрез неделю якобы для отправления по закону своему богомолья, а в самом деле — для ожидания из Крыма посланцев своих. И что он, Дондук Омбо, в пути кочует неспешно и медлит на одном месте дни по два, якобы за жарами, а присяге место назначить обещал в то время, как окончается их богомолье. Из чего он, Ефремов, заключал, что он тем своим ходом до Волги может продолжить месяца два или больше. Он же, Дондук Омбо, от Ефремова требовал, чтоб Шакур-лама, а особливо владелец Дондук Даши в калмыцких улусах не были, ибо он от Дондук Даши опасается и согласен с ним быть не надеется.

При том же случае и Дондук Омбо в листе своем писал с благодарением Ее Императорскому Величеству за особливую высочайшую милость и что он, будучи оной обнадежен, покочевал к Волге.

По определению, подписанному 15 июля, от кабинетных министров Остермана, графа Павла Ивановича Ягужинского, князя Алексея Михайловича Черкаского отправлена грамота к Дондук Омбе с вящщим обнадеживанием императорскою милостию и чтоб он немедля шел к Волге.

Письмо к нему от Остермана, которым дано ему знать, что о Черен Дондуке Ефремов указом императорским ему объявил, и то все по желанию его действительно исполнено будет, в чем бы он, Дондук Омбо, подлинно был уверен и обнадежен.

Указ к Данилу Ефремову, чтоб он накрепко смотрел и престерегал, дабы Дондук Омбу хан крымский каким ласкательством и представлением с пути не совратил и по-прежнему не перезвал на Кубань кочевать, а о Черен Дондуке накрепко его, Дондук Омбу, обнадежить, что сие всеконечно, по требованию его, учинено и Черен Дондук до тех мест здесь удержан будет, пока он сам о возвращении его писать будет. О Шакур-ламе и о Дондук Даше ежели он, Дондук Омбо, еще отзываться станет — в таком случае может он, Ефремов, ему объявить, чтоб он об них пребыл без всякого сумнения, понеже о врученном ему, Дондук Омбе, главном правлении и печатными грамотами публиковано будет и никаких противностей от них ожидать он не имеет. А ежели он весьма их, особливо Дондук Дашу, при себе иметь не пожелает, то и в том по его желанию потребные средства изобретены будут, ибо когда Ее Императорское Величество его, Дондук Омбу, главным над всем калмыцким народом учредила, то Ее Величество и оного притом накрепко содержать никогда не оставит и не допустит, чтоб от кого б то ни было ему какие противности учинены были, в чем бы он твердо обнадежен был и никакого сумнения в том не имел. И иметь ему, Ефремову, в прочем крайнейшее радение, чтоб его, Дондук Омбу, по-прежнему в верном Ее Императорского Величества подданстве утвердить и привесть к скорейшему возвращению к Волге, где тогда способнее будет обо всем с ним сношение иметь и пожелания его все то учинить, что для его безопасности и общей пользы всего калмыцкого народа потребно будет.

В постскрипте[47] того указа к Ефремову писано, что, по медлительному Дондук Омбы кочеванию, сумнительно о истинном его намерении, а паче при тогдашнем походе хана крымского, о котором получена ведомость, что у Керчи уже действительно перебирается и намерен зайти к Дондук Омбе, и того ради — уговаривать ему, Ефремову, Дондук Омбу всякими образы, дабы он не только кочеванием своим поспешал, но и присягу свою не отводил вдаль, и оною верность свою немедленно доказал, почему и собственное себе удовольствие скорее получить может.

Указ к губернатору Измайлову, что Черен Дондука из улусов вызвать и ко двору отправить в непродолжительном времени и до прибытия к Волге Дондук Омбы. И для того надлежит ему, губернатору, по получении того указа, тотчас его, Черен Дондука, к себе вызвать и под пристойным претекстом у себя удержать, дабы он, как скоро Дондук Омбо присягу учинит, сюда отправлен быть мог. А о владельце Дондук Даше, хотя прежний указ ему, губернатору, и подтверждается, однако ж — дабы вдруг между Дондук Омбы и оным Дондук Дашею не произошли какие незапные противности и оттого в калмыцком народе новые замешании и конфузии — того ради рассуждается, что вначале лучше всего, чтоб он, Дондук Даши, кочевал в Царицынской линии, где он от Дондук Омбы в отдалении будет. А между тем можно старание иметь о примирении их или, в потребном случае, для предупреждения таких новых замешаний,— и для его, Дондук Даши, совершенной безопасности — другие средства изобрести. А ежели б он весьма к тому не склонился и опасение было, чтоб он куда уйти похотел, то — каким ни есть образом — оного взять в город и тамо до дальнейшего указа во всяком довольстве содержать.

При том же послана на руки его, губернатора, грамота к Шакур-ламе со увещанием о примирении его с Дондук Омбою и о восстановлении по его духовной власти в калмыцком народе покоя. И оную велено губернатору к нему, Шакур-ламе, отослать тогда, когда Дондук Омбо к Волге придет и в верности присягу учинит. И трудиться ему губернатору его, Шакур-ламу, с Дондук Омбою примирить, обнадеживая его, ламу, императорским указом и протекциею, и что от Дондук Омбы ему, Шакур-ламе, яко духовной по закону их персоне, никакой противности учинено быть не может. Да и Дондук Дашу обнадежить императорскою милостию и протекциею.

Указ к полковнику Беклемишеву, в котором о хане Черен Дондуке писано, понеже здесь известно, что он, Черен Дондук, со своими улусами кочует внутрь Царицынской линии и обретается близ Царицына, то рассуждается, что исполнение по вышеписанному способнее учинить ему Беклемишеву, нежели губернатору Измайлову, для чего ему, Беклемишеву, немедленно переехать из Саратова в Царицын. Буде же он, Беклемишев, (как преж сего писал) имеет такую болезнь, что на лошади ездить ему не можно,— то сие к настоящему

---

[47] Постскрипт (пост-скриптум) *латинск.* — приписка к письму.

случаю за наилучший способ признавается, ибо может он, Беклемишев, из Царицына к Черен Дондуку послать кого нарочного и велеть сказать, что имеет он, Беклемишев, с ним говорить о каком важном и ему самому потребном деле. А он, Беклемишев, за болезнию не может к нему в улусы ехать, для чего б он, Черен Дондук, приехал в Царицын. Когда ж приедет, тогда, отдав ему посланную пред тем на руки его, Беклемишева, грамоту, говорить: понеже Дондук Омбо с Кубани к Волге возвратится и дабы он, Дондук Омбо, мстя ему, Черен Дондуку, прежнюю ссору, какого озлобления не учинил, того ради необходимо надобно ехать ему, Черен Дондуку, ко двору императорскому самому и тамо — для изыскания в том средства, каким бы образом его, Черен Дондука, с ним, Дондук Омбою, помирить и впредь весь калмыцкий народ в верности к Ее Императорскому Величеству и между собою в покое содержать,— доношение учинить и, о чем у него спросится и востребуется, совет подать.

Вышеписанная грамота и письмо к Дондук Омбе, и указ к Данилу Ефремову отправлены Степаном Ефремовым. До получения полковником Беклемишевым вышеписанного указа, хан Черен Дондук с прочими владельцами и с их улусами из Царицынской линии переправились чрез Волгу на луговую сторону, куда к хану Черен Дондуку приехали и отпущенные из Москвы посланцы его и других владельцев, у Далай-ламы и в Пекине бывшие,— Намки Гелен с товарищи, которым хан, мать его ханша Дарма Бала и Шакур-лама порадовались. А под тот случай и от Дондук Омбы прислан был к ним посланец с тем, что ежели хан Черен Дондук от Далай-ламы о бытии ему на ханстве указ получил, то он, Дондук Омбо, ему, хану, улусы его все отдаст, а в противном тому случае — оные удержит у себя.

Того ж 1735 года сентября 10 дня на луговой стороне в урочище Цаган-Цоло, ниже города Царицына в сорока верстах, была у хана Черен Дондука церемония, как он принял данный ему от Далай-ламы ханский чин,— следующим образом:

1-е. Убрана была ханская большая кибитка, о двенадцати решетках, внутри по их калмыцкому обыкновению разными парчами.

В первом месте в оной против дверей сделано было ему, хану, сидеть особливое высокое место, наподобие престола, под висячим из парчей балдахином.

По правую сторону от хана вбок сделано было для Шакур-ламы особливое место — вышиною ниже ханского, а по другую, то есть от хана на левой стороне, особливое ж место для Черен-Дондуковой матери, вдовствующей Аюкиной ханши — Дармы Балы, и Черен-Дондуковой ханши Деджита, и Черен-Дондуковой невестки — брата его Галдан Данжина жены. И та кибитка устлана была коврами.

2-е. Напротиву той ханской кибитки на восток, то есть двери против дверей, саженях в десяти стояла другая такая ж большая кибитка, или капище идольское со убранными в ней идолами и с обыкновенными пред ними жертвами. При том капище было их — гелепов, гецулей и манжи — около

трехсот человек в убранстве, в каковом они бывают во время их служения идолам, и полная их духовная музыка с колоколами.

Калмыки и мунгалы богов своих, а прежде бывших людей, и во образ их сделанных идолов — литых, тисненных, резных и малеванных — называют каждого генерально: бурхан, то есть бог. А собственные оных названия произносятся у них на тангутском и индейском языках, хотя от древних язычников и другими именами, но по разным их должностям, тех же самых почитают, то есть бога неба, бога морского, бога адского и прочих богов и богинь — бесчисленное множество, между которыми солнце, огонь и другие некоторые твари боготворят, а особливо тангутского народа государя, то есть Далай-ламу, человека суща,— не только боготворят, но и жертвами почитают и именем его клянутся.

Они ж исповедают переселение душ из человека в животное и паки — из животного в человека, и множество миров, то есть в солнце, и луне, и в звездах, и для того некоторые из них законники, так же как и индейцы, не едят мяса и рыбы, а питаются молоком, маслом, хлебом и другими плодами.

В жертву же у калмык, яко с места на место переходящего народа, пред идолами их поставляется в небольших чашечках серебряных и медных, для того нарочно сделанных, всякие сухие ягоды, пшено сорочинское, а в иных — коровье масло горящее, а между всем тем в праздники их поставляется овечья голяшка сырого мяса, от которой после службы идолам один из попов их отрезывает по самой малейшей частице и раздает калмыкам, которые то глотают, а для курения пред идолами употребляют можжевель.

3-е. Того дня поутру хан Черен Дондук, мать его, жена и невестка из своих кибиток один за другим пришли в препровождении своих зайсангов и служителей в ту ханскую убранную кибитку и сели на своих местах в богатом платье из парчей, сделанном по-калмыцки.

4-е. Потом приехал Шакур-лама верхом в убранстве, в каковом он во время служения своего идолам бывает в капище, и когда он приближался к ханской кибитке, и тогда при капище бывшие духовные встретили его с пением, музыкою и колокольным звоном, с предносимыми значками, при капище бывающими, и проводили до ханской кибитки, а сами возвратились в капище, а лама в ханской кибитке сел на приготовленное для него место.

У калмык лама, а у мунгал хутукту — во время служения их идолам — во-первых: на голое тело подпоясан бывает выше чресл сделанным из белой китайки, наподобие фартука, что по-мунгальски и по-калмыцки называется маяк, сверх того и надевает на себя шамтан, сделанный из красного стамеда тангутского, подобно женской юбке, длиною от пояса до лодыжек, и сверх юбки подпоясывает гирак, сделанный из желтого стамеда тангутского, наподобие пояса или кушака, шириною около шести вершков, потом надевает на себя короткое и недлинное, как до пояса, безрукавное платье, называемое эренге, оно бывает из шелковой парчи красного цвета, а под пазухами — по обе стороны до подолу — нашито желтою шелковою ж парчою, шириною около двух вершков, а на спине — ниже плеч — нашит четвероугольник из

золотой парчи, величиною около пяти вершков, потом три плаща длиною каждый в семь, а шириною в три локтя. Первый, называемый намджар, — из желтой камки. На нем на одной стороне нашито клетками — вместо лент — разрезным желтым атласом, с протачкою голубого шелка, который и видим бывает. Другой — помту-дебель (то есть священная риза) — из тангутского желтого стамеда, и кругом обшито таким же стамедом и средними из того же стамеда клетками. Третий — оркимджи — из тангутского красного стамеда. И все три, сложа вместе один на другой,— срединою положат на левое плечо и одними концами чрез спину под правую руку обогнут, и опять на то же левое плечо крючками пристегивают. А передние концы лама и хутукту во время служения своего держат, положа на левую свою руку, а иногда закладывают на свою спину. Шапка на нем бывает из желтого тангутского сукна с подкладкою из красной камки, сшитая из двух частей, так высока, как шишаки панцирные, и по обе стороны над ушами висит длиною на аршин, а шириною с лицком в вершок нашитое разноцветными парчовыми лоскутьями, в прочем при том служении обе руки бывают у него голы и ноги босы, а когда случится ему в том одеянии ехать верхом, и тогда надевает сапоги.

У геленов, или попов их, одеяние бывает во всем на то ж похожее, кроме токмо шапки, ибо они во время молитвы своей идолам бывают непокрытыми головами, а у небогатых калмыцких попов вместо шелковых парчей и тангутского стамеда употребляются турецкие кумачи и бурмети таких же цветов.

В прочее же время все калмыцкие и мунгальские гелены, или попы, носят хотя и обыкновенное с прочими платье, но для отличности от других — красного или желтого цветов. Они ж, также гецюли и манжи, головы свои бреют, а жен не имеют, а которые из них хотят жениться, и таковые из духовных их чинов исключаются. А кто гелен или поп — тот и эмчи, то есть лекарь, а лечит по книгам, от тангутских медиков сочиненным и на собственный их язык переведенным, медикаментами, выписывая оные из Китая и из других заграничных мест, также и из российских аптек, а которые из их попов природою тангуты и к ним присланы от Далай-ламы, и таковых называют еке эмчи гелен, то есть доктор и поп, а иные их попы лечат волшебством и сны толкуют, чему всему суеверный народ весьма верит, и великие им дачи чинят и коленопреклонением почитают, да и в прочем их, а паче ламу или хутукту взамен ж их богов своих считают, и для того вообще у всех калмыцких и мунгальских народов в духовный чин с охотою вступают нойоны и зайсанги.

А духовная их музыка следующая:

Цанг — два блюда плоские, медные, литые с частию серебра и олова, назади в средине с ручками, за которые один человек, держа руками, одно об другое ударяет, и оттого делается превеликий звук.

Силнян — такие же два блюда, но меньше первых, действие их такое ж.

Хонхо — колокольчик небольшой с ручкою, во время служения у каждого гелена или попа в руках употребляемый, а у старшего над ними такой же колокольчик, токмо побольше других, которым он дает сигналы к начинанию и окончанию пения.

Бюря — две трубы медные, в одни концы вставливаются мунштуки, а другие концы так, как у валтор,— широкие, длиною каждая труба около трех аршин, которые издают великий и толстый голос.

Бишкур — две небольшие трубы, серебряные, наподобие сиповки.

Ганг дун — две трубки, сделанные из человеческих костей, которые бывают в голени, оправлены в серебре и с муштуками, оные издают голос яркий.

Кенгерге — двенадцать, похожие на наши, литавры, в которые бьют палками.

Дунг — большая раковина, жемчужная, оправленная серебром, которая издает весьма великий и далеко слышимый голос, таковые ж раковины калмыцкие и мунгальские ханы и знатные нойоны имеют в походах при войсках своих для дачи сигналов.

5-е. А после того бывший у Далай-ламы ханский посланец Батур Омбо, который тамо из гецюлей пожалован в гелен, ехал от своей кибитки, которая от хана в расстоянии была с версту, следующим порядком. (1-е) Наперед ехали два манжи, оба рядом, один держал в руке пук горящих свечей благовонных, а другой вез жаровню, зажженную с благовонными кореньями и травами, китайскими и тангутскими. (2-е) Посланец гелен Батур Омбо ехал, держа одною рукою на голове своей Далай-ламину грамоту, к Черен Дондуку на ханство присланную. (3-е) За ним ехал один гелен, или поп, и вез на голове своей идола, литого из меди и вызолоченного, от Далай-ламы присланного. (4-е) Один гелен вел белую лошадь под седлом, от Далай-ламы присланным.

С тем седлом от Далай-ламы дана была и лошадь белая, которую посланец тамо в Тангутах продал, а вместо оной в калмыцких улусах купил другую, такой же шерсти, которая в сей церемонии была и употреблена.

(5-е) Гелены ж один за другим везли от Далай-ламы к Черен Дондуку на ханство присланные шапку, платье, пояс с хабтагою, или с кошелем, в который они обыкновенно кладут платок и чашку для питья, к тому ж поясу привязан был нож с ножнами, саблю, ружье и сайдак со стрелами и с луком. (6-е) Сию церемонию заключали два гелена ж, едучи рядом и имея в руках своих два знамя, из которых одно прислано от Далай-ламы к Черен Дондуку на ханство — называемое тук, а другое — из знатного тамошнего монастыря, или прорицательного капища, идола их, называемого Брибунг Цойджинг.

И когда сей посланец приближился к ханской кибитке, и тогда встретили его и до ханской кибитки проводили при капище бывшие духовныя так, как и Шакур-ламу,— с пением, музыкою, колокольным звоном и с их значками.

Калмыки и мунгалы, яко идолопоклонники, по своему зловерию исповедают, что между многих их богов один есть бог, ими называемый Брибунг Цойджинг, который всегдашнее свое пребывание имеет на воздухе, ибо плоти и иного какого вида не имеет, но токмо един дух, и может во мгновение ока седмь крат обращение иметь круг всей вселенной. И что под именем оного в древних летах, по прореченью Далай-ламы, близ его, Далай-ламиной, резиденции построен каменный киот, то есть монастырь, в котором обретается духовных служителей несколько тысяч человек, да в том же монастыре, великим иждивением построенное из камня превеликое каменное, с золотою крышкою, сюме, то есть храм, а справедливее — идольское капище, и в оном сделан немалой высоты престол, и когда востребует нужда, тогда все духовные служители сбираются в помянутое капище и, седши по местам своим, с великим благоговением читают ему молитвы, прося его о посещении. И потому будто он их и посещает таким образом: в то капище войдет невидимо и вселится из присутствующих тут духовных — в одного человека, которого изберет, и внезапу тот человек из среды прочих, якобы невидимою силою, восхитится на престол. И тотчас надевают на него присутствующие духовные персоны, для почтения, особливое чистое платье, которое нарочно для того в том капище хранится. Потом тот человек, будучи на престоле, с великим свирепством провещает тут присутствующим духовным, что и где впредь быть имеет и что для того надобно будет делать. И те его прорицательные речи оные духовные записывают, и по окончании таких прорицаний означенный человек невидимою ж силою и в облаченном платье паки обрящется на прежде бывшем своем месте, на котором то платье с него и снимается. А с тех записок верующим в него даются письма, писанные на тангутском языке на желтых камках, и припечатываются монастырскою красною печатью, и верят, что кто оное при себе имеет, тому никакое зло приключиться и вредить его не может, и для того тамошние Далай-ламинские места калмыки в таком почтении имеют, что с охотою и умереть тамо желают. Калмыцкие ж ханы и знатные нойоны и жены их таковые письма, скатанные кругом, наподобие веревки, и обшитые красною камкою — сводя концами вместе,— всегда на себе носят, сверх платья, с левого плеча под правую руку.

6-е. Посланец с вышеозначенным порядком доехал в самую близость дверей ханской кибитки, и тут все слезли с лошадей и тою ж церемониею один за другим входили в ханскую кибитку, а знамена поставлены были по обе стороны дверей ханской кибитки, а пред дверьми держали ружье, сайдак и саблю при оседланной лошади.

В другое же время и всегда не токмо гелены, но и знатные нойоны, ханские ближние родственники, по их древнему обыкновению, к ханской кибитке, которую они называют огчио, то есть дворец, не доезжая сажен за тридцать,— с лошадей слазят и до кибитки ходят пешие. Немного меньше того почитаются у них и знатных нойонов кибитки, которые называются также огчио, но ежели при том случится упомянуть и ханскую кибитку, то называют ее большой оргио.

7-е. По вступлении посланца в ханскую кибитку хан и все при нем бывшие встали на ноги, и грамоту от посланца принял Шакур-лама и сперва клал себе на голову, а потом положил на приготовленный для того столик, после чего принимал присланные от Далай-ламы шапку и платье, сшитые по мунгальскому манеру, и надевал на хана. По убрании хана ту Далай-ламину грамоту, на тангутском языке писанную, Шакур-лама в кибитке всем прочитал на калмыцком языке и клал на головы хану, ханшам и прочим в той кибитке бывшим.

Потом, вышед с нею за кибитку, читал на калмыцком же языке во всенародное услышание, стоя на ногах, причем в собрании было попов, зайсангов и рядовых калмык до двух тысяч человек. По прочтении же оной попы и зайсанги по одному подходили к Шакур-ламе, которым он Далай-ламину грамоту клал на их головы, а рядовым калмыкам на головы ту грамоту класть оставил бывшего у Далай-ламы посланца Батур Омбо-гелена, а сам, вошед в кибитку, поздравлял тем хана и наложил на него чрез левое плечо и под правою рукою завязал белый шелковый хадак, то есть долгой платок, потом поздравляли хана ханши Дарма Бала, и Деджит, и ханская невестка, и муж ее — ханский брат Галдан Данжин, и бывшие в кибитке попы, зайсанги и знатные служители. После ж того как все бывшие в кибитке, так и за кибиткою друг друга поздравляли и обнимались и один другого дарили белыми китайскими шелковыми платками и другими вещами, что они обыкновенно чинят в празднество наступления каждого нового года.

Новый их год на калмыцком и мунгальском языке называется Цаган Сара, или белый месяц. Годы же у них числятся лунные по двенадцати месяцев, а чрез три года в четвертом — тринадцать месяцев. Месяцы же считают от рождения луны, в одном — 29, другом — 30 дней, и прочие по тому ж. И тако новый их год начинается от большой части в месяце феврале, а редко случается и в последних числах генваря. И в первой день близ кочующие владельцы, попы и зайсанги собираются к хану и отправляют в капище их молитвы с духовною музыкою и потом друг друга поздравляют, обнимаяся, и взаимно один другого дарят хадаками, то есть белыми китайскими шелковыми долгими платками и другими вещами. А убогие взаимно ж между собою меняются кусками сахара, леденца, разными сухими ягодами, копейками, денежками и другими малыми вещами.

8-е. По окончании того поздравления духовные их между ханской кибитки и капища по обе стороны дверей построились в две линии и начали пение, играние на музыке и колокольный звон, а хан в то время, вышед из кибитки своей, подпоясал на себя присланные от Далай-ламы саблю и сайдак и сел на лошадь и ехал между тех двух из духовных их построенных линий к капищу, а ружье, присланное от Далай-ламы, один поп за ним, ханом, нес. Приехав к дверям капища, слез с лошади и сайдак и саблю снял, и входил в капище, и отправлял пред всеми идолами коленопреклонение с молитвою. По окончании того вышел из капища, саблю и сайдак подпоясал и на лошади доехал до своей кибитки. И когда тут слез и вошел в кибитку, и сел на свое место, то сабля, сайдак и ружье внесены в ту ж кибитку и прицеплены на обыкновенных местах, а лошадь отведена в конюшню.

9-е. Вскоре после сего пред хана, Шакур-ламу и ханскую фамилию поставлены были пред каждого, по их обыкновению, небольшие столики, а пред знатных попов и зайсангов такие же столики поставлены были пред двух по одному с кушаньем, и подносимо было питье, причем в той кибитке играла их домовая музыка с припеванием песен. А за кибиткою попы их пение и

музыку свою с колокольным звоном продолжали во весь ханский обед, а после оного дан был им и случившемуся народу ханский стол при капище в поле.

В домовой их музыке первый инструмент называется ятуга — сделанное из дерева, внутри пустое, длиною около четырех аршин, а шириною в пол-аршина, с шестью струнами, на котором играют так, как на гуслях.

Другой — икили, с смычком, во всем похожий на скрипицу.

Третий — железный кобыз, или варган, которым играют, держа в роту зубами.

И все три инструмента между собою в голосах соглашаются.

А при том один человек тонким и высоким голосом припевает, а другой человек — так, как бас, и дает свой голос по тактам.

10-е. Во время ханского стола от хана пожалованы: первый зайсанг Гумеджап — дарханом, он же и судьею в Зарго. Другой зайсанг — Черен Норбо в даян дутоно, то есть в сведущий внутреннее, а разуметь надобно, тайные советы, он же и судьею в Зарго. Третий зайсанг Чедегер Даши в шидар кя и моричи, а по- российски шидар — ближний, кя — стройный телом, пригожий лицом и опрятный в платье, а моричи — конюший. Из сих последний конюший чин и прежде он давно имел.

У богдохана китайского есть придворные кавалеры и по-мунгальски называемые шидар кя, а должность их состоит в том, чтоб быть им всегда при богдохане по переменам безотлучно, и потому оные самые — то ж, как при европейских дворах камергеры. У калмыцких же и мунгальских ханов имеющие чин шидар кя — кочуют близ ханских кибиток и всегда при них бывают, отлучаясь только тогда, когда ханы спят, а при публичных столах они ханам служат. В отсутствие же ханов не токмо от зайсангов, но и от нойонов в великом почтении бывают.

Четвертый зайсанг Чештар — в алдар кя, то есть в словущие или титулярные кя.

Пятый Дяткин сын Санжи — в олзенту кя, то есть в счастливые или в имеющие счастие быть кя, и сия есть степень третьего класса. Шестой зайсанг Цаган Доржи-тайджи — в шидар кя к ханше Черен-Дондуковой и ханским есаулом.

Седьмой — ханский служитель Аракба — командиром над придверниками. А дарханом у калмык и у мунгал называется уволенный человек от податей, подвод и от нижних судов, кроме ханского, и пред прочими — буде зайсанг, то пред зайсангами, а буде рядовой, то пред рядовыми имеет председание. И хотя во время случившейся потребности, каковы бывают при свадьбе ханской и по смерти ханов и жен их, при сожжении тел их и при отправлении посланцев их с пеплом к Далай-ламе, со всего народа чрезвычайные сборы, подати,— то дарханы и от того уволены, токмо в таком случае подносят от себя доброволь-ные подарки, кто что хочет.

По окончании у хана обеда все разъехались по своим домам, только при нем, хане, в кибитке оставались Шакур-лама и его ханская фамилия, причем он, хан, призвал к себе в кибитку бывшего тогда при нем, от полковника

Беклемишева, с небольшою командою дмитриевского дворянина Спиридона Везелева и оному объявил, что он вначале пожалован ханом от Ее Императорского Величества, Государыни Императрицы Анны Иоанновны, а ныне и Далай-лама пожаловал ему ханский чин и потом прислал к нему грамоту и на ханство — знамя, ханский убор и прочие знаки и дал ему звание ''шасана бюнзе'' да и чин ''хан'', и при том как он, так мать его ханша Дарма Бала и Шакур-лама приносили — за высочайшую Ее Императорского Величества милость — благодарение.

Но сего Черен Дондук[у] от Далай-ламы данного звания употреблять времени не было, затем что он вскоре потом зазван в город Царицын, и тамо задержан, и отправлен в Санкт-Петербург.

При сем случае приметить надобно о калмыцкой Зарге.

Зарго, на их языке — суд, бывает всегда при доме ханском, и присутствуют в особливой кибитке ханские первые и вернейшие зайсанги, между которыми бывают и из попов по человеку и по два, на которых верность хан надежду имеет.

А всех, по их древнему обыкновению, больше осьми человек не бывает. По стольку ж человек бывало в Зарго и у зенгорских ханов и главных владельцев, которых они называют еке нойон, то есть великий князь.

При том суде бывает по нескольку человек нарочно определенных писцов, приставов, рассыльщиков и других служителей.

В той же кибитке хранится и Уложенье их, писанное на белой камке.

Члены, в той Зарге присутствующие, на их языке называются тусулукчи и заргучи, то есть советник и судья, а все вообще — саит, то есть министры. Писцы называются бичачи, а приставы — яргучи. От той Зарги зависит правление всего калмыцкого народа, и в оной сочиняются отправляемые ко двору императорскому доношении и к ближним от них командирам российским письма, и указы ханские к калмыцким владельцам о публичных делах, и черныя — приносятся к хану для апробации и потом переписываются набело и припечатываются ханскою печатью, которая хранится у первейшего и вернейшего его зайсанга.

В той же Зарге между калмыками производятся во всяких судебных делах по словесным и по письменным прошениям присутствующими членами решения словесные, по которым и исполнение чинится. А ежели случится такое дело, в котором присутствующие члены в голосах будут несогласны (а хотя и согласны — да дело будет немалой важности), о том представляют хану, и чинятся решения по его конфирмации,[48] словесные ж.

Ежели случится суд между двумя нойонами, то есть владельцами, или между нойона и жены его, то призываются с обеих сторон в тот суд поверенные, а во время прошения о апелляции, от кого из зайсангов на

[48] Конфирмация — утверждение высшей государственной властью судебных приговоров. (*Примеч. ред.*)

собственного его владельца,— призываются от того владельца поверенные ж, а иногда для разбирательства того к обыкновенным присутствующим членам прибавляются еще в судьи некоторые из их попов, а иногда случалось, что сверх вышеписанных членов и попов от хана определялся к такому временному суду один и из нойонов.

И для всего того, во время хана Аюки, от каждого знатного нойона чрез все летнее время бывали при его, Аюкине, доме из зайсангов их депутаты, с переменою погодно, которые о всяких их нойонов потребностях адресовались к Зарге. В той же Зарге при присутствии оных депутатов каждой весны и осени определяемо было, где которому нойону с улусом своим летовать и зимовать. И о том по конфирмации ханской давано было знать чрез тех депутатов и нойонам их, в чем и споров не бывало. Тем наипаче, что во время их праздников Цаган Сара, а паче Урюс — едва не все нойоны к хану Аюке съезжались. После же хана Аюки при ханах Черен Дондуке, Дондук Омбе и Дондук Даше, хотя их Зарго на прежнем основании и продолжался, но депутатов от каждого нойона при ханском доме не бывало, и в том Зарге присутствовали от каждого хана вновь определенные зайсанги и их дети, а особливо при Дондук Омбе некоторые были из рядовых калмык в зайсанги и попы произведены и в Зарго определены, что природные зайсанги почитали себе за крайнюю обиду.

Праздник же, называемый Урюс, бывает у них в четвертый месяц после Цаган Сары, или Нового года, а между тем определение сего праздника зависит от ханского объявления, причем наблюдается, чтоб в тех местах, где кочует калмыцкий народ, уже вышла зеленая трава, и кобылы их ожеребились, и могли их доить, и из молока их сидеть[49] вино. И как об оном празднике от хана объявится и назначится день, то к тому времени нойоны, попы, зайсанги, также и лучшие калмыки съезжаются к хану и отправляют празднество пусканием лошадей взапуски и борьбою нагих калмык, которые мажутся маслом или салом, и стрелянием из лука стрелами в мишень с особливым награждением за все то победителям, а при том калмыки и беспросыпно пьянствуют больше полумесяца, причем до окончания того их празднества никто никого никакому делу, также и к походу, ежели от хана заранее не будет предварено, принудить не может.

В первый день сего праздника хан дает стол бывающим для того к нему в приезде нойонам, знатным попам и зайсангам, а потом некоторые из нойонов и из знатных попов и зайсангов и его к себе с прочими для того просят, и так тот праздник продолжают в увеселениях.

Калмыки ж и мунгалы по закону своему должны в каждом месяце три дня поститься: осьмое, пятнадцатое и последнее, то есть двадцать девятое или тридцатое число. Тот их пост называется мацак, и оный ханы, нойоны, зайсанги и многие из простого народа действительно содержут, и в те их

[49] Сидеть — курить, гнать, добывать перегонкою (вино, смолу и т. п.). (*Примеч. ред.*)

постные дни они только вполдни пьют: богатые — чай с молоком, а убогие — одно молоко, и едят каши с молоком и маслом коровьим, а мяс и рыб, яко животного есть, и прежде полден и после обеда, то есть ввечеру, и следующую ночь пить ничего не могут, да и дел никаких не делают, и никого к себе не допускают, а сидят в кибитках своих, читают молитвы, перебирают рукою четки. А духовные их — от большого до самого меньшего чина — от того поста законом уволены.

Того ж 1735 года, сентября 20 дня генерал-майор и губернатор Измайлов отправился из Астрахани водяным путем для приведения Дондук Омбы к присяге и, будучи в пути, не доезжая Черного Яра, на луговой стороне в урочище Казы-Яре, по желанию хана Черен Дондука с ним, ханом, виделся, при чем был и Шакур-лама, и губернатор объявил им о себе, что едет он для привода Дондук Омбы и других владельцев к присяге — в Царицын, советуя и им, хану и Шакур-ламе, что[б] туда же ехали, якобы для договору и примирения с Дондук Омбою, на что хан охотно склонился и в Царицын затем быть обещал, чего ради губернатор Измайлов оставил при нем, хане, для побуждения его к приезду капитана Луку Шарматова, чтоб таким образом, заманя его, Черен Дондука, в Царицын, отправить его ко двору императорскому. А при случае его, губернатора, с ним, Черен Дондуком, свидания, задержать его было невозможно, потому что он был при своих улусах, и на степи без драки с ним не обошлись бы, отчего и последние владельцы разбежаться могли. И так прибыл он, губернатор, в Царицын октября 9 числа, где и полковник Беклемишев находился. А 22 числа того ж октября и хан Черен Дондук, а с ним брат его Галдан Данжин и Шакур-лама из улусов своих к Царицыну ж приехали. И по увещанию его, губернаторскому, въехали в город, где, объявя хану Черен Дондуку указ императорский и дав ему грамоту, его задержал, поруча отправление ко двору полковнику Беклемишеву, который его, хана, также и Шакур-ламу, самоизвольно с ханом ехать пожелавшего, отправил, и привезены они в Москву 15 ноября, 1735, а в Петербург 6 генваря 1736 года в препровождении капитана Петра Микулина. А ханский брат Галдан Данжин возвратился из Царицына в дом свой, на луговую сторону Волги. Губернатор же Измайлов того ж 22 числа октября — по поручении хана Беклемишеву — поехал из Царицына на Дон, для свидания с Дондук Омбою.

Между тем донской старшина Данила Ефремов от 18 и 30 сентября в Коллегию доносил, что августа 18 дня приезжал к Дондук Омбе от крымского хана Ширин-бей, призывая его для свидания с ханом, который тогда чрез море переправился на кубанскую сторону, и Дондук Омбо пришел было в немалое размышление, опасаясь, чтоб оный хан крымский не стал ему, Дондук Омбе, в переходе к Волге своим войском препятствовать.

И для того он, Дондук Омбо, Ширин-бею дал обещание, что к хану поедет, и в народе своем разгласил, дабы к походу туда были в готовности, да и действительно, при немалом собрании войска своего, выступал, отпустя улусы свои к реке Манычу, и шел к Кубани три дня, токмо не больше, как по пяти верст на день, но потом, взложа на себя притворную болезнь, остановился и посылал с тем к хану крымскому сына своего, которого хан принял ласково и обнадеживал Дондук Омбо поручить над всем кубанским и калмыцким народом главное правление и дать чин сераскерский, токмо б он возвратился к Кубани, а ежели не возвратится, то б дал ему с сыном своим 4000 своего войска, отправя затем с сыном его к нему, Дондук Омбе, оного ж Ширин-бея.

Но Дондук Омбо, опасаясь хана крымского, сына своего к нему не послал, а отправил войска своего только 300 человек, а Ефремову объявил, что он то войско послал для того, чтоб от хана крымского и от кубанских татар не иметь опасения и удобнее б было перейти к Волге. А между тем от хана к которой стороне будет движение или на улусы его какое замышление, то он, Дондук Омбо, чрез них может получать известия и от того иметь предосторожность. А когда хан приближится к Кабарде или пойдет в Персию, и тогда войско его от хана пристойным образом может отлучиться. Он же, Дондук Омбо, 5 числа сентября отправил к хану при помянутом Ширин-бее зайсанга своего с объявлением, что он идет возвратно в державу Ее Императорского Величества, но ежели тамо обещаемой милости не получит, то и паки на Кубань прийти может.

И тот зайсанг возвратился сентября 10 дня, и с ним паки прислан к Дондук Омбе помянутый Ширин-бей, и привел к нему от хана крымского жеребца турецкого с седлом и уздою серебряною, и с попоною богатою и привез булаву серебряную, саблю хорошую, денег тысячу левков турецких, мех соболий, шубу горностаевую и кубик серебряный и притом старался возвращать его с пути различными образы. И Дондук Омбо Ширин-бею, показывая Ефремова, говорил, что он прислан к нему от лица Ее Императорского Величества и милостию Ее Величества накрепко его обнадежил, и в знак того получил он императорские милостивые грамоты, чему он весьма верит, и возвращается к Волге на прежнее жилище с намерением примириться с своими сродниками и жить в покое и тишине, и с тем оного Ширин-бея от себя отпустил. И видно было, что крымский хан и кубанские татары на Дондук Омбу остались не без злобы. Сентября 15 числа Дондук Омбо переправился чрез реку Маныч, и пришел к реке Салу, и назначил место присяги близ Дону и Царицына — на реке Аксае, и часто упоминал о вывозе из улусов хана Черен Дондука, говоря, что ежели оный отлучен не будет, то он, Дондук Омбо, и присяги не учинит.

А Доржу Назарова и Лубжу со всеми улусами Ефремов сын препроводил к Астрахани.

Вышепомянутые же триста человек калмык, от Дондук Омбы к хану крымскому отправленные, возвратились к нему, Дондук Омбе, 12 октября, объявляя, что хан крымский переправился уже между тем чрез реку Терек и следует к чечням, а они, калмыки, возвратились — не доехав крымского войска — от урочища Хара Агач.

По определению Коллегии 15 октября послан к Ефремову указ, чтоб он — и по взятии у Дондук Омбы присяги — остался до дальнейшего указу безотлучно при нем для смотрения на его обороты и престережения интересов

императорских, о чем и к губернатору Измайлову в указе писано. Губернатор Измайлов ноября 7 числа от донского Есауловского городка — по письмам Дондук-Омбиным и Данила Ефремова — выехал в степь и путь свой продолжал вверх подле речки Аксаю, и 9 числа присланы к нему, губернатору, от Дондук Омбы зайсанг Абуджи и от Данилы Ефремова есаул Арчаков, чтоб он оттуда еще ехал в степь к реке Сарпе.

И 10 числа — по показанию теми посланными места у реки Сарпы, в урочище Россошах — остановился и расположился лагерем.

13 числа и Дондук Омбо к тому урочищу Россошах пришел с войском своим и расположился от губернаторского лагеря в десяти верстах.

И по многим пересылкам Дондук Омбо требовал, чтоб ставки для свидания с ним поставлены были перед лагерем в расстоянии двух верст и при тех бы ставках гранодеров, драгун и казаков не было, а ежели оных хотя до двадцати человек будет, то он, Дондук Омбо, за страхом, видеться не хочет. И хотя ему изъясняемо было, что без караула быть невозможно и что оный потребен для чести, но он и на то не согласился.

Почему принуждено было в том, снисходя его требованию, поступить, и в двух верстах от лагеря поставлено было две ставки, одна для публичных, а другая для уединенных разговоров, и при том еще палатка и кибитка. И от ставки, саженях в 20, караул из 12 человек драгун с тремя барабанщиками, да в саженях пяти музыка, а по установлении всего того прислан был от Дондук Омбы тот же зайсанг Абуджи, который, ходя по ставкам, осматривал, нет ли чего в них скрытного к их повреждению, и не заведено ль где войско, и, осмотря, послал к Дондук Омбе с известием нарочных, а сам остался при ставках.

14 числа ноября Дондук Омбо и при нем владельцы — брат его Бокшурга, Лубжа и Бату — да зайсангов и калмык более 2000 человек, все оружейные, и старшина Данила Ефремов приехали к губернаторской ставке и, не доехав до оной сажен за 20, остановились и слезли с лошадей, а как войско их все ставки окружили и оружие свое приуготовили — тогда они, владельцы, сняли с себя сабли, и губернатор Измайлов, подошед к ним, их встретил и — по взаимных комплиментах — взял было Дондук Омбу за руку, чтоб до ставки проводить, но он говорил губернатору, что есть его из владельцев старее, а старых людей должен он, Дондук Омбо, почитать, указывая на владельца Бату, почему губернатор, взяв Дондук Омбу правою, а Бату — левою рукою, к ставкам повел, а прочие за ними шли, причем били в барабаны ''поход'' и музыка играла.

А пришед в ставку, сели в переднее место: по правую губернатора сторону — Лубжа, подле его Бату, а подле уже оного — Дондук Омбо, подле его лекарь его — Зодбо Джамцо, позади Дондук Омбы — Манжи Джимба Джамсо, а потом — зайсанги. По другую ж сторону подле губернатора — владелец Бокшурга, а затем прочие их попы и зайсанги, все вокруг, а при губернаторе больше при том случае не было, как только дети его, Данила Ефремов, секретарь Василий Чириков, адъютант и два переводчика. Когда же губернатор предложил Дондук Омбе о присяге и подал ему экземпляр оной, тогда Дондук Омбо, приняв и прочтя про себе, приказал первому своему зайсангу Норбо Череню читать всем вслух. И по выслушании Дондук Омбо говорил, что во оной включено, чтоб ему владельцам и зайсангам никакой противности не чинить и от них ничего не отнимать, а понеже имеет он ныне при себе других владельцев улусы, которые по той присяге надлежит ему возвратить, а ежели не возвратит, то владельцы примут себе в обиду, из чего может произойти между ими несогласие.

На что губернатор ему изъяснял, что сила той присяги состоит впредь с того времени, как он присягу учинит, а не на прошедшее время, и что улусы, при нем находящиеся, указом Ее Императорского Величества отданы ему, Дондук Омбе, на собственное его рассмотрение, и которые он при себе удержит, а владельцы оных о отобрании будут просить, таковым в том будет отказано, и впредь от него того желать воспретится.

Потом Дондук Омбо губернатору дал знать, что он имеет с ним говорить секретно, и для того вышли в другую ставку, где были при Дондук Омбе первый его зайсанг Норбо Черен и Манжи Джимба Джамсо, а при губернаторе старшина Данила Ефремов, секретарь Василий Чириков и переводчик Яков Самсонов. И Дондук Омбо губернатору говорил, что хотя он такую присягу учинить и должен, токмо противен ему владелец Дондук Даши, которому не оставит он, Дондук Омбо, учинить отмщения. И так ежели во оной присяге написано будет, что обиды никому не чинить, кроме Дондук Даши, то он присягать и будет. И хотя губернатор, изъясняя многие резоны, склонял его, Дондук Омбу, чтоб он, оставя прежнюю на Дондук Дашу досаду, принял его в прежнюю дружбу, и на то Дондук Омбо сказал, что он Дондук Даше не верит, для того что он человек лукавый, и в присягу свою включить его не может, а будет просить Ее Императорское Величество об отмщении ему за показанные его к нему противности. И потом, взяв экземпляр присяги, приказал Джимбе Джамсе на оном подписать, что в верном подданстве и в послушании присягу учинил, и ту надпись и он, Дондук Омбо, подписал своею рукою и печать свою к тому приложил.

При том же он, Дондук Омбо, просил губернатора о бывшем у него крымском татарине Тугул Дархане, чтоб он допущен был видеть, какая будет ему, Дондук Омбе, милость Ее Императорского Величества, на что губернатор и позволил.

По возвращении же в публичную ставку Дондук Омбо приказал присягу свою зайсангу Норбе Череню пред всеми вслух прочесть и, по прочтении оной, говорил, что он Ее Императорскому Величеству верным подданным и в послушании воли и указам Ее Императорского Величества до конца жизни своей непременно быть желает и потом, взяв бурхана (то есть идола), положил на свою голову и ту присягу сам губернатору отдал, а губернатор затем объявил его, Дондук Омбу, главным калмыцкого народа управителем. После того присягали прочие владельцы, то есть Бокшурга, Лубжа и Бату, и их знатные попы и зайсанги, и читаны были им и всем калмыкам печатные — о учинении

Дондук Омбы главным управителем — грамоты. По выслушании оных Дондук Омбо за высочайшую Ее Императорского Величества милость приносил нижайшее благодарение и за здравие Ее Императорского Величества, приняв поднесенную ему чарку водки, немного выпил и, отдав оную зайсангу своему, отговорился, что хотя он от рождения своего никакого вина не пивал, но за здравие Ее Императорского Величества — пил, а прочие владельцы и зайсанги пили довольно и сколько кто мог.

Для калмыцкого ж войска поставлено было вино в кадках, к которым от Дондук Омбы приставлены были зайсанги, чтоб калмыки его не упивались. Во все то время играла музыка, а в лагере губернаторском производилась пушечная и ружейная пальба. В то ж время Дондук Омбо губернатору говорил, чтоб запрещено было во всех городах и местах калмык принимать и крестить, для того что россиянам в них пользы никакой нет, а они, приняв крест, у некрещеных воруют, отчего и происходят немалые ссоры, а паче всего крещением их — у владельцев калмыцких людей умаляется, о чем он будет с прошением доносить и Ее Императорскому Величеству, говоря, что он с тем и с другими его требованиями отправляет ко двору Ее Величества посланца своего Манжи Джимбу Джамсо, чем тот день и кончился. И губернатор Дондук Омбу и других владельцев провожал до их лошадей.

На другой день, то есть 15 ноября, губернатор отослал к Дондук Омбе, к владельцам и знатным зайсангам и попам в подарки соболей, камок и атласов, также чаю и сахару на 701 рубль.

На третий день губернатор, отправя обоз свой в Царицын, сам заезжал к Дондук Омбе для объявления, что — по силе полученного им, губернатором, указа — велено Данилу Ефремову остаться при нем, Дондук Омбе, до получения о крымском войске известия, на что Дондук Омбо говорил, что он указом императорским обнадежен уже, чтоб Данилу Ефремову ехать при его, Дондук-Омбиных, посланцах ко двору. И так, ежели Ефремов при его посланцах не поедет, то он тех посланцев и не отправит, с чем от губернатора и остался, но на другой день присылал он, Дондук Омбо, к губернатору Джимбу Джамсу с тем, что хотя он на оставление при себе Данила Ефремова и не склонен был, однако ж, посоветовав с зайсангами своими, на то согласился. А в то время, как он, губернатор, к Дондук Омбе приезжал, при кибитке его находилось для охранения его двадцать человек калмык вооруженных, и так от Дондук Омбы губернатор Измайлов возвратился в Царицын того ж ноября 17 дня.

При сем месте приметить надлежит, что хотя в экземпляре присяги, данном губернатору Измайлову для Дондук Омбы, предписано было:

1-е. Что ему все то содержать, что дед его, Аюка-хан, при учинении присяги своей обещал.

2-е. С владельцами калмыцкими поступать ему по древним их правам и обыкновениям, не чиня никому обиды, и принадлежащего им не отнимать.

Но он, Дондук Омбо, вышеописанною своею, на присяжном листе, подпискою и изустным своим публичным подтверждением оба те пункты из

присяги своей исключил, да и после сходственно с тем поступал, то есть владельцев изводил и улусы их по собственной своей воле отнимал и другим владельцам раздавал, как о том упомянуто будет ниже.

Данилу Ефремову, при вышеописанных его для призыву Дондук Омбы посылках, из Коллегии дано на проезд и для подарков калмыкам 8800 рублев, кроме прогонов ему самому и присланным от него.

Следующее сему сочинено будет впредь, как время допустит.

А сия первая часть окончена 5 июля 1761 года.

Приложение

ФРАГМЕНТЫ КАРТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1739 г., ИЗГОТОВЛЕННОЙ В САКСОНИИ В 1739 г. ПО ЗАКАЗУ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Оригинал хранится
в личной коллекции
И. В. Борисенко

OCEANU

MARE

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание

Серия "Наше наследие"

Бакунин Василий Михайлович

ОПИСАНИЕ КАЛМЫЦКИХ НАРОДОВ, А ОСОБЛИВО ИЗ НИХ ТОРГОУТСКОГО, И ПОСТУПКОВ ИХ ХАНОВ И ВЛАДЕЛЬЦЕВ

Редакторы *В. Л. Теленгидова, А. В. Задорожная*
Художественный редактор *С. Э. Котинов*
Технический редактор *К. П. Белова*

ЛР № 010037
ИБ № 1495

Сдано в набор 15.05.95. Подписано в печать 05.07.95. Формат 60 х 84/16.
Бумага офсетная № 2. Гарнитура NTTierce. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,3. Усл. кр.-отт. 9,53. Уч.-изд. л. 11,86.
Тираж 3000 экз. Заказ 2270. "С" 016.

Калмыцкое книжное издательство,
358000, г. Элиста, ул. Ленина, 243, Дом печати.

АПП "Джангар" Республики Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. Ленина, 245.

